ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 15 АПРЕЛЬ 1987

ИДУЩИЕ НАВСТРЕЧУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (3116)

11—18 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Делегат XX съезда ВЛКСМ студент Гомельского политехнического института Евгений Коломакин. (См. в номере материал «Как пишется биография».)

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

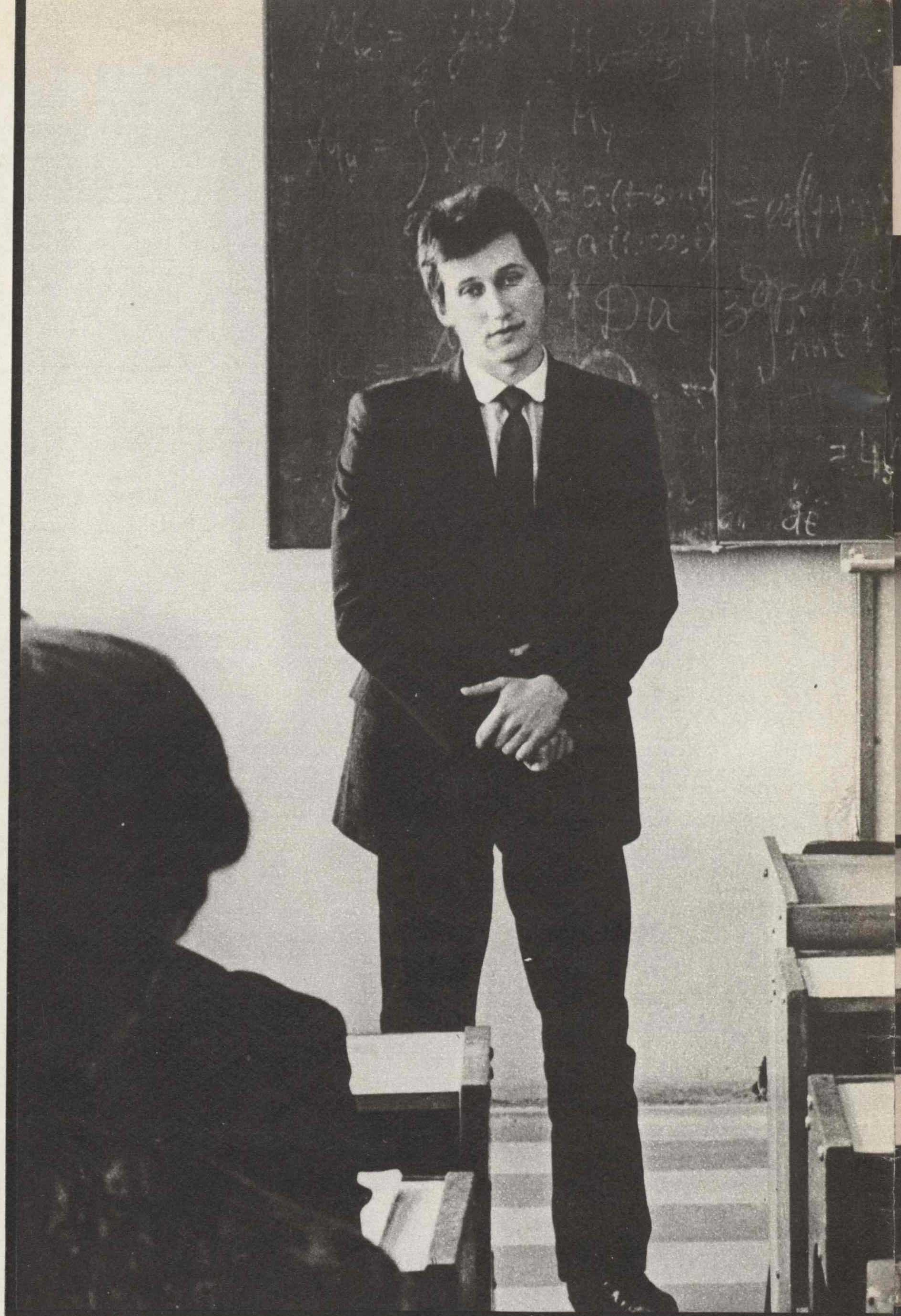
Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии О. ХРОМОВОЙ.

Телефоны редакции: Секретариат —212-23-27; Отделы: Публицистики —212-21-88; Коммунистического воспитания —250-38-17; Международный —212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства —212-15-39; Писем и массовой работы —212-22-69; Фото —212-20-19; Оформления —212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 23.03.87. Подписано к печати 07.04.87. А 00354. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1206. Заказ № 278.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

15 апреля в Москве открывается XX съезд ВЛКСМ. Делегаты обсудят самые разнообразные проблемы жизни советской молодежи. Желаем представителям сорокамиллионной комсомолии страны плодотворной и серьезной работы!

КАК ПИШЕТСЯ БИОГРАФИЯ

Студент Гомельского политехнического института Евгений Коломакин — делегат XX съезда ВЛКСМ. Служил в Афганистане, был ранен, награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

...Все было привычным, знакомым с детства, и новым, и казалось, когда он шел от вокзала домой, что жизнь теперь будет иная, не похожая вовсе на ту, доармейскую. Но вот уже обнялся с друзьями и встретил девушку по имени Валя, которая стала женой и родила ему девочку Настеньку, и одна сессия в институте миновала, и другая, и снова научился кататься на коньках, и попробовал даже заниматься любимой акробатикой (был мастером спорта), и съездил в стройотряд...

— Расскажите, — попросили Евгения на собрании в институте, где его принимали в партию,— за что вас, юношу, наградили столь высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени?

— За работу в студенческом строительном отряде,— ответил Евгений.— Я был командиром. Ничего особого ни я, ни мои товарищи не совершили. Работали честно. Так, как могли. Как должны были...

Сергей МАРКОВ

● **Студента ГПИ Евгения Коломакина принимают в члены КПСС.**

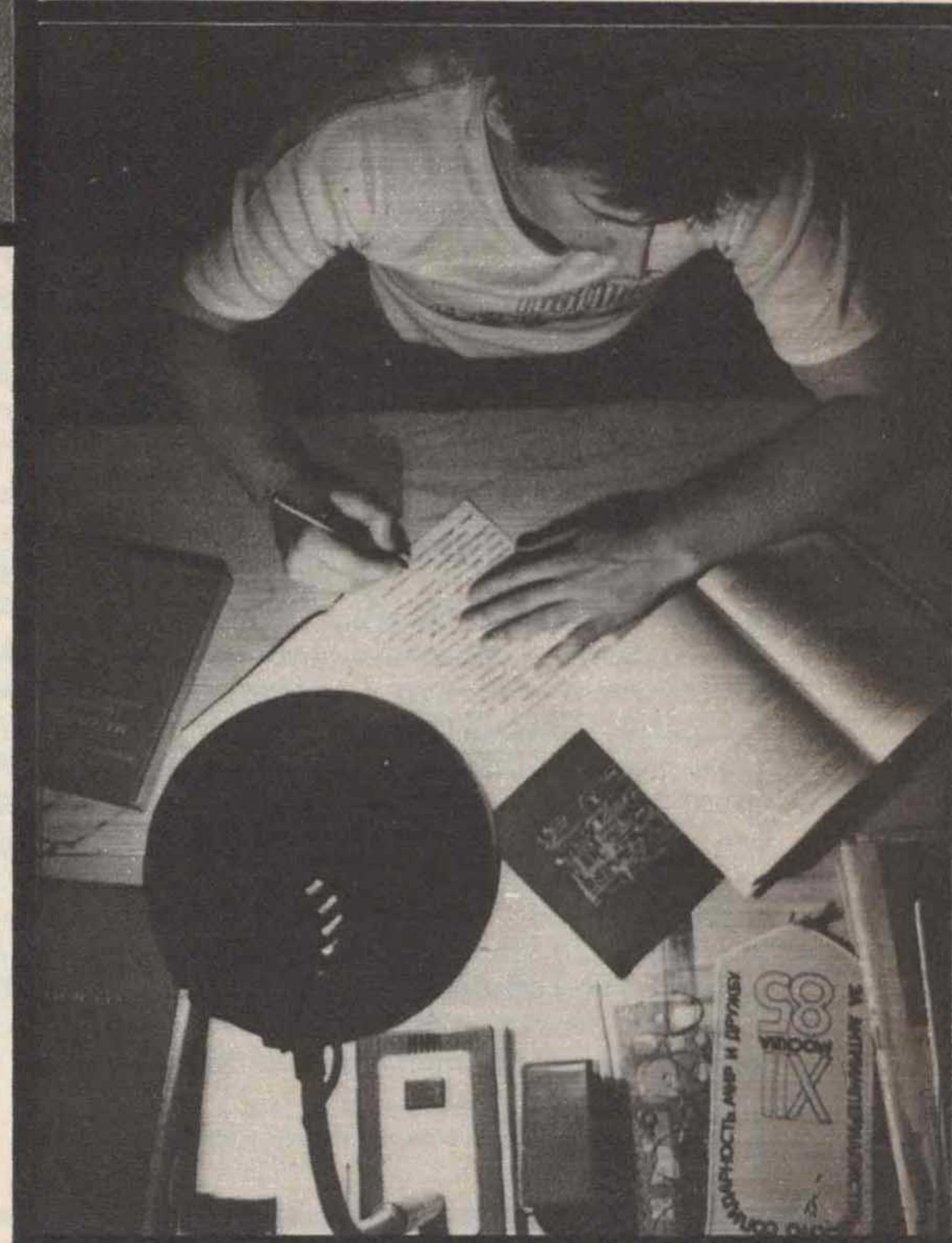
● **Встреча с ветераном войны, Героем Советского Союза Д. Н. ПЕНЯЗЬКОВЫМ.**

● **Завтра экзамен.**

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Игорь СУХАНОВ

Фото Ильи Гричера.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

После первого разговора с делегатом XX съезда ВЛКСМ Татьяной Беляевой я, сидя вечером в гостиничном номере, в блокнот записал следующее:

«Татьяна Беляева — аппаратчица вальцевания ионообменных мембран, работает на щекинском производственном объединении «Азот». Молодой специалист — пять лет назад окончила Щекинский химико-механический техникум. Член профкома объединения. Член комсомольского бюро цеха. Депутат Щекинского городского Совета. Член педагогического отряда, шефствующего над интернатом, — ведет там кружок вязания у девочек-семиклассниц. Занимается танцами во Дворце культуры, а в спорткомплексе — в секции аэробики. Новое, совсем недавнее увлечение — спелеотуризм. Посильно участвует в строительстве дома, где вскоре получит квартиру, — дом предприятие строит хозспособом. Заботливая дочь и старшая сестра».

Перечень, как видите, внушительный. И все это из жизни симпатичной хрупкой девушки с темными волосами. Девушки, которая очень смущалась, когда я ее расспрашивал, и которая очень твердо и решительно прекратила нашу беседу, когда пришло время идти на смену: «Разговоры разговорами, а в цехе мне женщинам в глаза смотреть, не вам».

В один из дней я пришел в цех посмотреть, как Татьяна Беляева работает. Здорово это у нее получается. Движения уверенны, изящны.

«А ну попробуй сам: температура мембраны — плюс 150. В считанные секунды надо протянуть ее через вальцы так, чтобы не успела она остыть и чтоб ни единой дырочки»,— сказал мне Танин товарищ.

Не знаю, то ли профессия аппаратчика — ее призвание, то ли Татьяна просто человек настолько основательный, что плохо делать не может ничего. Но факт, что у нее самый высокий — пятый — разряд, а в цехе мне о ней сказали: «Татьяну мы любим и уважаем в первую очередь за то, что работает она не просто на совесть, но и с душой».

Вы помните, в самом начале я упомянул: Татьяна Беляева окончила химико-механический техникум.

Вполне могла рассчитывать на место технолога, сменного мастера. Но за должностью не гналась, объясняя это просто: «Для того чтобы руководить, одних знаний мало, дайте мне возможность набраться опыта».

Сейчас в цехе трудно найти специальность, которую бы Татьяна не знала. Но даже теперь, после пяти лет работы, оценивая собственные способности и навыки, она считает: руководить людьми ей еще рано. И в этом те, кто работает с ней рядом, видят вовсе не боязнь ответственности, а строгую, взыскательную оценку собственных сил.

Итак, на работе у Татьяны Беляевой все ладится. Но тогда откуда же недовольство собой?

Может быть, оттого, что из-за вечерних смен пропустила два занятия в интернате? Девчонки-то ее ждут. Или поймает себя на мысли, что книгу в руки не брала уже две недели. Мало ли что устает, мало ли что времени нет. Ведь сама себе давала зарок — читать каждый день хотя бы по нескольку страниц...

Вместе с Татьяной Беляевой и секретарем комсомольской организации «Азота» Владимиром Шаровым мы побывали в разных бригадах, разных цехах объединения.

Татьяну поздравляли. А потом она сама задала один вопрос: «Ребята, что поручаете мне сказать съезду?»

Для делегата XX съезда ВЛКСМ Беляевой, для всех комсомольцев «Азота» это вопрос вопросов. Ведь ситуация здесь ой как непроста.

Помните, наверное, что «Азот» — знаменитое на всю страну предприятие, где был рожден и выпестован не менее знаменитый щекинский метод.

«Да нет, — возразит первый же азотовец,— не это сейчас главное. Ходят слухи, что наше объединение ликвидируют...»

Суть проблемы в том, что производственное объединение «Азот» и музей-усадьба Льва Николаевича Толстого Ясная Поляна — соседи. Но отношения между ними отнюдь не добрососедские. «Азот» просто-напросто губит Ясную Поляну. Выбросы вредных веществ, без которых химическое производство, увы, пока немыслимо, стремительно сокращают срок жизни старинного парка и усадьбы.

По этому поводу выступали общественность, пресса. Наконец было принято решение о закрытии на «Азоте» ряда вредных цехов и целых производств с последующей переориентацией объединения на выпуск экологически чистой продукции.

Вредные цеха закрыли без промедления. Оборудование демонтировали. Переориентировать же предприятие на выпуск другой, экологически чистой продукции в Министерстве по производству минеральных удобрений, к которому относится «Азот», не спешат. С «Азота» в министерство представлено уже семь (!) проектов реконструкции. Все они отклонены.

Цеха стоят. И если для меня, человека приезжего, почти постороннего, эта картина просто необычна, то для каждого работника объединения она немой укор.

И вот влюбленные в свое объединение люди сейчас уходят с «Азота». Заметим, люди в основном молодые. Администрация объединения получила специальное разрешение в связи с чрезвычайными обстоятельствами выплачивать рабочим при увольнении двухмесячную среднюю зарплату. Это от пятисот до семисот рублей...

Деньги получают, а через неделю уволившиеся приходят в отдел кадров «Азота»: готовы все вернуть в кассу, лишь бы взяли обратно на объединение.

Я умышленно суховато перечисляю факты. Эмоции хотелось бы потратить на другое. Поймите правильно, ни один человек, причастный к «Азоту», не против закрытия вредных для Ясной Поляны цехов. Льва Толстого любят, почитают... Но работники «Азота» хотят, чтобы проблема реконструкции объединения решалась так же быстро, как быстро закрывали вредные цеха. Азотовцы хотят сохранить свой коллектив.

Вы скажете: все это важно, но при чем здесь делегат XX съезда ВЛКСМ Татьяна Беляева? А вот при чем.

Татьяна Беляева была избрана делегатом съезда на Тульской областной комсомольской конференции. На ней хотел выступить Танин товарищ делегат конференции Валерий Сомов. Он предварительно записался, несколько раз пытался воспользоваться так называемым свободным микрофоном, установленным в зале,— слова ему ведущие конференцию не дали. Сделали вид, что не заметили.

Все это происходило на Таниних глазах. Тем более что к выступлению Сомова готовились всей делегацией. Текст Валерий заранее показал работнику Тульского обкома комсомола. Но тот сказал: не по теме конференции. Так впоследствии и оказалось: не по теме.

Неудачные попытки администрации ускорить реконструкцию «Азота» и сохранить тем самым коллектив объединения, по-настоящему сильный своими традициями, несостоявшееся выступление Валерия Сомова на Тульской областной комсомольской конференции — для коллектива щекинского производственного объединения «Азот» так или иначе звенья одной цепочки.

Как это ни горько признавать, но те рабочие, те комсомольцы, с которыми мы разговаривали, от кого Татьяна Беляева ждала наказа, поддержки, а проще говоря, подтверждения ее сил, в высокие полномочия делегата XX съезда ВЛКСМ не очень-то верят.

А вот директор объединения, коммунист Юрий Ильич Давыдов, в Таню, в авторитет комсомола верит. Кто же прав, директор или молодые рабочие? Ждать ответа осталось недолго.

В самом начале, собираясь писать о Татьяне Беляевой, я обратился к ее друзьям. Уж они, много лет знающие Беляеву, наверняка подскажут, что в ее жизни, в ее характере главное.

Друзей и товарищей у Татьяны Беляевой оказалось много. Каждый из них готов был часами рассказывать о том, какой она замечательный человек, и все мои собеседники, словно предварительно сговорившись, на вопрос о самой важной черте Беляевой отвечали: «Совестливая».

На прощание Таня сказала мне буквально следующее: «Сейчас живу в ожидании серьезного испытания. Выдержу его или нет? Смогу ли доказать ребятам, что наша жизнь в комсомоле, наша работа, наша роль в обществе очень серьезны? И очень значимы. И честно говоря, иногда у меня появляется мысль: успех перестройки зависит только от меня».

По-моему, Таня испытание выдержит.

Щекино,
Тульская область.

Порой, вспоминая прошлое, мы не всегда отдаем себе отчет в том, что наша память тоже стала частью истории. Октябрь 1957 года, в СССР запущен первый искусственный спутник Земли. Я в то время только окончил институт, работал в КБ у Королева. Но я ощущал тогда себя просто одним из миллионов людей, когда мы вечерами выходили на улицы и смотрели на темное небо, чтобы увидеть несущуюся в пустоте светлую точку — этот символ могущества человека, сумевшего открыть золотым ключиком своего разума заветную дверцу в новый, неизведанный мир космоса.

12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

ОТ СЕНСАЦИИ К ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Николай РУКАВИШНИКОВ, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза

Я прекрасно помню, как Москва встречала Гагарина. Сотни тысяч людей, если не миллионы, вышли на улицы. Толпы запрудили все подходы к трассе, по которой ехали автомобили с Внуковского аэропорта в Кремль. На передней открытой машине стоял Гагарин. Увидеть его мечтал каждый. На Красной площади состоялась невиданная демонстрация. Море цветов и аплодисментов. Газеты, радио, телепередачи всего мира были переполнены сообщениями об этом событии. Еще бы! Дорога человеку в космос открыта, и люди радовались в предчувствии нового, необычного, даже еще не задумываясь над тем, куда ведет эта дорога и что встретит человек на пути по ней... Но об этом несколько позже.

Начались годы триумфального восшествия космонавтики на пьедестал почета. Ученые, инженеры и рабочие, занятые в строительстве и эксплуатации ракет и кораблей, по-прежнему были «закрыты» для широкой общественности, они где-то там в неизвестности молча делали свое дело. Зато космонавты, побывавшие в полетах, пожинали плоды безграничной популярности. Обо всем, что касалось их личностей и деятельности, говорилось и писалось только в восторженных тонах, и космонавты представлялись какими-то необыкновенными людьми с феноменальными качествами, которые имеются у одного на миллион. Создавалось впечатление, что космос — это удел одиночек, некая особая область техники, почти недоступная обычному человеку.

Сейчас, оглядываясь на прошедшее время, можно сказать с определенностью, что такой, мягко говоря, одноплановый образ космонавта, созданный печатью и популярной литературой, не только в чем-то обеднил представление об этой профессии, но и нанес ей определенный вред; нет нужды повторять положения XXVII съезда КПСС и других партийных документов, рассмотревших порочность создания любых «зон вне критики».

Конечно, этими словами я ни в коей мере не хочу поставить под сомнение успехи развития нашей космонавтики, которые тем не менее могли бы прозвучать еще громче, лишившись определенных просчетов. Тем более что, повинуясь общему закону развития, ситуация постепенно менялась. Продолжительные полеты экипажей на орбитальных станциях становились обычными, и значительная часть работ, выполняемых в космическом пространстве, из области чисто научной переходила в разряд задач народного хозяйства. Космическая связь и телевидение, предсказание погоды по данным из космоса, навигация и картография и многие другие практически необходимые людям области применения космоса начали входить в нашу повседневную жизнь. Появилась достаточно обширная литература по космонавтике, как специальная, так и популярная, к этой новой теме обратило свое лицо искусство. Космонавтика для людей постепенно превращалась в обыденность. Мы смотрим телевизионную передачу из Москвы, например, во Владивостоке или смотрим в Москве хоккейный матч, передаваемый из Канады,— и даже не задумываемся над тем, что в этот момент в холодной и черной пустоте космоса, на огромном удалении от Земли, на стационарной орбите работает для нас автоматический спутник-ретранслятор — сложнейший робот-автомат, состоящий из сотен тысяч согласованно действующих элементов, это чудо техники, впитавшее в себя весь опыт освоения человеком космоса, десятки и сотни частичных побед и ошибок.

Да и сам по себе космонавт теперь стал как бы ближе к людям. Количество людей, побывавших на орбите, стало заметным. Вот сейчас на борту орбитальной станции «Мир» работает Александр Лавейкин, он стал космонавтом № 200 во всем мире. Теперь если люди видят космонавта, то уже не смотрят на него, как на седьмое чудо света. Раньше было, например, так. На встрече одного из первых наших космонавтов с трудящимися вдруг подбегает к нему женщина, прикасается своей рукой к его руке и кричит подруге: «Маша! Ты знаешь, а он теплый!». А вот уже в наше время, несколько месяцев тому назад, выступаю я в школе, среди учеников старших классов, рассказываю о космических полетах. После моего выступления подходит молодой человек, высокий и стройный, хорошо одетый, и говорит: «Вот вы, Николай Николаевич, все интересно рассказываете. Но в вашем рассказе есть один недостаток. Вы говорите, как будто бы сообщаете нам о новом великом чуде: полете человека в космос. Мы понимаем, что для вас, пережившего начало космической эры, это так и есть. Но мы уже другие. Всю мою жизнь — от самого моего рождения — постоянно кто-то летает в космосе. Было бы лучше, если бы вы рассказали нам о перспективах работ в космосе, о том, куда пойти учиться, чтобы мы могли принять участие в космических работах в будущем...»

Вот так. Космонавтика становится обыденностью. Но, несмотря на это, интерес к космонавтике среди различных слоев населения нашей страны не пропадает, а даже увеличивается. Я ощущаю это хотя бы по роду своей общественной деятельности, поскольку я избран председателем Федерации космонавтики СССР. Нам пишут, к нам идут и школьники, и студенты, и солидные специалисты, и люди пожилого возраста, ветераны. Они несут свои предложения, проекты, изобретения. Массовым явлением стало создание школьных музеев космонавтики, проведение всевозможных космических конкурсов, научных чтений. Растет количество секций и кружков, занимающихся вопросами космонавтики...

К сожалению, мы еще не можем сказать, что все идет нормально и что интерес к вопросам космонавтики удовлетворен в полной мере. Может быть, это происходит и потому, что рассказываем мы пока о космических делах как-то очень уж осто-

СЛОВО О НАШЕМ ГАГАРИНЕ

Конец ноября 1965 года. Обсуждается тема комплексной дипломной работы... (Справа С. Белоцерковский.)

Фото Виталия ШИТОВА

В доме, о судьбе которого вы заботитесь, в том самом доме Гагариных («Огонек» № 9), я бывал не один раз. Встречался с Анной Тимофеевной, родными и близкими Юрия Алексеевича и знаю, что родительский дом — неотделимая часть души и быта космонавта № 1.

Уверен, среди героев нашего времени Гагарину принадлежит особое место. Немало случаев, когда почести, благополучие, власть портят людей. В нем же всесветная слава и всенародная любовь вызывали обостренное чувство ответственности перед людьми и перед собой. Талантливая натура его раскрывалась быстро. Он рос, прогрессировал буквально с космической быстротой — и как человек, становясь не по годам мудрым, и как ученый с замечательным, самобытным дарованием, и как большой организатор, руководитель творческих коллективов.

Об этом я тоже говорю с полной уверенностью. Мне довелось участвовать в обучении первого отряда космонавтов, когда они получали инженерное образование в Академии имени Н. Е. Жуковского. Юрий Алексеевич был моим дипломником. Будучи уже знаменитым на весь мир, разрываясь между служебными делами и общественной деятельностью, он пришел учиться.

...Первый экзамен, который я у него принимал. Юрий сосредоточен, четок. Пишет быстро. Но вот поднял голову, глаза горят, бегают задорные огоньки — к бою готов. Затем дельный, продуманный ответ по существу.

Полковник Гагарин после защиты диплома 17 февраля 1968 года привел меня домой, представил Анне Тимофеевне. Удивительно простая, мудрая и в счастье, и в горе — такой я видел ее в наши радостные встречи и в тяжкие минуты. С сомнением и трепетом душевным переселялась Анна Тимофеевна в Дом космонавтов. Помню, как старалась она, чтобы изба в Клушине была воспроизведена точно вплоть до деталей, и все вздыхала: «Не так, не так раньше углы крепили...»

Прошли годы, и я понял, что, уча Юру, я сам у него учился и сейчас я учусь у Гагарина. Вот почему меня так взволновала статья о печальной судьбе дома Гагариных. Слов нет, важно восстановить дом родителей космонавта, но не менее важно раздвинуть рамки проблемы: создать настоящий Гагаринский мемориал, такой, как мемориал Циолковского в Калуге. Насколько я знаю, к подобной работе в г. Гагарине уже готовятся. Но каким он будет? Недопустимо, чтобы живая память о Юрии Гагарине покрылась бы безжизненным хрестоматийным глянцем, чтобы к ней подходили с равнодушными штампами.

Как хотелось, чтобы на страницах журнала те люди, которые знали Юрия Алексеевича, могли бы поведать факты и живые воспоминания о нем, сказать свое слово о нашем Гагарине. Ведь таких людей становится все меньше и меньше, да и память — вещь ненадежная... Вношу первый вклад: посылаю «Огоньку» фотографию из своего архива, на которой Анна Тимофеевна оставила надпись, посетив рабочую комнату сына в академии.

Сергей БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ,
профессор, лауреат Государственных премий СССР

рожно, с оглядкой? Да и Федерация космонавтики, возможно, исчерпала далеко не все свои возможности. Работа эта сложная, не решены многие организационные вопросы, плоха материальная база любителей космонавтики, трудно бывает порою отличить истинного энтузиаста от приверженца космической моды. Однако мы считаем, что федерация станет надежным звеном в связи космонавтики с теми людьми, кто проявляет к ней интерес; энтузиазм и творчество надо поддерживать.

Я уже упоминал выше о том, что человечество, открыв для себя дорогу в космос, на первых этапах в порыве ликования не слишком задумывалось о будущем. Речь идет не о развитии космических полетов и прочих свершениях, о которых так много написали литераторы-фантасты. Речь — о всех сложностях взаимоотношений, если можно так сказать, человечества с космическим пространством. Лишь специально образованные и подготовленные люди того времени представляли себе всю грандиозность открывшихся новых возможностей и все великие трудности, которые предстояло преодолеть человечеству на этих дорогах. Уже тогда было в принципе ясно, что будущее космической техники может развиваться по двум совершенно противоположным направлениям: с одной стороны, это использование новых открывшихся возможностей на благо человечества, а с другой стороны, во вред ему.

Как пережиток нашего с вами неандертальского происхождения, до сих пор сохранился способ решения спорных вопросов позорным методом драки. Но если неандертальцы решали эти проблемы посредством кулака и дубинки, то некоторые наши высокообразованные современники готовы использовать для таких целей наивысшие достижения науки, техники и технологии, которые обеспечили наши успехи в космонавтике. Понятно, что я говорю о чрезвычайно остро стоящей сейчас проблеме так называемых «звездных войн». Мало кто четко понимает, как беззащитна поверхность Земли, на которой мы с вами живем, перед поражающим воздействием разрабатываемых сейчас или уже разработанных видов космического оружия. Нельзя дальше идти по этому пути использования космоса. Слишком велика и могуча стала дубинка в руках современного неандертальца. Этой дубинкой можно мгновенно прекратить существование нашей цивилизации, возможно, единственной и уникальной во всей видимой части Вселенной.

Однако отвлечемся от мрачных мыслей. Надо верить в то, что коллективный разум современного человечества окажется способным победить многовековые традиции — решать споры дракой. Примером тому, что мирный диалог между странами, континентами, идеологиями, философиями остался для нас, пожалуй, единственным выходом, стали многочисленные мирные предложения нашей страны, которые поддерживаются абсолютным большинством населения всей планеты. И если так будет — а иного пути выживания нет,— то в космонавтике для человечества останется только одна дорога — дорога использования космического пространства для пользы человечества, а на пути по ней, как писал К. Э. Циолковский, лежат «горы хлеба и бездна могущества».

Итак, космонавтика постепенно освобождается от ореола сенсационности и превращается в новый вид обычной человеческой деятельности. И наша основная задача состоит в том, чтобы эта деятельность была направлена исключительно на благо людей.

1917 • 1987

Сто двадцать мальчиков и девочек, как и десятки тысяч их сверстников, были для большевиков талисманом надежды...

Алексей АДЖУБЕЙ

ВОСПИТАНИЕ Ч

Жаль, уходит мода на семейные альбомы. И на письма, которые мы почти перестали отправлять друг другу. Телефон, телеграф, видео — знаки века, дарующие скорость, а вместе с нею иллюзию коммуникабельности...

Этот альбом я увидел случайно. Синий шелк, золотой вензель. Нехитрый дизайн поры, когда само это слово еще не вошло в наш обиход. Альбом — собственность моего сослуживца Ильи Григорьевича Плоткина, художника-ретушера журнала «Советский Союз». Больше двадцати лет мы работаем вместе.

Поначалу у меня в руках оказался только один снимок. Небольшая пожелтевшая карточка, на которой был запечатлен стройный молодой мужчина в летней, распахнутой у ворота рубашке, легких, видимо, саржевых брюках, в сандалиях на босу ногу. Сандалии были необычайно красивы. Я знал, что снимку почти семьдесят лет, а изящные «римского плетения» легкие туфли будто только сошли с полки модного магазина. Да и весь облик человека на фотографии совсем не вязался с прошлым. Мужчина был стрижен коротко, практично, теперь это называется «под солдата». Волосы не закрывали чуть покатого лба, опиравшегося на волевые, широко расставленные надбровные дуги. Он глядел в аппарат, иронично улыбаясь «птичке», которая только что выпорхнула из объектива. В нем было что-то актерское.

Илья Григорьевич назвал имя этого человека, сказал, что в его семейном альбоме немало других снимков, и я уговорил его принести альбом в редакцию.

Продолжу интригу и скажу пока только о том, что фотографии, аккуратно сохраненные Ильей Григорьевичем, делались с 1919 по 1922 год в Малаховской трудовой колонии под Москвой. Жили и работали там 120 мальчиков и девочек-сирот.

Их подбирали в сожженных деревнях, у линий многочисленных фронтов, в домах, куда не суждено было вернуться отцам и матерям. Подбирали обездоленных, растерявшихся, голодных и немытых, забывших все, что дарует человеку детство.

Листаю страницы альбома (читатели «Огонька» видят часть фотографий из него на страницах журнала), слушаю хозяина, и давняя, ставшая уже историей страница его личной биографии приобретает некий общественный смысл. Я вспомнил фразу американского репортера, сообщавшего в 1919 году в свою газету о событиях в России. «Большевики, видимо, на что-то рассчитывают. Они спасают своих детей...»

— Малаховка в ту пору,— рассказывает Илья Григорьевич,— встретила нас полной тишиной и запустением. Мы выбрали для жизни три дачи, оставленные убежавшими богатеями. Все было разбито и разрушено. Словно смерч пронесся по дачному поселку. Нас, маленьких, особенно пугали бродячие собаки, сбившиеся в стаю. Помню один из учителей сказал: «Боже, да ведь это не дворняги, это хозяйские породистые псы».

Сто двадцать мальчиков и девочек, как и десятки тысяч их сверстников, были для большевиков и в самом деле талисманом надежды. В Малаховке начиналась новая жизнь.

Все, абсолютно все им приходилось делать самим. Ремонтировать жилье, убирать комнаты, чистить дорожки и парк. Сажать, сеять, снимать урожай и хранить его. Печь хлеб и готовить горячую пищу. Стирать белье и одежду, штопать чулки, носки, пилить дрова и ухаживать за скотом, гладить рубашки и платья. Внимать учителям. Готовить уроки. Читать, писать, считать, отыскивать на карте континенты и страны, города и поселки, узнавать, отчего в их стране произошла революция и что стоит за словами Свобода и Родина.

У них были хорошие учителя. Они тоже делили весь труд со своими воспитанниками, но делали не только это. Возвращая детям детство, они возбуждали в ожесточенных, тревожных сердцах мальчишек и девчонок теплые токи душевной раскрепощенности. Марк Шагал — это его фотографию я увидел первой — был здесь учителем рисования. А ученик Сергея Ивановича Танеева Юлий Энгель связал детей с музыкой. Были и другие, не такие именитые, но достойные люди. Молоденькая учительница Паша Турецкая — любимица девочек и тайная любовь многих мальчишек — в 1941-м была повешена в Минске фашистами...

Андрей Вознесенский упоминал в № 4 «Огонька» за 1987 год об одной из воспитанниц Малаховской трудовой колонии И. Фиалковой. Она рассказывала, что ко дню 90-летия Марка Захаровича Шагала в 1977 году бывшие колонисты направили в Париж приветствие своему учителю рисования. Он ответил им, что, хотя теперь знатен и богат, никогда не забудет Малаховки и что он помнит всех своих воспитанников.

В блистательном эссе о Марке Шагале в том же номере «Огонька» Андрей Вознесенский назвал его голубым патриархом мировой живописи. Не светились ли в полотнах художника голубые глаза мальчишек и девчонок далекого 1919-го? Как живая частица Родины, которую никакой совестливый человек не может изъять из своей души.

Нет Марка Шагала, близится столетие со дня его рождения. Готовится почтить Мастера его родной Витебск и четверо из тех ста двадцати, кому довелось дожить до этого торжественного года.

Мы сидим с Ильей Григорьевичем в его маленькой комнатке и молчим. Перевернута последняя страница альбома. Я гляжу на моего товарища и ловлю себя на мысли, которая, если быть кратким, укладывается в одно слово: отчуждение. Человека от человека. И не только в труде, об этом много пишут экономисты и социологи, а в нашей повседневной, личной жизни. Все мы очень мало знаем друг о друге. Воспитание добрых чувств стало чуть ли не синонимом излишней сентиментальности. Не напрасно ли?

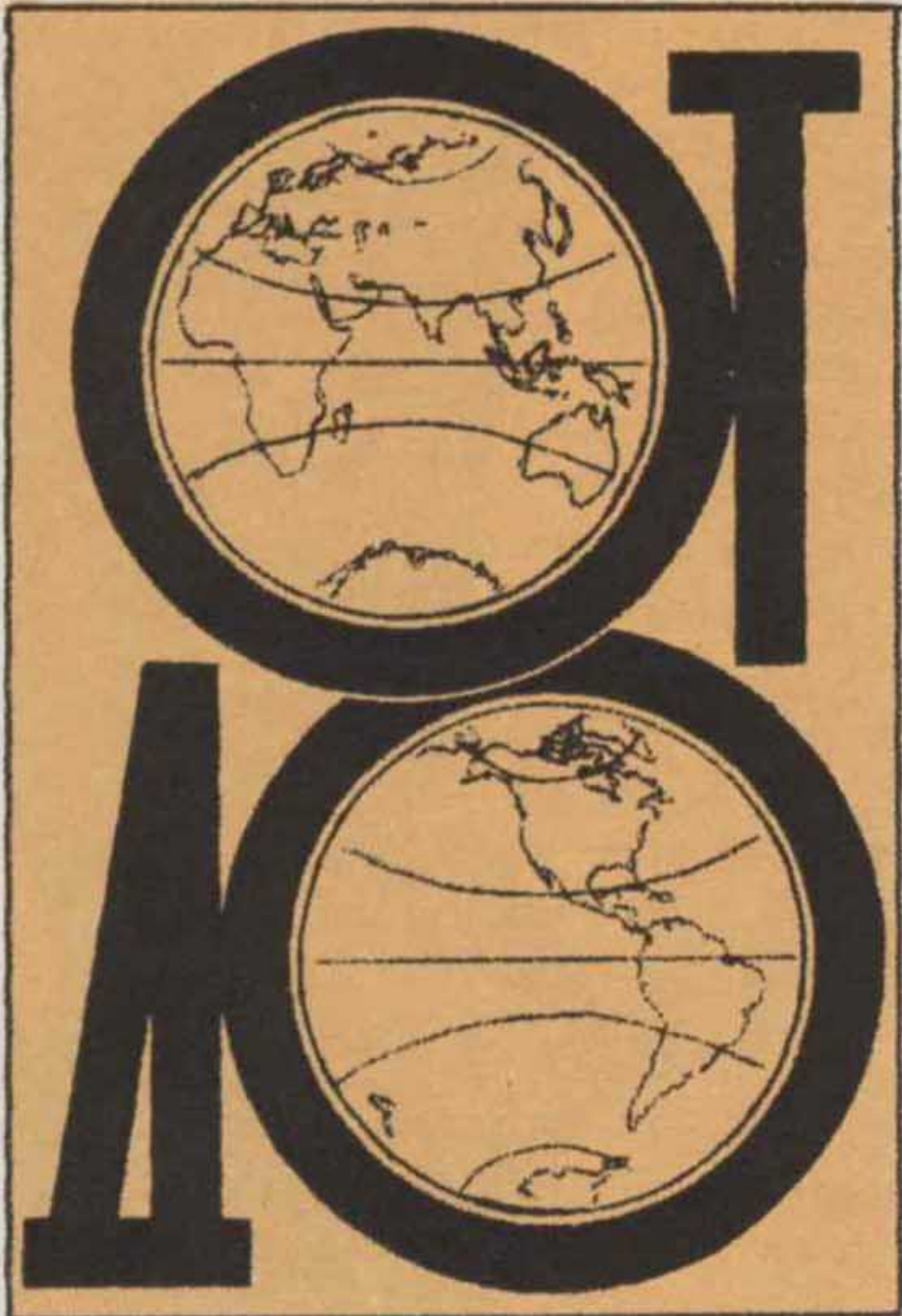
Солдат Илья Плоткин воевал на финской, в Отечественную отстаивал Сталинград. Было в его жизни немало горьких, не оправданно тяжелых лет. И я открываю для себя заново этого человека. Тоненькая кисточка художника-ретушера убирает с фо-

Все приходилось делать самим...

ЧУВСТВ

тографий все лишнее. Мелкие шероховатости, неточности, бликующие пятна. Главное здесь — не изменить суть снимка и образа человека. Ремесло терпеливых...

В свободный час Илья Григорьевич бродит по подмосковным лесам, отыскивает причудливые коренья старых деревьев, ветви, дающие толчок фантазии, и режет из всего этого скульптуры. Теперь у него есть свои ученики. Знают ли они, что Илья Григорьевич брал первые уроки рисования у великого Шагала?

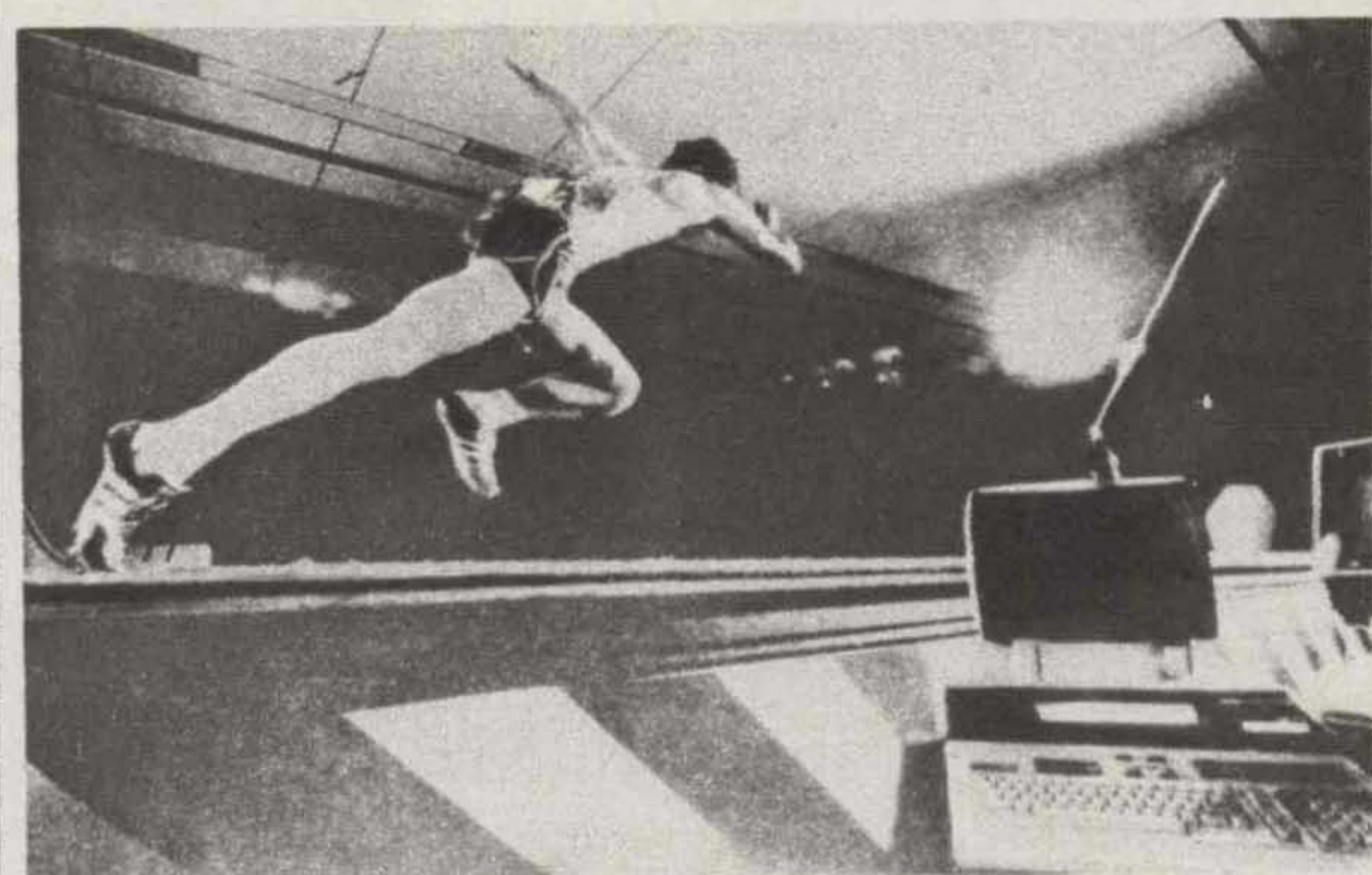
Марк Шагал.

THE CHRISTIAN SCIENCE MONITOR

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСУНОК

Цензура ЮАР в действии: «А, наконец-то неплохие новости...» (на заглавной странице газеты надпись: «Никаких новостей»).

РЕПОРТАЖ ИЗ «КОМНАТЫ ВОЙНЫ»

LIFE

«Большинство из нас знали об этом только из кинофильмов» — так начинает свой репортаж корреспондент, которому удалось впервые побывать в сверхсекретном командном центре Пентагона. Отсюда исходят все указания по использованию американских вооруженных сил, где бы они ни находились, прямая видеосвязь установлена между центром и президентским кабинетом в Белом доме. Здесь собирались оперативные совещания перед высадкой морских пехотинцев на Гренаде, отсюда отдавались команды экипажам бомбардировщиков сбрасывать смертоносный груз на города Ливии. Частый гость в этой «Комнате войны» американский министр обороны Каспар Уайнбергер.

РАКУРС

Петер Гинтер (ФРГ). Спорт и ЭВМ.

Международная фотовыставка «Мир тебе, планета Земля» готовится к открытию в Москве осенью нынешнего года. Ее девиз — «За мир и дружбу между народами, за гуманизм и социальный прогресс». К участию в выставке приглашаются как советские, так и зарубежные фотомастера и фотолюбители.

THE STAR

IT'S GOOD NEWS DAY

SPECIAL EDITION

BRITAIN'S LIVELIEST DAILY

20p

COMRADES!

Mrs. T for Two salutes the hero of Chernobyl

FULL STORY AND PICTURES—See Pages 2 and 3

ЗВЕЗДА ДЛЯ ГЕРОЯ

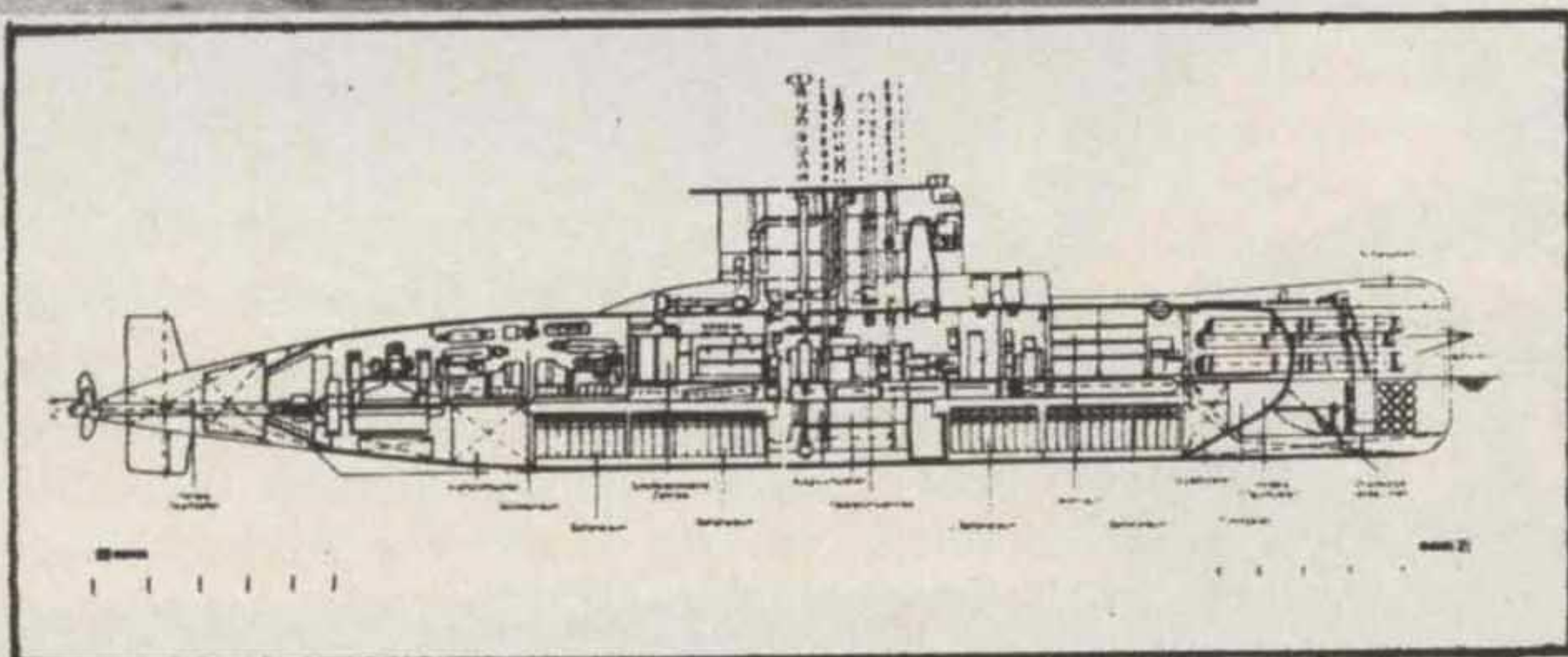
ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ СОСТОЯЛАСЬ В НАЧАЛЕ МАРТА В ЛОНДОНЕ. ПОПУЛЯРНАЯ ГАЗЕТА «СТАР» НАГРАДИЛА «ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ ГОДА» СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНИНА ПОДПОЛКОВНИКА ЛЕОНИДА ТЕЛЯТНИКОВА. ВМЕСТЕ СО СВОИМИ ТОВАРИЩАМИ ОН ПРОЯВИЛ ВЫСОКОЕ МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ ВО ВРЕМЯ ТУШЕНИЯ ПОЖАРА НА АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В ЧЕРНОБЫЛЕ. НАГРАЖДЕННОГО ПОЗДРАВИЛА И ПРИНЯЛА В СВОЕЙ РЕЗИДЕНЦИИ НА ДАУНИНГ-СТРИТ, 10, ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ВЕЛИКОБРИТАНИИ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР, В СВОЕЙ РЕЧИ ОТМЕТИВШАЯ СМЕЛОСТЬ ПОЖАРНОГО.

Warum deutsche U-Boote in der ganzen Welt so begehrt sind

Das Boot

А ЛОДКИ УПЛЫВАЛИ

Западногерманская общественность взбудоражена: в печати замелькали сообщения, будто подводные лодки для бундесвера, не успев сойти со стапелей, исчезают, чтобы затем ошвартоваться в портах Южно-Африканской Республики. «Как это могло произойти?» — впрямую задали вопрос боннскому военному ведомству. Чиновники предпочли отмолчаться.

Дотошные журналисты, сопоставив множество данных, пришли к выводу: вдобавок к лодкам режиму апартеида за приличную сумму передали и их чертежи (вопреки международному эмбарго на всякую, особенно военную, торговлю с ЮАР). А в сделке, ко всему, участвовал не кто иной — сам федеральный канцлер Гельмут Коль.

Милош Форман.

Демонстранты в Леньяго.

Сальери в фильме «Амадеус».

ВИНОВЕН ЛИ САЛЬЕРИ!

В одну из маленьких трагедий А. С. Пушкина миф об отравлении Вольфганга Амадея Моцарта его современником Антонио Сальери попал из Европы. Слух этот распространяла вдова композитора Констанция. В 70-е годы нашего столетия этот сюжет стал основой драмы Петера Шаффера «Амадеус», а кинорежиссер Милош Форман снял одноименный фильм, пользующийся успехом во многих странах. Но кто мог предвидеть, что демонстрация фильма вызовет самые настоящие демонстрации протеста против «вины» Сальери!

Началось с показа «Амадеуса» в итальянском городке Леньяго близ Вероны — родины Сальери, автора многих опер, учителя Л. Бетховена, Ф. Шуберта, Ф. Листа. Земляки композитора не согласны, как они считают, со «светской сплетней для интеллектуалов». Мэр Леньяго Джанфранко Буозо в интервью был категоричен: «Не дадим оскорблять память Сальери!» В самом городе именем композитора названы художественная школа, одна из главных улиц, создан музей в его доме. Кроме ежегодных концертов из произведений Сальери, планируется организовать музыкальный фестиваль его памяти.

ТАЙНЫ УМБЕРТО ЭКО

Итальянский лингвист, профессор семиотики Умберто Эко никогда не писал романов. Сейчас он и сам затрудняется объяснить, что подвигло его на литературный труд, результатом которого стало многостраничное повествование об убийстве в одном средневековом монастыре. «Имя розы» — так называется книга Эко, которая уже длительное время возглавляет европейский «парад» бестселлеров. Со времени издания в 1980 году продано рекордное количество экземпляров — 5 миллионов, появились переводы на 25 языках мира. Снимается одноименный фильм с популярным актером Шёном Коннори в главной роли, а саму книгу продолжают покупать...

Действительно ли роман обладает бесспорными художественными достоинствами? Автор, по единодушному мнению авторитетных литературоведов, просто собрал воедино «все банальности, свойственные любому историческому роману» и умело сыграл на интересе к истории. Неравнодушные к чьей-то популярности американцы поместили портрет Эко на обложке еженедельника «Ньюсуик». Что говорит он сам? «Я открыл метод, как стать миллионером. Вышлите мне почтой 10 долларов, и я открою вам тайну».

przyjaźń

СПАСШЕМУ КРАКОВ

В микрорайоне Ново-Броновицы древнего Кракова, спасенного от уничтожения советскими войсками, воздвигнут этот монумент Маршалу Советского Союза И. С. Коневу. Полководец на пьедестале словно живой, шагнувший из военного лихолетья в нашу современность. На открытие памятника в канун 42-й годовщины освобождения города от фашистских оккупантов приезжали родные маршала, его жена и дочери, ветераны войны — освободители Польши.

Автор монумента — известный скульптор, профессор Краковской академии художеств Антони Хайдецкий.

СИКСТИНСКАЯ СЕНСАЦИЯ

Шестой год восстанавливаются фрески Микеланджело в знаменитой Сикстинской капелле Ватикана. Объективы японского телевидения фиксируют малейшее движение реставраторов, за право этой записи было уплачено 3 миллиона долларов. С помощью губки и дистиллированной воды из-под многочисленных слоев краски и грязи извлекаются неожиданные по колориту сочетания тонов в одеждах библейских персонажей, в пейзажных мотивах. Сенсационным стало открытие рисунков углем самого Буонарроти! Долгое время считалось, будто он расписывал своды, лежа в неудобной позе. Ничего подобного, рисовал он нормально, стоя на подмостках, о чем и свидетельствует рисунок рукой мастера. Восторгам искусствоведов не было предела, однако же к ним примешалось и чувство тревоги: вдруг в пылу усердия реставраторы добрались до фоновых красок, за которыми уже штукатурка?

«Мой Микеланджело, ты перестал им быть!» — в запале восклицает писатель Джорджио Мангелли, жалуясь на утрату исторического, «хотя, возможно, и обманчивого» облика фресок. Многие итальянские и американские художники сейчас призывают реставраторов к сдержанности, а депутат парламента Антонио Танкреди вообще потребовал приостановить работы в Ватикане...

КТО ЕСТЬ КТО

ПАТРИЦИЯ И ЕЕ ДЕТИ

Patricia Montandon

Патриция МОНТАНДОН родилась в 1928 году в Сан-Франциско, штат Калифорния. Окончила университет, долгие годы занималась журналистикой, работала в ряде периодических изданий. С 1982 года становится активным участником борьбы за мир, основывает организацию «Дети как учителя мира». В настоящее время организация имеет название «Дети как миротворцы». Ежегодно, начиная с 1983 года, приезжает в Москву. Участница форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», проходившего в феврале 1987 года в советской столице.

— Организацию «Дети как миротворцы» знают во многих странах мира. Могли бы вы, госпожа Монтандон, рассказать, как возникла идея ее создания?

— Конечно, можно было бы придумать очень красивую историю с трогательными подробностями, однако все было проще. Ранним утром в самом начале 1982 года я готовила завтрак сыну, который собирался в школу. Накануне телевидение показывало очередной фильм, где взрывались ядерные бомбы, гибли и страдали люди. Мне даже ночью приснились ужасы. Глядя на сына, я подумала: неужели ему, когда он вырастет, придется пережить все это? Наверное, я здорово расстроилась в те минуты, даже слезы выступили на глазах. Шён бросился ко мне, обнял и сказал: «Мамочка, милая, если ты из-за меня, обещаю сделать все, чтобы у тебя всегда было хорошее настроение!»

Когда он ушел, я позвонила нескольким друзьям и поделилась с ними идеей создания всемирной детской организации. Все поддержали меня, и оставалось только действовать.

— В чем же состояла главная, так сказать, идея?

— Отправной точкой стала мудрость: «Устами младенца говорит истина», если помните. Дети, никто этого не отрицает, в отличие от нас, взрослых, не испорчены, их сознание не заражено синдромом страха и неуверенности. Так почему бы эту чудную чистоту души, помыслы и чаяния молодых не донести до сознания тех, от кого зависит, быть миру или случиться войне?

— В организации, как мы знаем, не только американские дети...

— Да, на прошлогоднем нашем традиционном награждении Международной детской премией за личный вклад в дело мира в калифорнийском парке Диснейлэнд собрались мальчики и девочки из более чем сорока стран. Из Советского Союза приехал Миша Соколов, он как бы принял эстафету у полюбившейся американцам Катерины Лычевой.

— Второй раз вы, Патриция, за неполных три месяца в Москве. Чем это вызвано?

— На февральский форум я просто не могла не приехать. А сейчас — рабочий визит. Едем из Норвегии с «Международной детской миссией мира», первой нашей крупной акцией года. В «миссии» есть ленинградский школьник Володя Сенькин, маршрут следования из СССР в Индию, Гонконг, Китай, Японию, США. Запланированы встречи с ответственными государственными деятелями этих стран.

Лариса ЧЕРКАШИНА,
фото Игоря ГНЕВАШЕВА

СКАЗ ПРО ФИЛИМОНОВСКУЮ СВИСТУЛЬКУ

Едем в Филимоново — старинную русскую деревню, что вот уже пятое столетие стоит на тульской земле. И сколько филимоновской игрушке лет, точно не счесть. Но, без сомнения, целые поколения наших малолетних пращуров забавляла звонкая глиняная свистулька.

Впрочем, филимоновской игрушке посвящено немало искусствоведческих изысканий. И не так давно еще многие из них заканчивались на бодрой, полной оптимизма ноте. Примерно вот так, как в книге И. Богуславской «Русская глиняная игрушка»: «Жизнерадостные, забавные игрушки из Филимонова — яркая страница истории советского народного искусства. Сегодня судьба этого самобытного очага местной культуры — в руках младших поколений мастериц».

Но где же они, эти младшие поколения? Если уж говорить с абсолютной точностью, то в самом Филимонове и вовсе никого не осталось. Приезжает сюда на лето лишь Александра Гавриловна Карпова — представительница славной династии филимоновских игрушечников, заслуженная художница РСФСР (зимой жить одной в деревенском доме ей уже не под силу).

Мастерицы Лукьянова и Евдокимова живут в соседних Красенках; и разделяет две деревни, стоящие друг против друга, лишь овраг, в котором местные жители издавна берут глину — очень мягкую, пластичную, прозванную здесь «синикой». Кстати, этим ее свойством и объясняется особая грациозность фигурок, удлиненность всех форм — иначе при сушке они прогнулись бы под собственной тяжестью.

А глину нужно накопать да принести в дом, а глина, известно, не козий пух, а потом вымесить, как хорошее тесто, игрушки налепить, высушить, нести через овраг в Филимоново — там только и осталась одна печь для обжига, да и снова в дом — раскрашивать.

У Евдокии Лукьяновой, худенькой и тщедушной на вид, руки кажутся непомерно большими — сильные и жилистые руки крестьянки. Разминает, перекатывает влажный комок глины. Работает — не глядит, а движения пальцев точны и быстры, будто в них заложены все умение и память ее матери, бабушки, прабабки.

Навестили и другую мастерицу — Евдокимову, бабу Лену. Только по случаю гостей поднялась она с постели — высокое давление. Посетовала и на болезнь, и на возраст, обеспокоилась, сможет ли нынешней зимой выполнить свою норму. Все это время договор с Тульским творческо-производственным комбинатом мастерицы добросовестно выполняли: каждая сдавала в год по полторы тысячи игрушек — от самой простой свистульки-утушки до сложной, многофигурной — наседок с цыплятами, парочек женихов и невест («Любота», как они по-местному называются). А каждый год дается все с большим трудом, и ниточка договора может вот-вот разорваться...

Но как ни печальны все эти обстоятельства, надежда на спасение филимоновской игрушки все-таки забрезжила. И появилась она в лице художника Николая Васильевича Денисова — уроженца здешних краев. Двадцать лет проработал он в Загорском Всесоюзном НИИ игрушки, а два года назад перебрался на родину, движимый благородной целью — возродить угасающий художественный промысел.

В Одоеве Денисов нашел единомышленников в лице первого секретаря райкома партии Александра Петровича Ветрова и председателя райисполкома Вячеслава Алексеевича Косарева, которых не пришлось убеждать в важности задуманного.

Конечно, одному Денисову дело было не поднять, понимал это и он сам, поэтому и стал собирать, сплачивать вокруг себя группу молодых художников.

Первым шагом стала попытка «привязать» промысел непосредственно к колхозу «Рассвет», в состав которого входит Филимоново. Неудача. Колхозу не под силу содержать такое предприятие до той поры, пока оно не начнет приносить прибыль. Удалось получить согласие на организацию художественных мастерских в соседнем колхозе имени Крупской. Принято это решение было общим собранием колхозников, утверждено райисполкомом. И вновь загвоздка — финансирование мастерской не разрешил банк.

Но Денисов не сдавался — отправился в областное управление местной промышленности все с той же, одной-единственной просьбой — помочь в организации промысла. Но не хотелось управлению обременять себя новыми заботами — отказали, сославшись на ...отсутствие в Одоевском районе необходимых запасов глины. Это в Филимонове-то, где глины еще на столетия хватит!

Не могут одоевцы пенять на невнимание ни Госагропрома, ни Минпромстроя СССР — не их это прямая забота. А вот требовать практической поддержки от российского Художественного фонда имеют полное право. Нужна ведь организация, которая бы не только материально содействовала восстановлению промысла, но и взяла на себя ответственность за его дальнейшую судьбу. Ведь не ровен час, возьмутся за дело (выгодным-то его сделать несложно) представители некой бойкой артели, нимало не заботящиеся о сохранении художественных достоинств старинной игрушки. Поставят ее на поток, механизируют основные процессы да и начнут штамповать.

Но не все гладко получается и у самих молодых мастеров. Потому и отличают пока специалисты «одоевскую» игрушку от старой филимоновской — и пластика тяжеловата, и цвет доминирует над формой.

В старании ребятам не откажешь, всей коммуной летом жили в Филимонове, где есть изба-мастерская, электропечь для обжига, и главное, неподалеку живут настоящие мастера. Но хоть получили все они звания «народных мастеров», до бабушкиных потешек им еще далековато.

Обеспокоен судьбой филимоновской игрушки Тульский обком партии — заботы о ней оказались совсем не игрушечными.

ПАЛИТРА

На проходившей не так давно в Москве, в Центральном Доме художника, выставке «Изобразительное искусство Азербайджанской ССР» зрители могли увидеть работы Тогрула Нариманбекова — сочные, яркие, «пляшущие» полотна — и имели возможность сравнить их с творчеством других азербайджанских художников. «Это самый азербайджанский из всех азербайджанцев!» — восторгался один из посетителей, стоя перед полотнами Нариманбекова. Это восклицание вызвано прежде всего громадной искренностью самого художника, которой полны его произведения.

Иван ПОДШИВАЛОВ

МИР КРАСОК НАРИМАНБЕКОВА

Художник Тогрул Нариманбеков родился и вырос в Баку. Его детство пришлось на тридцатые годы — то время, которое теперь называют трудным для страны. Тогрул был совсем маленьким, когда репрессировали его отца, а мать, француженка по происхождению, была выслана в Среднюю Азию и смогла вернуться в Баку лишь спустя много лет.

Детство было нелегким. Но оптимистическое начало Нариманбекова проявилось уже тогда, в те тяжелые военные и послевоенные годы. Он хочет учиться рисовать и поступает в Азербайджанское художественное училище имени Азима Азимзаде, которое оканчивает в 1950 году. Затем, после неудачной попытки попасть в Московский художественный институт имени Сурикова, Тогрул едет в Вильнюс и поступает в Литовский государственный художественный институт, на отделение монументального искусства, где учится у известного художника Юозаса Микенаса, основоположника литовской советской скульптуры и большого знатока народного искусства.

Литва — республика на берегу прохладного моря. Казалось бы, что делать здесь молодому уроженцу прикаспийской земли? Но будущий художник впитывает, постигает высокую европейскую культуру, он ездит в недалекий от Вильнюса Ленинград, бродит по залам Эрмитажа, изучает, копирует картины художников прошлого. Рембрандт, Веласкес, Гойя, Делакруа — великие мастера, творчество которых повлияло на его формирование.

В 1955 году Тогрул Нариманбеков пишет свою дипломную картину «Рыбаки Балтики». В этой, как и в других своих ранних работах — «Дорога на Баилов», «Заря над Каспием»,— художник невольно, а может быть, и сознательно, попадает под влияние господствовавшего в то время в живописи молодых художников «сурового стиля». Подобно своим сверстникам В. Попкову, Т. Салахову, Нариманбеков воспевает в своих ранних работах смелость сильных, романтическую молодость поколения шестидесятых годов.

Несмотря на то, что сразу же после окончания института Тогрул Нариманбеков стал членом Союза художников СССР, его творческая судьба складывалась нелегко. В своих ранних картинах, например, в работе «Дерево и скалы», художник активно использовал живописные достижения великого французского художника Поля Сезанна и русских «сезаннистов» двадцатых годов — мастеров объединения «Московские живописцы». Тогда с такими тенденциями в живописи велась непримиримая борьба, носители официального, «парадного» искусства не терпели творческого переосмысления кого бы то ни было, кроме самих себя. Нариманбеков почти не выставлялся. Не по своей воле, порой его работы снимали из экспозиции за несколько часов до открытия выставки. Темпераментный и горячий южанин, Тогрул приходил в бешенство, но не сдавался, он не хотел менять своего стиля, он не поступался своими убеждениями ни на йоту. Все свое оскорбленное самолюбие художник направляет не на внутрицеховые перепалки — он много и ожесточенно работает, стремится рассказать людям о своей земле, открыть им свое видение мира.

В конце пятидесятых и начале шестидесятых годов Тогрул Нариманбеков активно ищет свой стиль, определяет собственное творческое кредо. Его интересует все: люди творческого труда и простые рыбаки, картины сельской жизни, бытовые сцены. Художник рисует Каспий, нефтяные вышки Апшерона, рыбацкие поселки, деревья, растущие под знойным южным солнцем, плоды земли. Художник путешествует. Весной 1956 года

Народный художник Азербайджанской ССР Тогрул Нариманбеков возле настенной росписи, исполненной им в фойе Бакинского кукольного театра. Фото Михаила МЕЗЕНЦЕВА.

он едет в Туркмению и Узбекистан, затем совершает творческую поездку в Польшу, после которой устраивает в Баку свою персональную выставку — отчет об этой поездке.

Продолжаются поиски в области жанровой картины. В 1959 году Нариманбеков пишет значительное, наполненное болью и экспрессией полотно «За светлое будущее», посвященное двадцати шести бакинским комиссарам.

Одним из тех, кто в те годы влиял на формирование творческого мировоззрения Тогрула Нариманбекова, был его старший товарищ Саттар Бахлул-заде — художник, обладающий тонким национальным вкусом.

Лаконизм «сурового стиля», его фундаментальность, сдержанность постепенно становятся чужды темпераменту Нариманбекова, художника все больше привлекает напряженность цветовых сочетаний, эмоциональная игра красок, раскованная выразительность линий. В своих поисках мастер на какое-то время обращается и к испытанному средству любого творца — символу. В 1963 году Нариманбеков пишет суровую антивоенную картину «Во имя жизни». Но эта работа — скорее дань времени, чем отражение сокровенного естества мастера. Более чем прямая символика, художнику присуще чувственное восприятие мира. Неуемная, бушующая внутренняя энергия Нариманбекова стремится вырваться наружу, водит его кистью и остается запечатленной на полотнах.

1965 год стал этапным в судьбе художника. Состоялась его персональная выставка в Чехословакии. Нариманбеков признан, удостоен звания «Заслуженный художник Азербайджанской ССР». В своих работах он неуклонно добивается единства формы и содержания, каждое движение линии, вырвавшееся из-под его кисти, неразрывно связано со всей композицией картины. Яркие, сочные краски заполняют полотна художника. Иссиня-черный цвет южной ночи, рубиново-красный излом граната, нежно-голубая дымка над морем, теплая охра жаркого азербайджанского солнца...

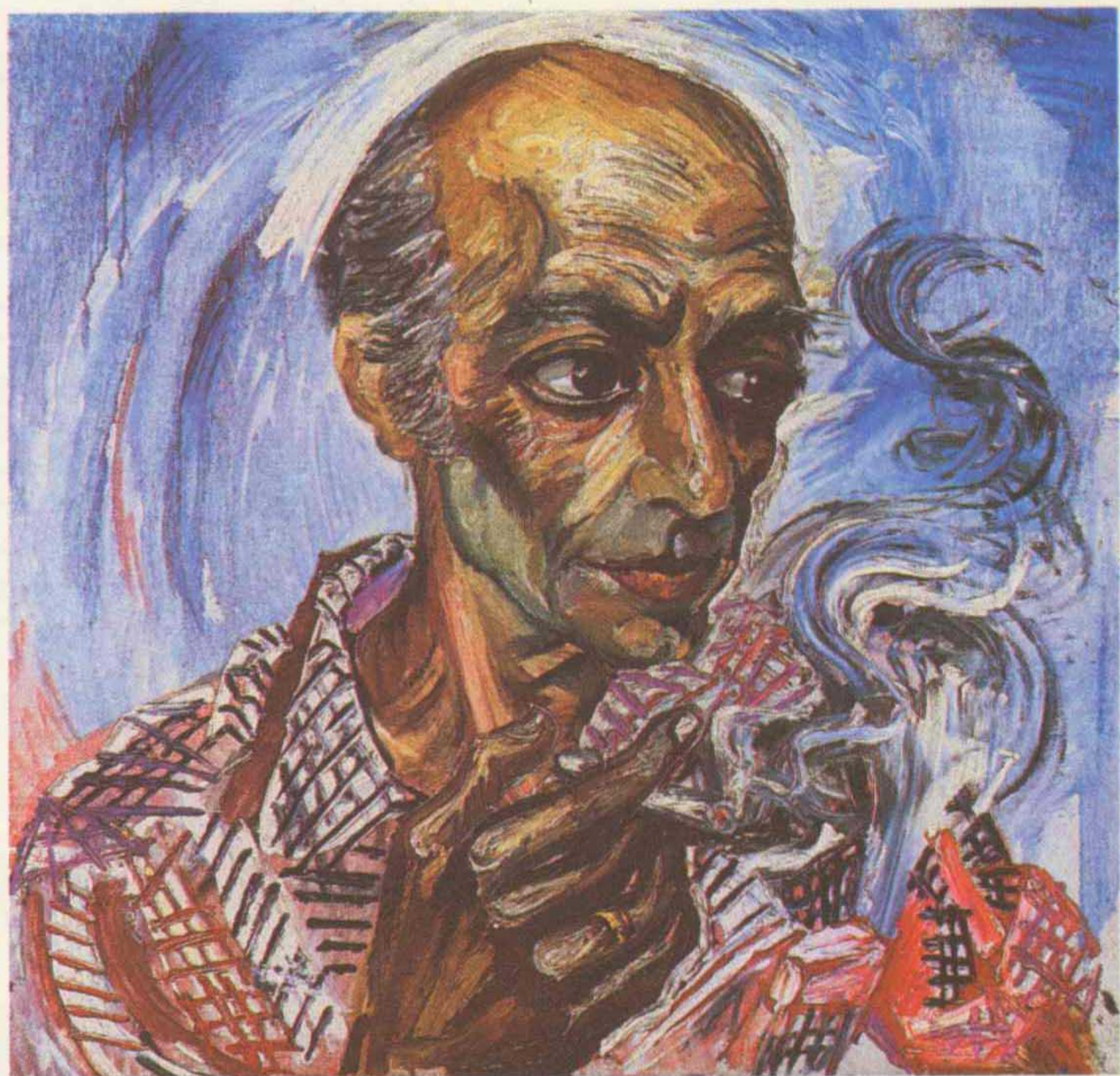
Нариманбеков постепенно обретает свой язык, присущую ему напористую манеру письма. Изгибы упругих, сильных линий становятся круче, увереннее, точнее. На холстах остается только самое главное — внутренняя, глубинная суть людей и предметов, преломленная через индивидуальное видение самого художника.

Мастер активно обращается к богатому наследию народного искусства, в котором черпает свое миропонимание, свой образ мышления.

Картины Нариманбекова напоминают народные картинки, их объединяют колоритность, декоративность, мягкий юмор повествования и некоторая наивность изображения. Он любит рисовать сцены народного быта — шумные восточные базары, поражающие кричащей пестротой красок, людскую толпу, народные торжества... В список его сюжетов входят и мотивы народных сказок, старинные предания. Традиционные формы народного искусства Востока очень близки художнику, который стремится использовать все имеющиеся в их арсенале средства: живопись, графику, монументальную роспись, керамику, скульптуру. Но, безусловно, истинная стихия Нариманбекова — это живопись.

Художник изучает человеческие ли-

Продолжение на вкл. 3—4.

Т. Ф. НАРИМАНБЕКОВ. РОД. 1930.
ПОРТРЕТ КИНООПЕРАТОРА АРИФА НАРИМАНБЕКОВА. 1982.

В ТАЛЫШСКИХ ГОРАХ. 1978.

МНЕ НРАВИТСЯ, ЧТО ЖИЗНЬ ВСЕГДА ПРАВА

С БЕЛЛОЙ АХМАДУЛИНОЙ В КАНУН ЕЕ 50-ЛЕТИЯ БЕСЕДУЕТ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

— Самое любопытное, что от меня останется,— это письма ко мне. Своего литературного значения я никогда не преувеличивала. Я была человеком своего времени и свой долг исполняла так, как его понимала.

Мне достаточно того, что среди неисчислимых любителей поэзии есть— пусть немного — те, кого я имею дерзость и нежность назвать моими читателями. Меня не раз поражала высокая просвещенность моих современников. Я видела множество людей, никогда не читавших моих книг и не слышавших моего имени, но это их язык был дарован мне при рождении, и он был краше и лучше моего, с ними связана я всей жизнью до последней кровинки.

Подобное ощущение бывало со мной не однажды: как-то я выступала на металлургическом заводе, прямо в цехе. После чтения стихов завязалась беседа со слушателями, и моя благодарность им вылилась в слова: «Я люблю вас, друзья! Но, поверьте, если не думать о словесности, мы не выживем». И рабочие мне поверили. А сегодня я еще раз поняла, что между пишущим человеком и читающим, слушающим, вообще между человеком и человеком не должно быть ни подобострастия, ни фамильярности.

...Метельным вечером наш «жигуленок», оставляя позади себя километры проселочных дорог, по обе стороны которых пугающе чернели леса, медленно продвигался к Москве. В кабине — тепло и уютно, об ином собеседнике нечего было и мечтать...

Ситуация такова: когда я попросил Беллу Ахмадулину об интервью накануне ее юбилея, она пригласила меня быть ее спутником в поездке на творческий вечер в один из отдаленных подмосковных клубов. Прекрасно, подумал я, времени для беседы в столь дальней дороге будет достаточно. К тому же мне придется стать свидетелем встречи поэтессы с читателями, о которых она не раз с уважением отзывалась в стихах. Поэтессы, как считается иными, тонкой, изящной, камерной — с публикой «простой», не избалованной приездами столичных знаменитостей, да к тому же, мягко говоря, не совсем разбирающейся в тонкостях поэтического ремесла. Это и заинтриговало.

Одним словом, поездка состоялась.

— Ни в моей родословной, ни в поре детства не было ничего особо примечательного: происхожу я из скромной семьи служащих. Мой отец Ахат Валеевич Ахмадулин, моя мать — Надежда Макаровна Лазарева. Бабушка, Надежда Митрофановна Баранова, урожденная Стопани, из семьи с итальянскими корнями, давно уже перепутавшимися с русскими.

Я долго не говорила, и едва ли не первым осмысленным сочетанием слов было распространенное предложение, слетевшее с моих губ, когда я увидела тюльпан: «Я такого не видала никогда». С самого раннего детства, совпавшего с предвоенной порой, мне запомнился шар, беспомощно запутавшийся в ветвях, огромные оранжевые лепестки букета маков, облетевшего при первом порыве ветра... Это ощущение хрупкости всего на свете во мне очень сильно и сегодня, и я думаю, что в этом ощущении-отчаянии есть какой-то смысл, какая-то поучительность. Ну хотя бы в том, что красота не есть то, чем ты должен обязательно владеть, что вообще всякое владение чем-то не прочно.

Помню начало и все течение войны. Я жила в Москве, а потом, как и многие, оказалась в эвакуации. И всегда при мне была бабушка, редкостный по бескорыстию человек. Ей настолько было отвратным всякое имущество, всякое обладание чем-то, было в этом что-то действительно исключительное, выдающееся. Все живое она любила удивительной любовью. Помню, как, по-видимому, желая испытать ее вот эту вседоброту, подобрала я полуубитую крысу и с жутким отвращением приволокла бабушке. Ей же и в голову не пришло этим гнушаться, ничего, кроме жалости к умиравшему существу, у бабушки я не обнаружила.

Мое детство — это Маросейка, Покровка, Чистые пруды... Какими необыкновенно таинственными казались мне густые заросли Ильинского сквера! Однажды бабушку предупредили, что с таким-то мальчиком не надо играть, он болел корью и еще не совсем здоров. Но добрейшей Надежде Митрофановне так жалко было одинокого ребенка, что мы не могли удержаться от общения с ним. И, естественно, тут же я переняла болезнь.

Помню, как ехали мы в эвакуацию, в Уфу, и во мне, в несмышленыше, трепетало ощущение какого-то огромного всенародного бедствия. Помню, как бабушка читала вслух Пушкина и Гоголя, и это во мне навсегда совпало с ощущением воздушных тревог, мрака безысходности и людской утешительности одновременно.

Детство, начало начал. Все дальнейшее, к чему я постоянно стремилась, так это страсть к сочинительству: в школе, во дворце пионеров, в литературных студиях и кружках. Здесь уместно сказать: несмотря на то, что сочиняла я просто ужасно, но уже оттуда, из дальней туманной поры, человечество я знаю с лучшей стороны — люди относились к моим занятиям милостиво и благосклонно. Поэтому меня миновало чувство какого-то тяжкого культа человека, пытающегося что-то там сочинять и этим отличаться от других.

Ученические годы прошли в школах Колпачного, а потом Лялина переулков. Это все старая исконная наша столица. Наверное, отсюда и живо во мне, неистребимо мое московское чувство: Москва-река, маленькие церквушки, несуетные скверы, спешащий люд!

Впрочем, при этом я совершенно не могу обходиться без Ленинграда и провожу там значительную часть времени. От свидания к свиданию возвышается во мне и любовное чувство к удивительному Тбилиси.

Родители надеялись, что я займусь филологией или журналистикой. В Литературный институт после школы мне поступать не разрешили, в университет я не прошла и никогда об этом не жалела.

Устроилась на работу в многотиражку «Метростроевец». Период этот совпал с моими занятиями в литературной студии Евгения Михайловича Винокурова на автомобильном заводе имени Лихачева. А на следующий год я с необыкновенной легкостью поступила в Литинститут.

— Белла Ахатовна, в том, что вы рассказали, мне видится некое предощущение понятия «судьба поэта». Как вы осмысливаете его?

— Никто не бывает так счастлив на белом свете, как поэт. Только он один, сколько бы ему ни выпало жить, может поражаться сочетанию цвета и света, капли и солнечного луча, осознать блаженство бытия, всегда думая о небытии больше, чем другие. Счастье для любого человека — это умение радоваться. А для поэта в особенности, потому что всем остальным людям нужно что-нибудь, а поэту — ничего...

Как читатель и как человек, я всегда думаю о судьбах великих поэтов и, имея в виду трагедии их жизни, считаю, что великий поэт никогда не уйдет раньше своего срока. Ахматовой было дано именно столько прожить со всеми ее страданиями, а Лермонтову столько, сколько он и прожил... Но именно великий поэт должен успеть сделать и то, что он должен сделать для человечества. А от чего сие зависит, это уж другое... Да и про Пушкина осмелюсь сказать, что, уже обреченный, он не покинул бы нас, если бы не смог сделать все-то, что ему предначертано. А Цветаева? Никогда никакая сила не заставила бы ее уйти из жизни, если бы долг не был ею исполнен. И поэтому я точно знаю, что сослагательное наклонение здесь не применимо. Что, если бы да кабы... Я уверена, судьба поэта предопределена. Он так не случаен (впрочем, я думаю, что и никто на свете не случаен, всем судьбам есть объяснение), этот человек, наиболее призванный к трагическому способу существования. Он, как правило, не задерживается на белом свете, и удел других спасти его, но обычно из таких попыток ничего не выходит...

— Несколько мрачновато, но подлинный поэт, наверное, действительно трагично ощущает пульс времени. В который уже раз вспоминаются слова Гейне о трещине мира, проходящей через сердце поэта.

— Да, я уверена, что трещина мира проходит через сердце поэта. Люди доверяют поэту, делятся с ним душевной болью, просят помощи, поверяют свои сокровенные тайны. Хотя, казалось

бы, коль ты художник, замкнись в себе и пиши. Но настоящий художник никогда в себе не замыкается, и обязательно все, что он творит, он творит рядом с людьми. Иначе он не может.

— Считаете ли вы свою поэтическую судьбу счастливой?

— Я считаю себя счастливым автором, ибо отчасти и на меня падает благосклонность читателей, которые в книжных магазинах не находят подчас необходимых им книг.

— Как вы относитесь к тому, что иные критики подразделяют поэзию на «мужскую» и «женскую»?

— Абсолютно не признаю этого и не принимаю! И не хочу знать, что пишут критики и литературоведы по этому поводу. Я знаю только, что у нас в России в двадцатом веке было два великих поэта женского полу. Но это ничего не значит, кроме того, что они еще претерпели те тяготы, которые выпадают на долю женщин. Человек, который занимается искусством, мужского он полу или женского, должен равно быть при всех человеческих качествах. Более мужественного, доблестного мужчины, чем Пушкин, на белом свете мы не знаем. Такими же качествами обладали Ахматова и Цветаева. То есть в них тоже были и мужество, и честь, и доблесть, и при этом они были еще и женщинами, что только усугубляет трагедийную сущность их существования. А что же такое поэзия женская? Я не знаю этого. А если она и бывает, то дай ей бог... Быть может, вы имеете в виду слова Павла Антокольского, который говорил: «Она не поэтесса, а поэт!» О других мне судить неловко, а про себя я бы так сказала: хоть горшком назови, только в печку не сажай.

— Извините, но сажание горшка в печку — это именно тот самый быт, который отнял, быть может, лучшие строки у Марины Цветаевой. Вам ведь тоже приходится сопротивляться быту, каким-то мелочным житейским заботам?

— Марина Цветаева старалась не замечать тягости быта, она сумела и с этим совладать как поэт, как женщина, как гений. А я всего лишь несовершенный современник и соотечественник своих сограждан, и мне в этом смысле нет никакой поблажки. То есть я должна также думать и о детях, и о еде, и о муже. Только мне, может быть, легче, потому что люди помогают. А как же иначе?

— Белла Ахатовна, в последнее время все чаще и чаще говорят о том, как резко упал интерес читателей и покупателей к поэтическим книгам, что произошла некая девальвация поэтического слова. Вы задумывались над этим или нет?

— Я совершенно обратного мнения. Мне кажется, интерес к поэзии не только не упал, а наоборот, наша читающая публика по сравнению с шестидесятыми годами неимоверно усовершенствовалась. Тогда люди очень торопились читать, торопились услышать поэта. Мне кажется, сегодня интерес к поэзии не стал менее поверхностным, чем был раньше, а стал более глубоким.

Четверть века назад интерес к поэзии, символизируемый Лужниками и Политехническим музеем, эти огромные аудитории я вспоминаю без всякой грусти, был каким-то поверхностным, а сейчас все стало гораздо тоньше, я бы сказала, читатели стали много изысканнее, много прихотливее. Вот только беда — книг не хватает.

— Хороших книг.

— Тех, которые нужны читателю, скажем так...

— Еще совсем недавно многие авторы спекулировали на таких понятиях, как «социальный заказ», «гражданская тема», используя их, как правило, в корыстных целях для создания произведений скороспелых, поверхностных и, как правило, не нужных читателю. Что вы об этом думаете?

— Поэт не может не быть гражданином своего Отечества. Только как много всяческих спекуляций, обманов, просто словесной чуши скрывается за этими высокими понятиями. Что касается меня, то я всегда точно знала, где я родилась, где я живу и чему я, собственно, служу. Конечно, когда я пишу стихи, я об этом как бы и не думаю, ибо это в плоти и крови... Но я ни на минуту не могу забыть о соотечественниках своих, о том, как они живут, какую радость они испытывают и какие горести лежат на их плечах. Поэт не может от этого отвлечься. Отвлечься от истории своей страны, от вещности сего преходящего часа, сего мига. И счастье в том, что кто-то совпал с тобой во времени, на этой земле, а ты совпал во времени с ним. Меня утешает, что есть люди, которые тонко и сильно чувствуют поэзию, люди, с которыми мы совпали во времени и для которых я пишу и живу.

— Белла Ахатовна, я слышал о вас такое суждение: Ахмадулина пишет по наитию, за многими ее стихами нет конкретных реалий бытия, спросите у нее о том или ином стихотворении, и она не сможет ответить, когда и во имя чего оно написано. Так ли это?

— Абсолютно не верно! Все мои стихи рождались по совершенно конкретным поводам жизни, про все свои стихи я помню всё: когда, где, как, из чего они возникали, и я не верю тем сочинителям, которые утверждают, что ничего не помнят, что пишут по наитию, что в голове у них всегда туман, облака, морока... Нет, у меня все не так...

— Часто на вечерах вы читаете стихотворение «Как долго я не высыпалась...». Скажите, оно особенно любимо вами или оно привлекает вас своим действительно «осязаемым» материалом, живыми судьбами «Мандельштама и Марины»?

— Как ни странно, это стихотворение многим нравится, хотя оно мне кажется неказистым. Оно дорого мне, пожалуй, тем, что я читала его по радио и едва ли не впервые так громогласно, «вслух» было произнесено имя Мандельштама. А вообще оно не совсем совпадает с моим нынешним представлением о существе предмета, в нем излагаемого.

— К вам приходят молодые поэты?

— Вы знаете, лучшие не приходят. Они только письмо напишут с каким-то добрым словом, пришлют стихи, но ни о чем не просят. Сами ходят по издательствам, по редакциям. Или не ходят вовсе, прячут написанное в стол.

— Вы говорите, лучшие не приходят... Но ведь так гибнет талант: в забвении, в несмелости. Как же быть?

— Да, бережное отношение к талантливым людям необыкновенно важно. Все-таки пишущему человеку обязательно нужно печататься. И следить за этим должны другие. Часто получается, что публикации просят как милостыни какой... Горько вспоминать Высоцкого. Я имела счастье числиться в его товарищах. О если бы вы знали, как желала я тогда, чтобы его печатали. При жизни только раз ему удалось опубликовать одно стихотворение в «Дне поэзии». Но ничего, кроме печали, это не принесло. Сегодня видно, как вредило ему, что стихи не печатались. Он вытягивал голосом по три варианта строки, а решения — ни одного.

Вы знаете, о чем еще я думаю: не нам судить, талантлив человек или нет, здесь время — верховный судия. Важно другое: человек должен печататься! Пишущему должна быть дана такая возможность. Особенно молодежи. По-моему, сегодня в поэзии критическое положение: где талантливые молодые поэты, где имена?! Их нету? Они есть! Но они отважены редакциями, грубым обращением издательств, чинушами от литературы, уязвлением их самобытности.

— Вы могли бы назвать кого-то из молодых, нуждающихся в срочной поддержке?

— Да, могу: ленинградку Елену Шварц. Она — поэт, она — чудо, вы мне можете поверить. Стихи ее — существа чистейшие. Но при этом лишь два ее стихотворения напечатаны в сборнике «Круг», вышедшем в «Советском писателе». С помощью друзей подготовили рукопись для ленинградского отделения «Советского писателя», и ни ответа, ни привета. Даже вмешательство Даниила Гранина, которого я попросила об этом, не помогло.

— Можно ли ваши теплые слова о стихах Елены Шварц принять за рекомендацию к публикации их у нас в «Огоньке»?

— Я буду признательна «Огоньку», если он опубликует стихи Елены. Уверена, что и любители поэзии останутся довольны.

— А как сложилось у вас с первыми публикациями? Вам помогал кто-нибудь?

— Не посчитайте за нескромность, но мне помогали все. Павел Григорьевич Антокольский за меня ходил и палкой своей стучал.

О нем вспоминаю с особенной любовью. Каким необыкновенно расточительным он был на доброту, на нежность, на желание помочь молодежи. Для меня он был чем-то большим, чем просто старшим товарищем, старшим коллегой, все в его бытность как-то сместилось — возраст, годы, и я уже не замечала, что он намного старше меня... Вы знаете, нынче я вижу, как трудно заменить его для тех, кто только начинает свой литературный путь.

И другие мне помогали. Иначе откуда бы появились книги, пластинки... Сама я порога не могу переступить и попросить: «Возьмите мои стихи, пожалуйста». Никогда я этого не делала. И не буду делать.

Кстати, хочу заметить, что в журналах и в издательствах есть немало совершенно бескорыстных подвижников своего дела и им нелегко бывает — ведь поток рукописей огромен. Они истинно любят поэзию и хотят помочь многим, но не всегда это в их силах.

— Белла Ахатовна, первые ваши публикации были одобрены читателями, критикой, но потом появились разносные статьи. Как вы к ним относились?

— Знаете, я всегда их вспоминаю с... любовью, эти разносные статьи. Именно они помогли мне многое понять. Только ошибочка вышла одна — с тех-то пор и заинтересовался мною читатель...

— Мне кажется, Белла Ахатовна, что происходящая сегодня в обществе трансформация нравственно-духовного климата положительным образом коснулась и вас непосредственно. Иными словами, хотя вы и раньше временами пользовались расположением издателей и читателей, нынче, как говорится, пришел и ваш «черед». Вас, наверное, наперебой приглашают в издательства, редакции, в аудитории?

— Я не могу сказать, что прошлые времена прошли для меня даром, поэтому никакого особого головокружения сегодня я не испытываю от того, что, как вы выразились, «пользуюсь расположением»... Я даже почувствовала некоторую опасность в том смысле, что приходится участвовать в каких-то мероприятиях: записях, съемках, выступлениях, дискуссиях, ответах на вопросы, одним словом, суетиться, и я уже тревожусь — не потерять бы за этим главное. Главное же мое дело — писать стихи, заниматься литературой. А благодарное время само, если будет надо, воспользуется плодами этого труда. Я служила и надеюсь еще отслужить жизни. И счастлива тем, что знала ее благо, была читателем прекрасных книг, пыталась творить добро и видела доброту людей.

...Так проходила беседа с Беллой Ахмадулиной, замечательным поэтом, чье творчество всегда вызывало интерес читающей публики. И публики слушающей. Положа руку на сердце, я был поражен прямо-таки магическому воздействию стихов Беллы Ахатовны на людей. Вернее, не только стихов, но и всего, что она говорила, отвечая на записки, ее манеры гордо и возвышенно держаться на сцене, ее пронзительного, всегда на высокой ноте и готового сорваться голоса. Я почему-то вспомнил Маяковского, обронившего когда-то ставшую знаменитой фразу о читателе, который должен подниматься до уровня понимания поэта, а не наоборот. Так вот, почти три часа общения Ахмадулиной с залом, три часа абсолютной тишины и внимания, проникновения в непростую и плотную ауру ее возвышенного слога потрясли всех, кто пришел на встречу. На записки она отвечала искренне, доходчиво, остроумно. Она вспоминала о встречах с Ахматовой и Пастернаком, благодарила учителей в поэзии, размышляла о современной литературе, рассказывала о своих детях. На вопрос «Что в вашей жизни было неожиданностью?» Белла Ахатовна ответила: «Орденом наградили!»

О многом спрашивали в своих записках пришедшие на вечер. Но никто в этом зале не знал, что в жизни Беллы Ахмадулиной было одно событие, представляющееся ей уникальным и важным,— встреча с писателем Владимиром Набоковым. Поэтому я решился спросить ее об этой встрече.

— Русский язык Владимира Набокова был для меня столь пленителен, что я много раз порывалась написать ему и довести до сведения этого замечательного писателя, что он не вполне разминулся с Россией и что не навсегда Россия разминулась с ним.

Поверьте, когда я говорю о любви к писателю, тем более знаменитому, это вовсе не значит, что я ищу с ним встречи. Если уж судьба сама меня с ним сводит... А так я считаю неблаговоспитанным и нескромным навязываться на общение. Тем не менее случилось так, что мы с мужем Борисом Мессерером оказались в 1977 году в Швейцарии и мои друзья, русские люди, живущие за границей и безмерно любящие Россию, знавшие про мое отношение к Набокову, организовали встречу с ним.

Нас соединили по телефону, и Набоков сообщил, что, несмотря на болезнь и усталость, он приглашает к себе к четырем часам следующего дня. И вот мы выехали из Женевы в небольшое местечко Монтре, где жил писатель. Последние годы жизни он провел именно здесь, в отеле «Монтре Палас».

Купив по пути цветов для жены Набокова Веры Евсеевны, мы с волнением мчались на свидание с одним из удивительнейших писателей двадцатого века.

В первые мгновения я была поражена необыкновенной красотой лица Набокова, его благородством. Я много видала фотографий писателя, но ни одна не совпадала с подлинно живым выражением его облика. Владимир Владимирович еще раз извинился, что нездоров и что много времени, к сожалению, не сможет уделить нам, но тем не менее встреча наша затянулась. Конечно же, нам было интересно слушать Владимира Владимировича. Поэтому мы больше молчали.

Он спросил: «Правда ли, мой русский язык кажется вам хорошим?» «Он — лучший»,— ответи-

ла я. «Вот как, а я думал, что это замороженная клубника».

Заговорил о своей работе, сказал, что во время болезни у него сочинился роман, по-английски. Он вообще все последние вещи писал по-английски. Кстати, многие считают, что его английский поразителен. Уточнил, что роман как бы сам собой сочинился и что остается только положить его на бумагу. Упомянул о книжке стихов, которая тогда готовилась к выходу. «Может быть, я напрасно это делаю, мне порой кажется, что не все стихи хороши». А потом пошутил: «Ну еще не поздно все изменить».

Мной владело сложное чувство необыкновенной к нему любви, и я ощущала, что, хотя он мягок и добр, свидание с соотечественником причиняет ему какое-то страдание. Ведь Россия, которую он помнил и любил, думала я, изменилась с той поры, когда он покинул ее, изменились люди, изменился отчасти и сам язык, да и многое другое, что связывало его с прошлой жизнью. Он хватался за разговор, делал усилие что-то понять, проникнуться чем-то... Быть может, ему причиняло боль ощущение предстоящей страшной разлуки со всем и со всеми на земле, и ему хотелось насытиться воздухом родины, родной земли, человека, говорящего по-русски.

Я не знала, что ему оставалось жить совсем недолго. Это был март, а летом Владимира Владимировича не стало. Я вспоминаю свидание с ним как удивительнейший случай в моей судьбе. В одном из романов у него сказано, что можно ведь вернуться в Россию под видом какого-то персонажа... Я заметила ему, что он вернется в Россию именно тем, кем он есть для России. Это будет, будет!— повторяла я. Набоков знал, что книги его в Советском Союзе не выходят, но спросил с какой-то надеждой: «А в библиотеке (он сделал ударение на «о» — в библио́теке) — можно взять что-нибудь мое?» Я развела руками.

На другой день, вернувшись в редакцию, я вспомнил, что в нашем отделе литературы находится небольшая, всего в две с половиной странички, статья известного театроведа В. Гаевского «Голос Беллы». С разрешения автора привожу отрывки из статьи, во многом точно и тонко характеризующей Ахмадулину:

«Перечтите ранние стихи Беллы Ахмадулиной, вас поразит не изысканность (к этому Ахмадулина давно приучила), но трезвость. Это самые трезвые стихи, написанные в ту, опьянявшую стихотворцев эпоху. Может быть, поэтому лучшие стихи Ахмадулиной классичны. В них отсутствует наивная вера в то, что смелость города берет, но есть вера в то, что слово поэта может защитить и спасти друга. Сама интонация ее детского голоса как мольба: боже, не покарай товарищей, таких неблагоразумных. Об этом говорится впрямую. Стихи Ахмадулиной — заклинания, заговор, в некоторых случаях — спор с судьбой, в других — негромогласное бормотание, в котором, однако, заключена колдовская сила».

Вдумчивый читатель многое увидит за этими словами. Более прямо, категорично высказался в свое время Павел Антокольский: «Ахмадулина прежде всего внутри истории, внутри необратимого исторического потока, связывающего каждого из нас с прошлым и будущим...»

> Мне нравится, что Жизнь всегда права,
> что празднует в ней вечная повадка —
> топырить корни, ставить дерева
> и меж ветвей готовить плод подарка.
> Пребуду в ней до края, до конца...

Настоящая поэзия всегда с жизнью. И, пока будет жизнь, людям будет нужен поэт. Тот, что внутри самой истории.

Белла АХМАДУЛИНА

ЛАДЫЖИНО

Я этих мест не видела давно.
Душа во сне глядит в чужие краи
на тех, моих, кого люблю, кого
у этих мест и у меня — украли.

Душе во сне в чужую даль глядеть
досуга нет, но и вчера глядела,
спеша ко мне, чтоб я проснулась здесь,
где есмь,— предзная взмыв души из тела.

Так вот на что я променяла вас,
друзья души, обобранной разбоем.
К вам солнце шло. Мой день вчерашний гас.
Вы — за Окой, вон там, за темным бором.

Вот новый день, который вам пошлю —
оповестить о сердца разрываньи,
когда бреду по снегу и по льду
сквозь бор и бездну между мной и вами.

Так я вхожу в Ладыжино. Просты
черты красы и бедствия родного.
О, тетя Маня, смилуйся, прости
меня за все, за слово и не-слово.

Твой горек лик, твой малый дом убог.
Моих друзей и у тебя отняли.
Все слышу: «Не печалься, голубок».
Да мочи стало меньше, чем печали.

Окно во снег, икона, стол, скамья.
Две раны глаз за рукавом я прячу.
«Ах, ангел мой, желанная моя,
не плачь, не сетуй».
Сетую и плачу.

* * *

Я лишь объем, где обитает что-то,
чему малы земные имена.
Сооруженье из костей и пота —
его угодья, а не плоть моя.

Его не знаю я: смысл-незнакомец,
вселившийся в чужую конуру —
хозяев выжить, прянуть в заоконность,
не оглянуться, если я умру.

О слово, о несказанное слово!
Оно во мне качается смелей,
чем я, в светопролитый небосклона,
качаюсь дрожью листьев и ветвей.

Каков окликнуть безымянность способ?
Не выговорю и не говорю...
Как слово звать — у словаря не спросишь,
покуда сам не скажешь словарю.

Мой притеснитель тайный и нетленный —
ему в тисках известного тесно.
Я растекаюсь, становлюсь вселенной,
мы с нею заодно, мы с ней — одно.

Есть что-то. Слова нет. Но грозно кроткий
исток его уже любовь исторг.
Уж видно, как его грядущий контур
вступается за братьев и сестер.

Как это все темно, как бестолково.
Кто брат кому и кто кому сестра?
Всяк всякому. Когда приходит слово,
оно не знает дальнего родства.

Оно в уста целует бездыханность.
Ответный выдох — слышим и велик.
Лишь слово попирает бред и хаос
и смертным о бессмертьи говорит.

СМЕРТЬ ФРАНЦУЗОВА

Вот было что со мной, что было не со мною:
черемуха всю ночь в горячке и бреду.
Сказала я стихам, что я от них сокрою
больной ее язык, пророчащий беду.

Красавице моей, терзаемой ознобом,
неможется давно, округа ей тесна.
Весь воздух небольшой удушливо настоян
на доводе, что жизнь — канун небытия.

Черемухи к утру стал разговор безумен.
Вдруг слышу: голоса судачат у окна.
— Эй,— говорю,— вы что?— Да вот, Французов умер.
Веселый, вроде, был, а не допил вина.

Французов был маляр. Но он, определенно,
воспроизвел в себе бравурные черты
заблудшего в снегах пришельца жантийома,
побывшего в плену калужской простоты.

Товарищей его дразнило, что Французов
плодовому вину предпочитал коньяк.
Остаток коньяка плеснув себе в рассудок,
послали за вином: поминки как-никак.

Никто не горевал. Лишь Паршинская Маша
сказала мне потом:— Жалкую я о нем.
Все Пасхи, бедный, ждал. Твердил, что участь наша
продлится в небесах — и сжег себя вином.

Французов был всегда настроен супротивно.
Чужак и острослов, он вытеснен отсель.
Летит его душа вдоль слабого пунктира
поверх Калужских рощ куда-нибудь в Марсель.

Увозят нищий гроб. Жена не захотела
приехать и простить покойнику грехи.
Черемуха моя еще не облетела.
Иду в ее овраг, не дописав стихи.

НЕ ВСЕ МЫ ОТЧАЯЛИСЬ...

Недавно прочитала в «Огоньке» исповедь «Тихий угол — не для меня...» Большое спасибо автору! Мужество Мати Кууси достойно восхищения, подражания. Именно эти чувства я испытала, а все объясняется тем, что я сама нахожусь в ортопедической больнице. К сожалению, я здесь не одна из ребят и девочек, немало тут детей, некоторые из них инвалиды. Вот почему так близко к сердцу мы приняли очерк. Такие рассказы очень нужны, они помогают и здоровым людям, и страдающим от недуга. Нужны для борьбы за здоровье, за полноценную жизнь. О таких людях, как Мати Кууси, должны знать все, пишите о них — они дают нам уроки мужества.

Спасибо, Мати! Здоровья тебе!

С благодарностью

Уля ФЕТИСОВА

г. Пушкин.

* * *

«Кто поможет инвалиду?» — эту статью О. Тимофеева в № 47 за прошлый год я не только прочла с волнением, но и сама испытала желание написать в «Огонек». Я инвалид 1-й группы. Считаю, что автор поднял очень важный для нас вопрос. Мне 24 года, только болезнь с возрастом не считается... Проблемы, затронутые в «Огоньке», актуальны и для меня. Живем в пятиэтажке, а в них, как известно, лифта нет. Вот и приходится годами сидеть в четырех стенах. Как выбраться на улицу? Родители с годами не молодеют... Носить меня на руках?

Иногда вижу передачу по телевидению «Это вы можете». Люди изобретают велосипед. А не пора ли подумать талантливым и находчивым о конкретных бедах конкретных людей, подумать о нас, инвалидах? Быть может, кто-то изобретет универсальную коляску? Понимаю, что энтузиасты нуждаются и в социальном заказе, и в материалах. Вот почему пишу в журнал.

Инвалидов, к сожалению, много — и болезни, и несчастные случаи. Вообще с развитием техники инвалидов не будет меньше. А что изменилось хотя бы сейчас в их жизни, быте? Да ничего. Наши «допотопные» коляски вызывают недоумение, но только не сострадание к их обладателям. Сложился некий «стандартный» взгляд на инвалида, лишенного возможности передвигаться: пенсия ему идет, пусть сидит и не кашляет...

А мы хотим жить. И — работать. Для этого мы хотим передвигаться. Не только во времени, но и в пространстве.

Кто-то же должен помочь инвалиду! Процент нуждающихся в помощи не мал. А если мал? Если нуждаются «всего» сто, десять человек?

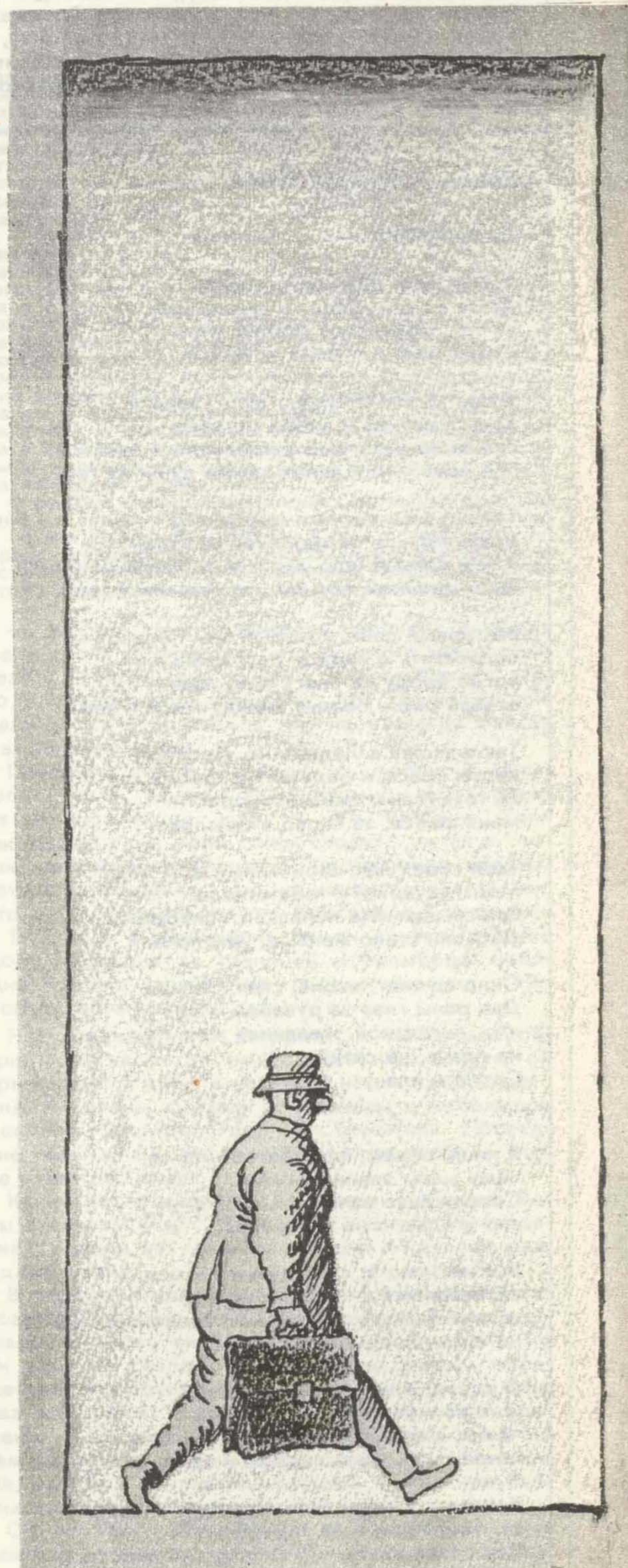
Не все мы отчаялись, но есть и разочарованные в жизни — в такой жизни без передвижения.

Надо бы материализовать душевность окружающих нас людей.

Римма ШИВИТЕ

Литовская ССР.

С кем бы за последнее время я ни разговаривал о Сергее, все отмечали: «Тюнин — это серьезный художник. Его работы предполагают диалог со зрителем, генерируют интеллект». И действительно сегодня Сергей Тюнин — это не только и не столько художник-карикатурист, сколько мастер графического знака-символа, короткого, как скетч или как сигнал о дорожной опасности. Он иллюстрирует книги русской классики, оформляет драматические спектакли. Итак, знакомьтесь — главный художник «Веселых картинок» Сергей Тюнин в гостях у «Огонька».

...ПОТОМУ, ЧТО СМЕЯЛСЯ!

— Известно, что Чехов по русской словесности получал «уды», Эйнштейн плохо справлялся со школьной программой по физике, а Федора Ивановича Шаляпина забраковали как певчего в церковном хоре, предпочтя ему Алексея Пешкова. Сергей, надеюсь, ты начал свое движение в искусстве столь же оригинально?

— В первом классе нам задали перерисовать из букваря грушу и яблоко. Я очень старался, но получил двойку и нагоняй. Оказалось, что копия слишком близка к оригиналу. Сказали, что не сам рисовал.

Было очень обидно. Обида вылилась в иронию. В результате «камчатка» была завалена моими шаржами. Одноклассники хихикали. Кончалось, как правило, тем, что рисунки отбирались учителем. Впрочем, иногда рассвирепевший педагог вдруг начинал гомерически хохотать... Это были мои первые «гонорары».

— И куда ты потом дел весь свой десятилетний валютный фонд?

— Дальше я продолжил образование в армии. Там меня уже называли «художником». Однажды, еще в учебной роте, устроили конкурс между взводами. Взводов было пять, и ни одного художника. А конкурс провести было п р и к а з а н о! И все пять стенных газет пришлось мне одному и оформить. Это был, пожалуй, единственный в моей жизни случай, когда первое место мне гарантировалось заранее.

...После армии я учился в Московском текстильном институте, на прикладном факультете. Учился, кстати, хорошо. Только вот натурщицы все время обижались. Академическая студия оборачивалась гротеском.

— К этому времени, я надеюсь, ты избавился от своих школьных комплексов?

— Отнюдь. В середине 60-х годов, когда в нашей печати начался «бум карикатуристов», один приятель предложил мне: давай я тебя отнесу... и «отнес».

1 апреля 1967 года в «Неделе» появилась моя первая работа, но под чужой фамилией. Я постеснялся идти в редакцию, а мой товарищ, в свою очередь, постеснялся назвать автора принесенной им работы. После этого я еще долго стеснялся ходить в редакции и посылал рисунки по почте.

...Потом все покатилось, как снежный ком,— я стал печататься в «Литературке», «Смене», других изданиях. В 1973 году в Сараеве и Скопле получил две серебряные награды, в 1975 году на конкурсе «Крокодила» занял первое место, а в 1977-м на габровском фестивале юмора мой рисунок получил Гран-при — «Золотого Эзопа»...

— И до сих пор ты продолжаешь смеяться в рисунках?

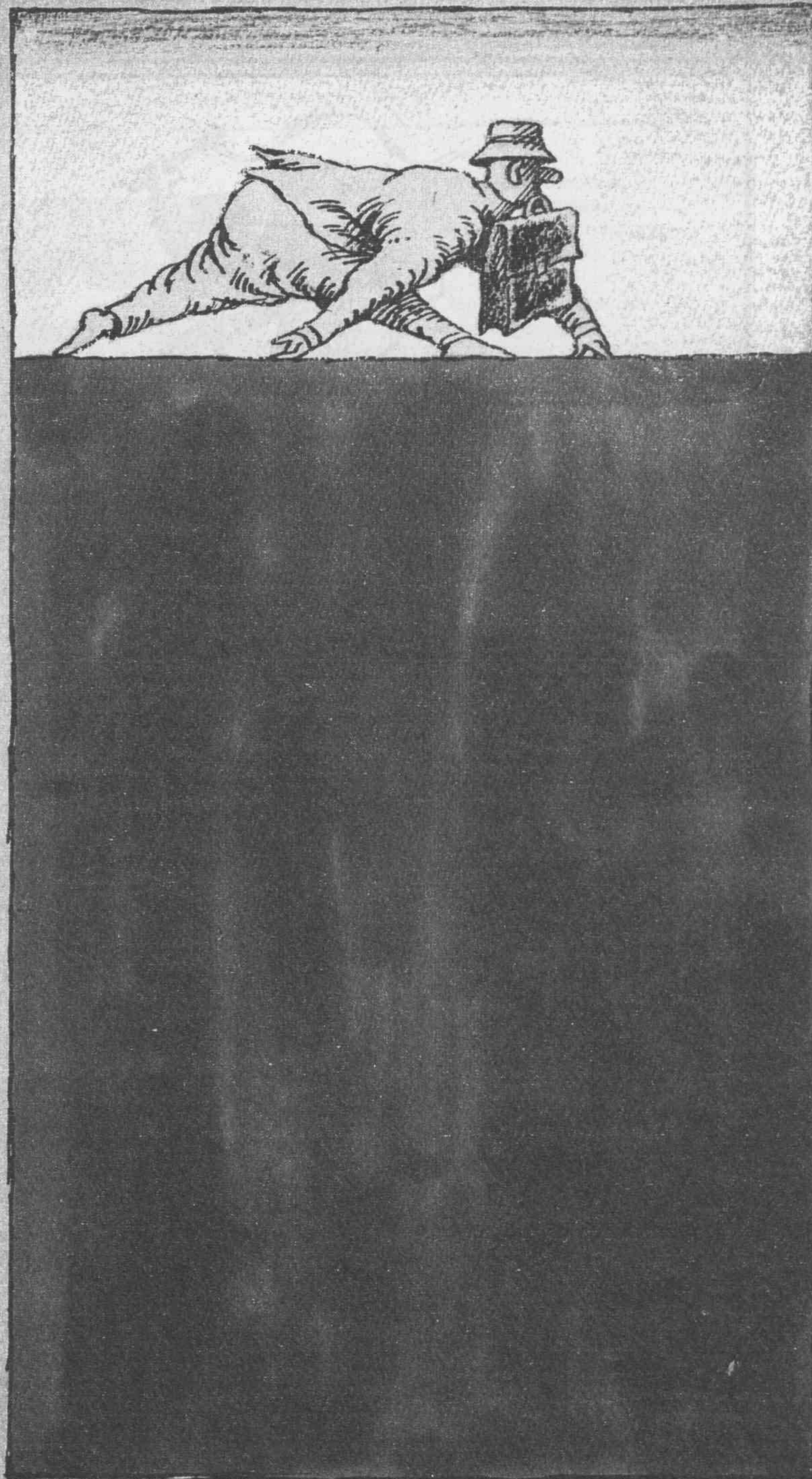
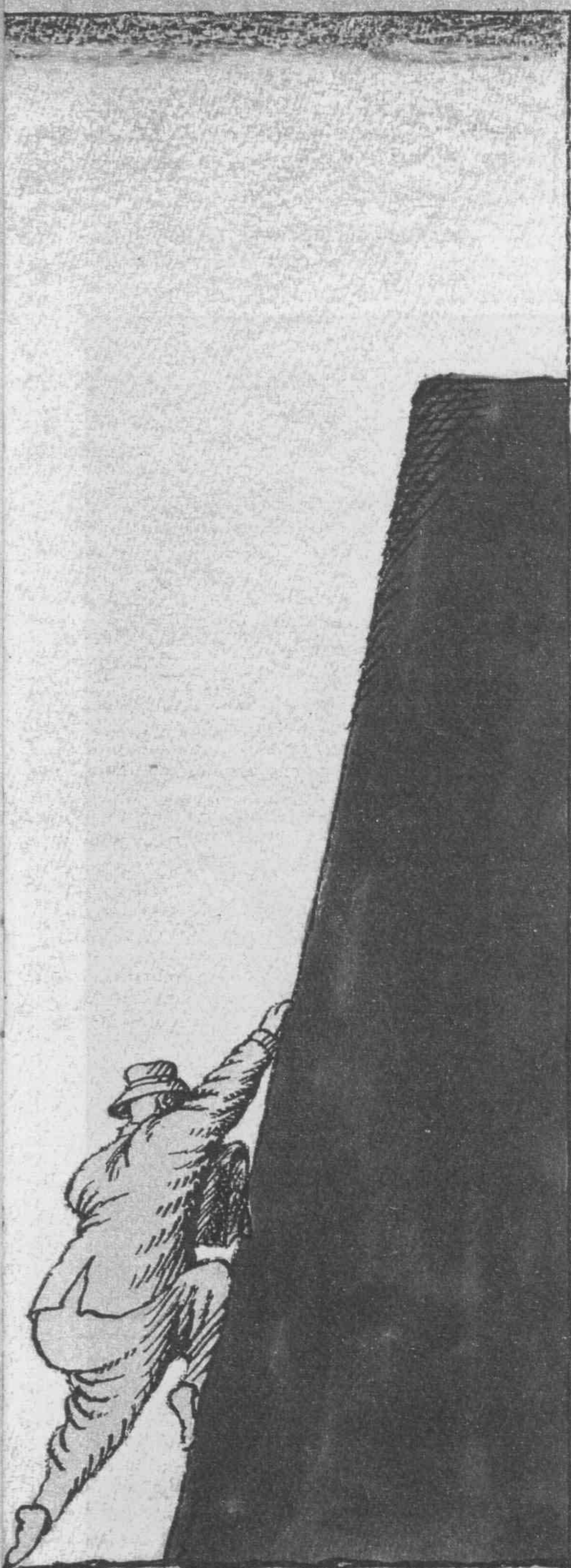
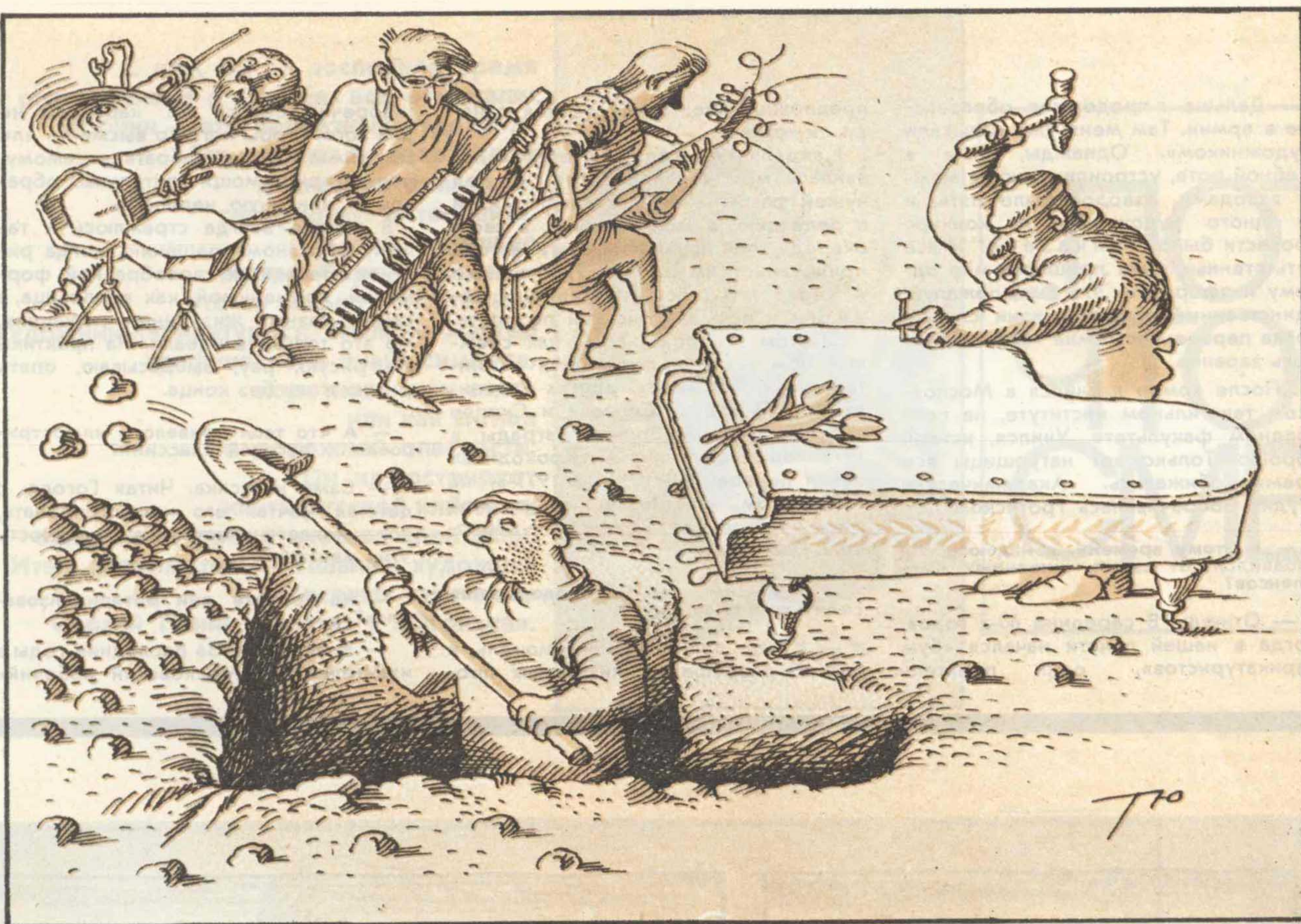
— Юмор для меня не самоцель, а способ разрешения жизненных противоречий. Берусь за карандаш не для того, чтобы кого-то высмеять или заклеймить, но разобраться самому, понять при помощи зрительных образов ту или иную нелепость.

В идеале всегда стремлюсь к такому образному решению, когда рисунок становится своеобразной формулой, применимой, как пословица, в самых разных жизненных ситуациях. Но это только в идеале. На практике же рисую, рву, выбрасываю, опять рисую и так без конца.

— А что тебя привело к иллюстрированию русской классики?

— Сама классика. Читая Гоголя, с детства мечтал его иллюстрировать, но никогда не верил в реальность этих мечтаний.

— Но все же они материализовались?

— Более того. За последние годы в издательстве «Московский рабочий»

— В таком случае, Сергей, как бы ты проиллюстрировал фразу Николая Васильевича Гоголя: «...Дороги расползались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыплют из мешка...»

— Дорога, по которой нельзя проехать,— действительно парадокс. Но, к сожалению, такие дороги встречаются и по сей день. Невольно возникает образ богини счастья Фортуны, застрявшей на своем колесе глубоко в грязи. Какое уж тут счастье, когда ни проехать, ни пройти.

— Сергей, я знаю, что в прошлом году в итальянском городе Бордигьера на конкурсе «Гедонизм в изобразительном искусстве» твой портрет гоголевского Петра Петровича Петуха получил премию «Золотой финик».

— И в этом мне помог сам писатель, сказавший о Петре Петровиче Петухе, что он так аппетитно заказывал, что «у мертвого родился бы аппетит». Второго такого гедониста не найти.

— Наконец, последний вопрос. Какое место, на твой взгляд, в жизни человека занимает юмор?

— Сейчас экологи обнаружили, что животным присущи почти все человеческие чувства: любовь и ревность, честолюбие и даже сострадание. А вот юмор им недоступен. Убежден, что это и есть то самое чувство, за которое человек имеет право называться человеком. И абсолютно согласен с девизом габровского фестиваля: «Мир уцелел потому, что смеялся».

Беседу с Сергеем ТЮНИНЫМ
вел Олег ТУРКОВ.

Козьма Прутков.

вышли в свет «Мертвые души», «Рассказы и повести» Чехова, а совсем недавно Козьма Прутков с моими иллюстрациями.

— И как результат, наверное, признание?

— Как результат, на проходившей недавно книжной выставке на Кузнецком мосту для моих листов к «Мертвым душам» Гоголя не оказалось места в экспозиции. В сердцах забросил большую и серьезную работу в дальний угол мастерской.

— А как ты себя чувствуешь рядом со своими предшественниками-коллегами — Агиным, Боклевским, иллюстрировавшими Гоголя?

— Поначалу было неуютно. Но потом понял, что у каждого поколения читателей и художников свое особое отношение к произведениям классиков. Тот же Агин, Кукрыниксы, Лаптев работали над типажами и сюжетными коллизиями. Меня, наоборот, больше интересуют лирические отступления, рассуждения автора.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Поэты, представленные в сегодняшней подборке, весьма неоднозначны, однако их всех объединяет общая высокая поэтическая культура. Они никогда не претендовали на ведущее место в поэзии, но каждый из них — как бы живая частица литературного воздуха, которым дышали их более знаменитые современники. Задача этой антологии, по мнению ее составителя,— не только утверждение уже утвержденных самой историей литературы имен, но и воскрешение «воздуха того времени».

Юргис БАЛТРУШАЙТИС (1873—1944). Известный литовский поэт, прекрасно владевший и русским языком, его стихи еще до революции включались во многие русские антологии. В 1921—1939 годах был полномочным представителем Литвы в СССР.

Имя Натальи КРАНДИЕВСКОЙ-ТОЛСТОЙ (1888—1963) не так широко известно, однако тонкость ее стиха, доходящая порой до пронзительности — особенно в годы гражданской войны, заслуживает того, чтобы мы наконец поставили и ее «Избранное» на наши полки.

София ПАРНОК (1885—1933) входила в группу классицистов «Лирический круг» и тоже имеет полное право на — пусть небольшое — избранное. Она много сделала для переводов французской поэзии и прозы, подарив нашему языку Бодлера, Пруста, Барбюса.

Надежда ПАВЛОВИЧ (1895—1980), будучи молодой поэтессой, была замечена Блоком, образ которого проходит сквозь все ее стихи. С драгоценным вниманием относилась она к молодому поколению советских поэтов, работая до конца своей жизни литконсультантом, прививая им — в том числе и составителю этой антологии — поэтическую культуру наших великих предшественников, как в свое время они прививали эту культуру ей. В пятидесятых годах Н. Павлович работала в «Огоньке».

Рюрик ИВНЕВ (М. А. Ковалев, 1891—1981) примыкал то к эгофутуристам, то к имажинистам и прожил до глубочайшей старости, не бросая пера. Его поэтический голос чем-то всегда напоминал мне певца Вадима Козина. Наследие его неравноценно, но блестки поэзии рассыпаны по его книгам. В лучших своих вещах Ивнев преодолевает сладковато-мелодраматическую «романсовость», поднимаясь до высокого романса.

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

Как трудно высказать — нелживо,
Чтоб хоть себя не обмануть —
Чем наше сердце втайне живо,
О чем, тоскуя, плачет грудь...
Речь о мечтах и нуждах часа
В устах людей — всегда — прикраса,
И силен у души — любой —
Страх наготы перед собой,—
Страх истины нелицемерной
Иль, брат боязни, хитрый стыд,
О жалком плачущих навзрыд,
Чтоб точным словом, мерой верной
Того случайно не раскрыть,
Чему сокрытым лучше быть...

НАТАЛЬЯ КРАНДИЕВСКАЯ

Фаусту прикидывался пуделем,
Женщиной к пустыннику входил,
Простирал над сумасшедшим
Врубелем
Острый угол демоновых крыл.

Мне ж грозишь иными приворотами,
Душу испытуешь красотой,
Сторожишь в углах перед киотами
В завитке иконы золотой.

Закипаешь всеми злыми ядами
В музыке, в преданиях, в стихах,
Уязвляешь голосами, взглядами,
Лунным шаром бродишь в облаках.

А когда наскучит сердцу пениться,
Косу расплету ночной порой,—
Ты глядишь из зеркала
смиренницей —
Мною, нечестивою, самой.

1919

СОФИЯ ПАРНОК

Да, я одна. В час расставания
Сиротство ты душе предрек.
Одна, как в первый день создания
Во всей вселенной человек!

Но, что сулил ты в гневе суетном,
То суждено не мне одной,—
Не о сиротстве ль повествуют нам
Признанья тех, кто чист душой?

И в том нет высшего, нет лучшего,
Кто раз, хотя бы раз, скорбя,
Не вздрогнул бы от строчки Тютчева:
«Другому как понять тебя?»

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ

За могилу твою, что засыпана снегом
сыпучим,
Что обвеяна ветром горючим
— Кто заплатит? Какою ценой?
За мои одинокие дни, за мои
непробудные ночи,
За проклятый разбег этих букв, этих
слов, этих строчек,
Под огромной холодной луной!

Кто вернет мне шаги в моей комнате
узкой и белой!
Знаю,— некуда, не к кому — только
бегу и бегу,
Как затравленный пес — волочу я
постылое тело
Сквозь миры, сквозь века —
и замучить его не могу!

И миры, и века отзываются вьюгой
и воем...
Петербургское небо и дикая песня
моя!
И на черной земле, на рассвете
глухом ноября
Светит снежной звездой и последним
ласкает покоем
Мое горькое счастье — простая
могила твоя.

РЮРИК ИВНЕВ

Опуская веки, как шторы,
Одному оставаться позволь.
Есть какой-то предел, за которым
Не страшна никакая боль.
И душа не трепещет, не бьется
И глядит на себя, как на тень,
И по ней, будто конь, несется,
Ударяя копытами, день.
Будто самые страшные горы,
Как актеры, сыграли роль.
Есть какой-то предел, за которым
Не страшна никакая боль.

1916, Петроград.

Мне страшно. Я кидаю это слово
В холодный дым сверкающей земли.
Быть может, ты вливал мне в горло
олово
При Алексее или при Василии.
Быть может, ты, принявший имя
Бирона,
С усмешек темною ордой,
Гнал в снежную пустырь мою слепую
лиру
И, обнаженную, покачивал водой.

А может быть, с улыбкой Николая
Ты ждал меня и кутался в шинель,
В неведенье блаженном сам не зная,
Нательный крест пошлешь иль
шрапнель.
На палубе лежит сухая корка хлеба,
Морозный ветер веет у руля,
Мне страшно за тебя, безоблачное
небо,
Мне страшно за тебя, тяжелая земля.

1917, марта 5 день. Петроград.

Евгений ГОНТМАХЕР,
Михаил СОКОЛОВ

ЦЕНА ПОЧИНА

Перелистаем пожелтевшие страницы газет — и вспомним, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», а Советская власть — это непременно «...плюс химизация народного хозяйства». Еще недавно на устах у теледикторов была ныне как-то незаметно ускользнувшая пятилетка «эффективности и качества». Жизнь оказалась сложнее схематизирующих, упрощающих формул и лозунгов, она не хотела подчиняться магии слов и постепенно сметала их, как бы обидно ни было их творцам. Мы стали мудрее. Преподанные жизнью суровые уроки реализма не прошли даром. Вот и понятие «лозунг» постепенно срастается с более реалистичными и приземленными словами: «цель», «задача».

Среди задач первостепенной важности: обеспечить практически каждую советскую семью отдельным жильем — квартирой или индивидуальным домом — к 2000 году. Реализация этой задачи на деле — своеобразный оселок, который позволит миллионам советских людей убедиться в точности и эффективности социальной политики партии и государства.

Кажется, что может быть проще этого лозунга? На первый взгляд он всем и каждому ясен. Но сколько, если вдуматься, нюансов в словах, его составляющих! Вроде бы понятно, что, во-первых, к 2000 году надо добиться ликвидации коммунальных квартир. Сегодня более 80 процентов городского населения и почти 100 процентов сельского живет в отдельных квартирах или домах. Но означает ли это, что только двадцать процентов горожан и около двух процентов сельских жителей нуждаются в улучшении жилищных условий? Значит ли это, что эти 80 процентов и есть обладатели того самого «отдельного жилья»? Отнюдь нет.

Необходимо разобраться и в термине «семья» с позиции перспектив жилищной политики. Как известно, семьи бывают разные. И не только счастливые или несчастливые. Специалисты делят их на простые (скажем, родители и их ребенок) и сложные, состоящие из совместно проживающих взрослых людей разных поколений, связанных родством (пример: родители и их взрослый сын с женой). Только семей, объединяющих две и более супружеские пары, в СССР сейчас несколько миллионов. Часто они занимают формально отдельные, по сути же — коммунальные квартиры, где родственные узы, связывающие людей, нередко лишь подливают масла в огонь конфликтов местного значения. Перед нами принципиальный вопрос: следует ли расселять такие «внутрисемейные коммуналки»? Если надо, то как? Думается, что в этом, как ни ответь, сегодня есть насущная необходимость.

Более того, было бы неплохо обеспечить возможность разъезда (при обоюдном желании) и в тех случаях, когда молодые супруги проживают с одним из родителей. Таких семей еще несколько миллионов. Не мешало бы подумать и о том, как дать жилье взрослым детям. Ведь в ГДР и Чехословакии, где уже к 1990 году будет обеспечено посемейное заселение квартир, право на самостоятельное жилье, то есть, по нашим понятиям, право на признание «нуждающимся в улучшении жилищных условий», предоставлено каждому гражданину, достигшему 18 лет.

Мы останавливаемся на всех этих тонкостях не случайно. За ними — конкретизация выдвинутого на съезде лозунга. Было бы неправомерно расшифровывать формулу «Каждой семье — отдельное жилье» лишь как призыв к ликвидации коммунальных квартир. Проблема, как видим, гораздо более многогранна. И потому все аспекты ее следует учесть, учесть сегодня, чтобы не повторить ошибок прошлого.

...Летом 1986 года на Горьковском автомобильном заводе выступили с инициативой, пообещав обеспечить каждую семью заводчан отдельной квартирой к 1995 году — на пять лет раньше, чем в целом по стране. Эту инициативу одобрило Политбюро ЦК КПСС. Точно ли оценил свои возможности завод? Как же будет достигнуто такое громадное ускорение? И вот мы в Горьком.

В коридоре ждут своей очереди на прием к генеральному директору посетители. О чем они думают, какие вопросы принесли с собой?

Прислушаемся к немногословному коридору:

— Стою на очереди почти десять лет. В коммуналке живу. Я, жена, двое детей,— рассказывает старший мастер колесного цеха Василий Павленков.— Дочь сильно больна, нельзя ей на первом этаже. Сыро. Вот и попросил помощи, тем более что вроде бы право имею: руководители моего производства уговорили перейти с должности диспетчера на участок, в мастера, выручить, а за это обещали ускорить получение квартиры. Но слово не сдержали. Написал я об этом министру, вот и вызвали на прием...

— Пошел четыре года назад работать по договору за жилье в рессорный цех,—продолжил разговор Михаил Байдюков.— Там два года назад заболел туберкулезом. Живем на частной квартире с женой и ребенком, ждем второго. Я уже был на приеме у заместителя генерального по быту, мне там дали бумагу: «Принято решение при наличии возможности разрешить руководству производства предоставить жилплощадь». А жилья нет. Не знаю, попросят ли меня уйти из вредного цеха по болезни, хоть мне до истечения контракта остался год, но знаю: с частной квартиры уже гонят, а в общежитие путь мне закрыт. И здоровье не в порядке, и жить негде...

Мы долго говорили с этими людьми не только о них самих, но и о планах ускорения строительства жилья в объединении. Все собеседники признавали, что дело очень нужное — столько людей верит, надеется и ждет. Но есть и сомневающиеся, которые говорят: трудно верить далеким обещаниям, когда завод не может расплатиться жильем с теми, кто пошел на трудные участки. Должны давать квартиру через пять лет работы, дают же после шести, а то приходится и все семь ждать.

Так с факта невыполнения данного рабочим слова началось наше знакомство с социальными проблемами ГАЗа. Сразу же подчеркнем, что дирекция автозавода выступила с почином, исходя из самых благих побуждений. Необходимо чем-то привлечь людей на производство, которое является в городе не самым престижным, ускорить движение очереди на жилье, которая составляет около 20 тысяч человек.

Проанализируем расчеты заводских экономистов. Оказывается, что к 1995 году на каждого, кто будет проживать в газовских домах, придется в среднем (после полного выполнения планов, предусмотренных инициативой) 13 квадратных метров жилой площади. Хватит ли для того, чтобы полностью выполнить данное коллективу обещание?

Как оказалось, руководители ГАЗа и не собираются браться за решение жилищной проблемы в целом. В беседе с заместителем генерального директора по быту А. М. Фокиным выяснили, что для выполнения данного публично обещания будет всего-то достаточно изжить коммунальные квартиры и уменьшить очередь на получение жилья.

Для уточнения мы задали такой вопрос:

— Предположим, в квартире проживают две супружеские пары, старшего и младшего поколения, а площадь у них на метр-два больше нормы. Следует ли думать о них?

Последовал четкий ответ:

— Вопрос о расселении поколений мы не рассматриваем. Партия задачу определила ясно: «Квартиру — каждой семье». В ней может быть и восемь, и девять человек, но это же одна семья! Мы не должны настраивать нашу молодежь так: мол, завтра бежим от папы и мамы и получим отдельную квартиру. Мы такие цели не ставим!

Красноречивый ответ. Очень выгодное — в пользу облегчения задачи — толкование. Чем это может обернуться на практике, догадаться нетрудно, ведь многие рабочие, которым мы задавали тот же вопрос, что и заместителю генерального, отвечали совершенно по-иному. Более дальновидными оказывались и другие руководители.

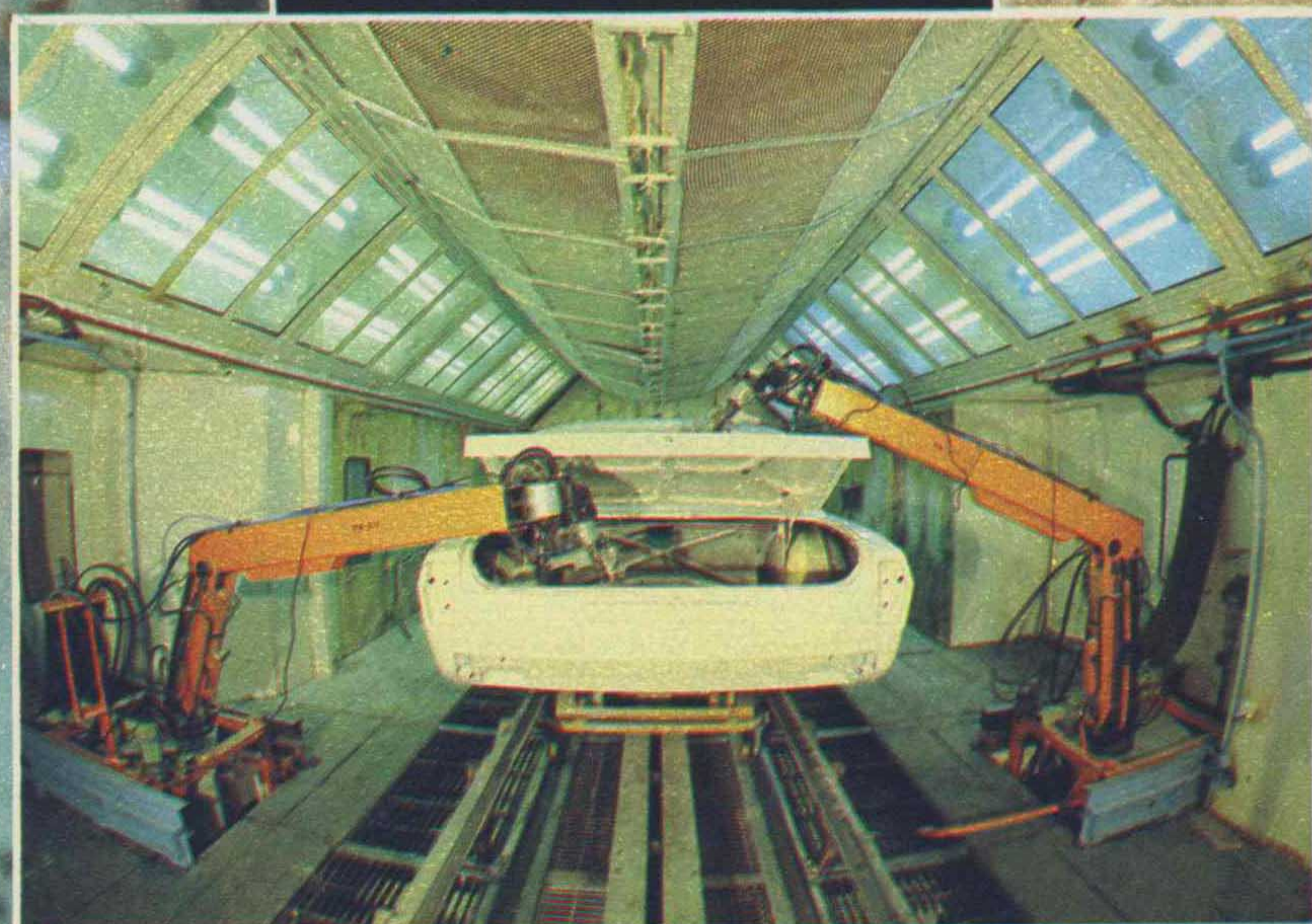
— Сегодня, стараясь ускорить решение жилищной проблемы,— считает председатель Горьковского облисполкома А. А. Соколов,— нужно, без сомнения, учитывать желание молодежи жить отдельно. Процесс этот — объективный. Мне кажется, что когда на съезде говорилось о необходимости дать каждой семье отдельную квартиру, ставилась и эта задача — расселить поколения, а

См. стр. 17.

● Здесь живут автозаводцы.

● На конвейере — «Волги».

● В одном из детских садов Горького.

Фото Сергея ЛИДОВА

● Робот свое дело знает.

● Новый дизельный поезд.

● Идет окраска машин.

● Так проверяют двигатели.

● В испытательной камере.

В МОРЕ ПЕРВЫЕ ШАГИ

У меня на руках — девочка. Девочка необычная. Она родилась 22 июля 1986 года в Черном море, что вызывает ассоциации с древнегреческим мифом. В памяти оживает заворoживший многих с детства сюжет о пенорожденной богине красоты и любви Афродите. Родители назвали девочку Эя. Имя это подсказало море. Во всяком случае, папе и маме так показалось. А почему бы и нет! ...Малышка спит на воде, кормится под водой. Рядом с мамой она проплывает шестиметровый бассейн туда и обратно. Ежедневно ее обливают холодной водой. Она почти не плачет, не болеет, начала ползать с первых мгновений, как только ее извлекли из прибрежных вод и опустили на пеленки в палатке на берегу...

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

— Я могу сравнивать роды в воде и в роддоме. Первого я родила, как и принято, в больнице. Эя — мой второй ребенок. Вода снимает болевые ощущения. Говорят, что у меня на лице во время родов блуждала улыбка. Я забыла обо всем на свете, и рождение дочери восприняла как вспышку новой звезды. Мне казалось, что через нее я связана со всем окружающим миром, через нее воспринимаю запахи моря, слышу свист ветра, шорохи морского дна. Помню, после рождения сына в роддоме я не вставала три дня: все тело болело, как после тяжелой физической работы. А здесь... В первый же день мы провели с Эей семь часов в море. Ночью спали в палатке на берегу, на следующий день я прошла по скалистому берегу три километра до дома,— говорит Катя Багрянская.

Существуют наблюдения, которые подтверждают, что «плавающие» младенцы болеют в три раза меньше, чем «сухопутные». Как правило, они выше своих сверстников и больше их в объеме грудной клетки. На месяц раньше остальных собратьев они стоят, сидят, ходят, говорят. А, кроме того, к четырем месяцам могут плавать в бассейне по нескольку часов. Как правило, легко переносят трудности бытия: перепады погоды, переезды. Их можно брать в гости, везти к морю, нести в горы, сажать рядом с собой на байдарки...

Науке еще предстоит сказать свое веское слово о новой процедуре родов. Сейчас вокруг нее много споров. Но вот обнадеживающее высказывание академика АМН СССР В. Казначеева, председателя секции «Экология человека» научного совета АН СССР по проблемам биосферы: «Основоположник одного из направлений экологии человека, которое я бы назвал биоэкологией, советский исследователь И. Б. Чарковский обнаружил, что в дородовой период, и особенно в момент рождения, множество механизмов в организме человека настраивается, и порой необратимо, на всю жизнь: закладываются резервы активного, творческого долгожития, формируется как бы костяк программы индивидуального здоровья. За двадцать с лишним лет новое направление накопило предостаточно эмпирического материала. Настолько, что развитием и даже приложением добытых в нашей стране результатов все активнее пользуются за рубежом».

А недавно пришло сообщение из лаборатории генетики АН СССР, возглавляемой лауреатом Ленинской премии академиком Николаем Дубининым, о том, что с Чарковским заключают договор о сотрудничестве: в качестве объекта изучения в данном случае берется генетика функциональных систем плавания и родов в воде.

Нина КРЮКОВА

Фото Александра ГРАЩЕНКОВА

ЦЕНА ПОЧИНА

Начало см. стр. 16.

не только ликвидировать коммунальные квартиры.

Может быть, жилищная ситуация на ГАЗе как-то экстремально остра? Выяснилось, что на среднего автозаводца приходится 9,6 квадратного метра жилой площади, в целом же по городу — 9,5...

— Сейчас автозавод по обеспеченности жильем в первой десятке предприятий города,— подтвердил наши расчеты председатель профкома объединения Ю. М. Кулемин.

Так получается, что никаких исключительных обстоятельств на деле здесь нет. Конечно, любому предприятию хочется обеспечить своих работников жильем как можно лучше. ГАЗ, естественно, не исключение. Вопрос в другом: стоит ли добиваться выполнения своих планов строительства за счет других? Упрек этот не голословен. Основная подрядная организация, ведущая строительство в Горьком,— Главволговятскстрой Министерства строительства в северных и западных районах СССР — по плану реализации инициативы будет сдавать ГАЗу ежегодно по 140 тысяч квадратных метров жилплощади. Это составит почти треть объемов ввода жилья по планам главка в городе. Тут-то и выявляются явные нарушения пропорций в пользу ведомства — на жилфонде, принадлежащем ГАЗу, проживает только каждый седьмой горожанин. Газовские очередники — менее пятой части городских, а они заберут, еще раз напомним, почти треть ввода жилья по главку. Получается, что автозаводская очередь (и вне зависимости от ввода своих домов хозспособом) пойдет быстрее, чем городская. За что, интересно, такие преимущества из общего кармана? Может быть, объединение резко улучшило работу? Такого пока не наблюдается.

Добавим и еще один штрих, говорить о котором не любят: Главволговятскстрой хронически не выполняет план ввода жилья по заказам местных Советов. В первую голову строители делали то, за что есть жесткий спрос «богатых хозяев» — ведомств. Теперь же, когда кровь из носа, а ГАЗу построй, городским властям и вовсе не позавидуешь. Короткое одеяло будет окончательно перетянуто в пользу объединения. А меж тем есть острейшая необходимость в реконструкции, переоборудовании, а зачастую и сносе ветхих неблагоустроенных домов в старой части города.

Но нельзя сказать, что Главволговятскстрой не заинтересован работать на автозаводе. Очень даже заинтересован! Строители ведут монтаж коробок жилых домов и... уходят, их же сменяют работники ГАЗа, которые занимаются отделкой. Официально это происходит лишь на половине вводимой площади. Реальную картину с гордостью обрисовал заместитель генерального директора по строительству Е. Л. Летавин, сообщивший:

— Сегодня нет ни одного дома, который строители главка сдали бы без нашего участия. Практически на каждом подъезде — рабочие с наших производств.

Да кто еще может пойти на отвлечения сотен людей с основного места работы, как не автогигант! Разве исполком горсовета может дать строителям такую льготу?

Мы решили своими глазами посмотреть, как выглядит эта помощь, благо шли последние дни 1986 года, а план ввода жилья по ГАЗу был за неделю до 31 декабря выполнен всего-то на две трети. Всякий, знакомый с практикой нашего строительства, может себе представить, что творилось на объектах, каково было качество работ...

Суть происходившего лучше всего запечатлел один из руководителей.

— Наша задача — дать план любой ценой. Для нас это вопрос чести, надо сдержать слово,— твердо сказал заместитель секретаря парткома ГАЗа Г. Н. Сокольников.

Как все знакомо! Где штурм, там все средства хороши. Вот что рассказывал прораб В. Т. Демин, показывавший пустую пятиэтажку, похожую на растревоженный муравейник:

— На отделке работают бригады с разных производств. Кроме того, автозавод принимает к себе отделочников и по совместительству. Кто идет? Это меня не интересует — мне лишь бы дело двигалось. Видимо, и рабочие с производств на стройку устраиваются, и строители из Главволговятскстроя не прочь вечерами подзаработать. Это и дает нам ускорение. Иначе с планом ни за что бы не справились...

Что получается, если вещи называть своими именами? ГАЗ приманивает чужих специалистов длинным рублем, а у строительных организаций на такие дополнительные расходы денег нет, может, потому-то у них и с планом не все благополучно?

И еще есть важный вопрос. Сегодня у автозавода на такое ускорение нашлись средства, сэкономленные по фонду зарплаты, но будут ли они в следующем декабре, когда после перехода на новые условия хозяйствования придется рачительно считать каждую копейку?

В новых условиях и на строительство жилья ГАЗ — предприятие Минавтопрома СССР — должен будет зарабатывать сам. Но ведь сегодня из 50 миллионов рублей, затрачиваемых ежегодно автозаводом на эти цели, около половины получено из министерского кармана. Не меньших дотаций, судя по документам, газовские плановики ожидают и в ближайшие два года. Интересно, как это все совместится с принципами самофинансирования? Или в дирекции ГАЗа надеются на то, что денежные инъекции министерства не дадут угаснуть инициативе и вне зависимости от полученной за свою продукцию прибыли?

На 1989-й и последующие годы, опять же по документам, госбюджетные поступления не планируются, хотя о необходимости добиться их поговаривают. Но, предположим, дотации не будет. Как же собирается ГАЗ восполнить образующийся дефицит средств? Прежде всего за счет резкого роста фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства: с 6,7 миллиона рублей в 1988 году до 18,5 миллиона в следующем. Это, в свою очередь, связано с ожидаемым увеличением прибыли, дополнительными выплатами за высшую категорию качества. А вот эта перспектива, судя по всему, весьма туманна.

Последние годы была заметна совсем другая тенденция—снижение качества газовской продукции. Это связано и с устаревшим оборудованием, и с тем, что реконструкция идет, что называется, на ходу. Знак качества потеряло несколько моделей машин.

И тем более непонятно, почему планировавшееся в этом году введение госприемки здесь незаметно отодвинули на 1988 год. Ее заменила промежуточная, так называемая «министерская». На пользу ли делу такие уловки?

Предпочтение интересов дня сегодняшнего завтрашнему стоит недешево. Увлекшись штурмом, строители на ГАЗе начали этот год, имея совершенно недостаточный задел по жилью. Все силы были брошены на доводку пусковых объектов года минувшего.

— Наше слабое место — задел на 1987 год,— признавался еще в декабре председатель профкома треста «ГАЗстрой» А. З. Серегин.

Да, судя по всему, штурмовщина на одном участке неминуемо бьет по всему делу. Складывается порочный круг: нет задела, нет ритмичности, в конце года — аврал.

Все это реалии дня нынешнего. Но это далеко не все. Весьма своеобразные нюансы приобретут взаимоотношения между городом и объединением уже в недалеком будущем. Так, для укомплектования кадрами предусматривается ежегодно принимать не менее 10 тысяч новых рабочих. При этом только для двух тысяч из них, тех, кто приедет из других городов, будет выделяться тысяча квартир в малосемейных общежитиях (с дальнейшим предоставлением отдельных). Все остальные — а их ни много ни мало восемь тысяч человек—будут приниматься только из числа тех, кто уже обеспечен жильем в Горьком. Тем самым автозавод собирается в дальнейшем переложить львиную долю забот по обеспечению квартирами молодежи, которая придет на завод и вскоре составит костяк коллектива, опять же на городские власти, возможности которых пока весьма ограниченны.

Есть вопросы, которые выходят за рамки компетенции только министерств и ведомств. К ним, по нашему глубокому убеждению, относится и реализация поставленной партией задачи предоставить практически каждой семье к 2000 году отдельное жилье. Браться за дело должен не один ГАЗ или «Красное Сормово» (где тоже, кстати, решили выполнить аналогичную жилищную программу к 1999 году), а город в целом. Под руководством советских органов можно все трезво рассчитать, обдумать, обсудить с народом и только потом принимать решения, которые будут реальными и понятными каждому горожанину. Мы это подчеркиваем — каждому!

А что же тогда остается ГАЗу? Наверное, выпускать автомобили, не уступающие лучшим мировым образцам. Именно этого ждет от объединения страна. И, конечно, в рамках общей программы строить жилье, чтобы и заводчане, и другие горьковчане вместе со всеми советскими людьми встретили 2000 год как год сбывшихся надежд.

Татьяна ИВАНОВА

ЕСЛИ СПРОСИТСЯ

НЕ ВСЕ ТРАДИЦИИ НАДО СОКРУШАТЬ
•
ТЕСТ ДЛЯ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ
•
К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНАХ И ФАМИЛИЯХ
•
«УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ ЧИТАТЕЛЬ!»

ЧТО ЧИТАТЬ?

НЕ ВСЕ ТРАДИЦИИ НАДО СОКРУШАТЬ

— Не скажете ли, как пройти?

— Направо, потом чуть левее. А что вам нужно на этой улице, какой дом?

— Верховный Суд. Сын у меня...

И мы надолго остановились на перекрестке, два незнакомых человека, рассказывая друг другу о своих сыновьях, друг дружку понимая. Хорошо, что мороз был маленький, потому что некоторое время назад мы с одной старушкой разговорились на автобусной остановке при тридцати градусах с лишком.

Сын говорит: «Мама, а тебе не кажется, что ты слишком много разговариваешь с незнакомыми людьми?» «Нет,— отвечаю.— Не кажется».

Это детство. Я помню по себе и понимаю, мне было тоже неловко, когда мама разговаривалась с кем-то в автобусе. Растешь — проходит. Ну, а когда стареешь, вовсе проходит. Москва воспитывает. Доброжелательность, открытость, откровенность — это ведь самые московские черты. Большая деревня, говорили о Москве когда-то. Не все, конечно, всех знают, такое в нашем городе невозможно. Но все будто и свои, как в деревне.

Милый мой город... Тридцать с лишним лет назад в одном из старых переулков, в маленькой комнате в глубоком подвале образовался мой родительский дом. После Волги, после деревенских просторов, казалось, невозможно привыкнуть. Но все привыкли. Москву нельзя не полюбить.

Однако нельзя было бы ее и полюбить, если бы она была только подвал, окошко с приямником (забытое слово), асфальт да прекрасные старинные здания, тем более что прекрасные старинные здания исчезали одно за другим, на их местах вырастали новые. Слово «прекрасный» к ним как-то не подходило. Правда, мы выбирались из своих подвалов, конур, коммуналок. Но красоту было жалко.

Так жалко было красоту... Но мы любили Москву — все больше и больше, все нежнее и крепче. Как деревенские люди любят свою деревню — меняющуюся, теряющую первоначальный облик, умирающую на глазах. Москва-то, конечно, изменяясь лицом, не умирала. Она жила, живет, она осталась Москвой. Потому что все-таки не в постройках, как бы ни были они драгоценны и совершенны, не в музеях, как бы ни были они богаты и знамениты, суть, самая суть города. Город — это люди. Москва — это москвичи. В них — Родина и родство...

Думаю об этом с грустью, потому что закрыла последнюю страницу повести Александра Астраханцева «Развилка» в журнале «Наш современник». Если бы это была первая повесть, опубликованная журналом ради мысли — «Москва погрязла в вещизме, цинизме и прочих пороках, провинция куда нравственнее и чище»,— то не стоило бы о ней и говорить. Тем более что литературные достоинства произведения весьма сомнительны. Но журнал «обличает» Москву последовательно, целясь в нее самыми разнообразными перьями, даже и талантливыми. Повесть Астраханцева несправедлива по отношению к Москве. Компания москвичей, в которой оказывается чистый и целомудренный приезжий, неприятна во всех смыслах этого слова. Москвичи ведут себя, разговаривают, действуют так, что смотреть и слушать тошно.

Особенно достается москвичкам. Неверные, сластолюбивые, порочные, слишком легко живущие...

С кого эти писатели портреты пишут, где разговоры эти слышат? Как попадают именно в такие дома, к таким людям, когда приезжают к нам из своих маленьких городов? Почему никто из них не видит, ну хотя бы... сумки москвичек... О, сумки москвичек! В них умещается пакет молока и пакет картошки, сменное бельишко для ребенка в детский сад, туфли для нас, потому что в тех сапогах, в которых мы можем выбраться из своего микрорайона, нельзя ходить в помещении (да и по улицам центра); в сумку запросто можно положить книжку, которую предстоит читать, стоя на одной ноге в переполненном автобусе, пока едешь сорок минут до работы,— и в ней есть кармашки для пудреницы, расчески, кошелька!

Никто не обращает внимания на сумки москвичек. Прозаиков «Нашего современника» больше занимает длина наших юбок да глубина вырезов на платьях.

Хоть бы кто подумал, как у нас хватает оптимизма при этих сумках, при том, что их надо домчать через весь город не позднее шести вечера до детского сада, вообще заботиться о длине своих юбок и глубине вырезов на платьях...

К женщине литература, особенно русская литература, всегда относилась с сочувствием. «Наш современник» эту традицию решительно сломал. Сосуд, говорит, зла, да и все тут.

К Москве литература всегда относилась нежно и бережно. Но и тут журнал избрал новаторский путь. А. Астраханцев заканчивает свою повесть неожиданным признанием в любви к столице: если бы, значит, без москвичей, то и прекрасный был бы город...

Нет, все же не все литературные традиции надо сокрушать, ведь есть и бесценные! Удалось ли вам подержать в руках второй номер журнала «Знамя»? Куда он теперь исчезает из всех киосков, не успев появиться? Знакомый киоскер разводит руками: дали десять номеров, но не прошло и пяти минут... Откуда читатель все знает? Было ему известно, что в «Знамени» поэма Александра Твардовского «По праву памяти»? Видимо, да. Эта публикация — большое литературное событие. «Огонек» уже писал о нем. Не хотелось бы, однако, чтобы читатели пропустили еще одну публикацию в том же номере. Конечно, совсем не такую значительную, но, право, тоже интересную.

Речь о небольшой повести незнаменитого Геннадия Головина под скромным заголовком «Анна Петровна». Несколько месяцев назад я впервые встретила это писательское имя в журнале «Москва». Небольшая повесть «Джек, Братишка и другие» была тогда там опубликована. В той повести были видны грамотное, изящное перо и очень добрая душа. Больше ничего, пожалуй. Но очень добрая душа — разве не самый большой талант?.. Но это так, попутно...

И вот — «Анна Петровна». Многие, видимо, читая, вспомнят старуху Анну Валентина Распутина. Впрочем, вспомнят — не то слово. Раз прочитавшие «Последний срок» никогда не могут ее забыть, старуха Анна всем, кто познакомился с нею, родная. И у Головина умирает старуха Анна. Только это городская старуха. И наш город — наш великий, терпеливый, снисходительный, простодушный и искренний город — прекрасная наша Москва живет в этой повести.

Почему я говорю о Москве, а не о захватывающей истории с перстнем, не о ненасытной внучке Марине, не о жизни Анны Петровны, полной и мук, и счастья? Потому что дороже всего в этом произведении мне молодой историк, похожий на простецкого мужичонку, совсем похожий, если бы не глаза, в которых много было книжного ума, терпеливого, спокойного, нелукавого... Этот молодой московский интеллигент, вовсе чужой Анне Петровне, кормит ее, подметает пол, жалеет, утешает, пытается рассмешить и не убирает руку, когда старая женщина хочет прикоснуться к ней, понимая, что самое страшное в старости, когда не к кому вот так прикоснуться.

...И когда она умерла, совсем старенькая Анна Петровна, Виктор позвонил трем своим друзьям, они похоронили ее. И когда я прочла последнюю фразу этой повести, прочла, как неспешно уходили они по кладбищенской аллее, «с удовольствием истинных друзей расспрашивая друг друга о жизни», на душе у меня стало очень хорошо. Так хорошо, спокойно, что можно даже сказать, и счастливо. Потому что и «старость не такая уж страшная пора», как написал в одном из рассказов Борис Екимов (надеюсь, вы не пропустили подборку его рассказов в первом номере «Знамени»). И мой родной город прекрасен, потому что в нем живут такие светлые молодые люди. И традиции, лучшие традиции моей родной литературы живы, раз молодые прозаики видят своих современников и сверстников во всей красоте их, во всем великодушии и милосердии...

Мы ведь с вами знаем, что лучшая проза всегда оставляет человеку надежду, правда?

ТЕСТ ДЛЯ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ

Журналы принесли немало интересного. «Дружба народов» — не только роман Ю. Трифонова «Исчезновение» и роман «Любавины» В. Шукшина, но и короткие рассказы Ю. Нагибина «Из записных книжек», и «Хронику детдомовского сада» В. Козько, и стихи А. Межирова, и баллады Д. Самойлова. «Дон» — роман Б. Можаева «Мужики и бабы». «Звезда» — «Юрий Тынянов. Жизнь и работа». «Новый мир» — повесть Д. Гранина «Зубр», обширную публикацию А. Твардовского, главу из романа и письма М. Булгакова. «Знамя» — повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», стихи Г. Иванова, О. Берггольц, Е. Евтушенко, рассказ Б. Окуджавы. «Октябрь» — «Реквием» А. Ахматовой. «Юность» — повесть С. Антонова «Васька», стихи В. Шаламова.

Те, кто прочел в «Октябре» первую книгу романа А. Чаковского «Нюрнбергские призраки», ждут продолжения («Огонек» рецензировал это произведение). У «Сибирских огней» с началом романа Татьяны Набатниковой «Каждый охотник» ожидающих продолжения, видимо, намного меньше. Но только потому, что имя писательницы пока незнаменито. Роман очень хорош.

Все эти публикации так или иначе не пройдут мимо вашего внимания: о них будут говорить, о них будет писать критика. На всем перечисленном — знак времени, хотя многие произведения пришли к нам из давних дней или обращены к прошлому. Знак времени потому, что еще два, три года назад все это было невозможно или, во всяком случае, невероятно трудно опубликовать.

Для меня событие номер один — не последних месяцев, а последних (многих) лет — роман В. Дудинцева «Белые одежды» в «Неве». Много было прекрасных книг, однако, восхищаясь ими, мы все должны были если не написать и не сказать, то хоть про себя подумать о маленьком, иногда едва заметном «но». Книга бывала замечательна, хотя, конечно, автор слишком спешил поделиться с нами своей болью, и поэтому... Роман был очень хорош, несмотря на то, что написан неровно... Книга была совсем превосходна, хотя и несколько излишне публицистична... Роман был отличный, несмотря на то, что автор не мог сказать все прямо... И так далее, и тому подобное.

Владимир Дудинцев писал свой роман, многие, многие годы не появляясь ни с чем ни на страницах печати, ни на каких трибунах. Никуда не спешил — делал дело. И написал роман, к которому «но» ни с какой стороны

не приставляется. К этой книге нисколько не надо снисходить — она настоящая.

Предвижу, товарищи читатели, что вам предстоит встретиться в печати и с другими мнениями. Это неизбежно, потому что не бывает книг, о которых бы все думали одинаково, хотя иногда это кажется невероятным. Вы еще прочтете и критические статьи, в которых роман В. Дудинцева, может быть, будет подвергнут самому суровому анализу. Что ж, вы тогда вспомните, что я вам о нем говорила, сверьте свое впечатление с мнениями разных критиков, да и выскажите свое мнение, напишите в «Огонек».

Нет, мне не перечислить все журнальные публикации, о которых сейчас говорят, пишут и думают. Их в самом деле немало. Но вот пока никому не попался, видимо, на глаза журнал «Литературная Грузия», первый номер. Будет жаль, если вы не прочтете повесть Джемала Карчхадзе «День один». Пожалуйста, наберитесь терпения и внимательно прочтите письмо, которое получил один профессор в день своего шестидесятилетия. Немножко трудно будет читать: множество однородных существительных через запятую. Но попробуйте представить себе, что это тест, вообразите, что вы получили такое письмо. Чтение покажется не столь обременительным, а уж какие вызовет мысли... Вот сейчас увидите. Итак:

«Милостивый государь! Что если за вражду, клевету, трусость, лицемерие, злословие, ненависть, угодничество, сотворение себе кумиров, унижения перед временщиками, самодовольство, самоуверенность, подчинение стадному чувству, назойливость, насмешки за глаза, радость чужому горю, сокрытие собственного мнения, сплетни, словоблудие, подражательство, сквернословие, похоть, двуличие, лихоимство, обжорство, очковтирательство, воздвижение собственного памятника на обломках чужого, оскорбления, алчность, угнетение слабых, злобу, лицеприятие, ложь, эгоизм, зависть, беспечность, любовь к тридцати сребреникам, пренебрежение к десяти заповедям, заботу лишь о собственном ребенке, бахвальство, нытье и жалобы, жизнь за чужой счет, лень, поверхностность, извращенность, низкопоклонство, равнодушие, чванство, недоверие, стяжательство, избрание легких путей и множество других грехов, свершаемых нами в этом мире,— что, если в мире ином за все это с нас спросится? Что мы тогда станем делать?»

Если в руку взять карандаш и попробовать зачеркивать, в чем не грешен... Вы еще не взяли карандаш?

Это, конечно, шутка. Ну какой, в самом деле, «мир иной», что это я, право? Зачем это так с нами писатель?

Но, может быть, не в ином, может быть, в этом мире с нас спросится?

— А если все-таки никогда и не спросится?

«Тогда мы погибнем»,— отвечает повесть, о которой идет у нас речь.

Не станем пересказывать сюжет. Вообще не будем больше говорить ни слова. Хорошо, когда такие книги каждый читает в одиночку, думает над ними сам и сам для себя делает выводы — какие совесть продиктует.

Закрыв журнал, я достала с полки стихи Глеба Горбовского и отыскала вот это:

Не убивать, не врать, не красть,
не соблазнять жену чужую,
не баламутить носом грязь —
все это можно. Зачастую...
И даже ближнему помочь,
и даже зверя не ударить,
и даже с тем, что скоро ночь,
смириться, вывесив фонарик...
...Но как же трудно в шесть утра
подняться в сорок лет с улыбкой!
Потом, когда трамвай, жара,—
беззлобно плавать свежей рыбкой...
...И видеть небо, видеть пасть
последней двери... Видеть космос...
А не убить, а не украсть —
ах, боже мой, как это просто!

Достойным человеком нельзя стать потом, когда-нибудь, в решительную минуту жизни. Надо каждый день, каждую минуту жить по-человечески, по-людски. В том-то весь и труд. Но в том-то ведь все и счастье. Другое же счастье мимолетно, призрачно, эфемерно, неуловимо...

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНАХ И ФАМИЛИЯХ

Как несколько месяцев назад я запомнила имя Геннадия Головина — по первой повести, в «Москве», так же запомнила и одно женское имя — Александра Ланина. Небольшой ее рассказ был опубликован в журнале «Октябрь». Но вот Геннадий Головин через некоторое время возник, подтвердился. Александру же Ланину я что-то больше не встречаю. А жаль... Мелькнуло в «Юности» славное имя — Наталья Дарьялова, я запомнила с удовольствием, что автору двадцать шесть лет, но больше нигде этого имени не вижу. Запомнились имена Ольги Березиной, Бориса Крячко — возникали они в «Урале» и «Таллине». Но тоже по разочку.

Как-то бы надо с ними поласковей, что ли. Спрашивать: над чем работаете, работаете ли вообще, мы вас помним, нам вас не хватает... А как еще растить молодых, как делать будущее литературы? Другие-то пути особого успеха не приносят.

Имена, которые сразу запоминаются, надо беречь. Например, Марина Есенина. Публикуется она редко, неужели так мало пишет? Не может же быть, чтобы человек только изредка подходил к письменному столу, писал хороший рассказ и надолго бросал это занятие...

Так редко бывает, что с одного раза запомнишь имя, это я просто свела несколько вместе, вот и кажется, что дело обычное. Нет, конечно, нет, куда чаще мелькают и мелькают фамилии, десятками на журнальных страницах, как в телефонной книге.

В двух журналах сразу опубликовали повести Сергея Михеенкова, 31 года,— в «Молодой гвардии» и в «Юности», что я запомню? Что ни ту, ни другую не смогла дочитать до конца. Еще запомню, что опубликованная в «Юности» повесть получила премию имени Н. Островского — по рукописи. Удивление запомню: как же это можно по рукописи премию давать? Вот уж странность даже в наше демократическое время.

В первом номере «Молодой гвардии» мелькнула фамилия Виктора Смирнова над повестью «Необычная командировка». Я вспомнила, где встречала эту фамилию прежде: повесть «Необычная командировка» была напечатана еще в журнале «Север» в седьмом номере за прошлый год. Чудеса... То ли автору показалась публикация в «Севере» слишком скромной, он решил повторить ее в центральном журнале, то ли «Молодой гвардии» так понравилась повесть, что журнал решил ее перепечатать...

Впрочем, об именах писать гораздо интереснее, чем о фамилиях, хотя даже самые громкие из них далеко не всегда несут с собой только радость. В журнале «Даугава» публикуется повесть братьев Стругацких «Время дождя», но даже тем, кто очень любит Стругацких, я не решилась бы сказать: «Бросайте все и читайте». Там же рассказ Юрия Тынянова, не печатавшийся с 1925 года. Пожалуй, не большая была и беда, что не печатавшийся, так мне кажется, и то, что теперь его напечатали,— не велик праздник. А вот «Новые стихи Осипа Мандельштама» — шесть журнальных страниц в той же «Даугаве» — прекрасная публикация.

Если вы откроете первый номер журнала «Вопросы литературы», вы, возможно, откроете для себя и замечательное имя, которого раньше не знали. Это имя — Уильям Батлер Йейтс, классик англо-ирландской поэзии, национальный поэт Ирландии, умерший почти полвека назад и очень мало у нас переводившийся. Журнал опубликовал подборку его высказываний об искусстве. Ожидания тех, кто привык получать наслаждение, следя за мыслями великого человека, не будут обмануты.

Имя Лидии Гинзбург появляется в печати чрезвычайно редко. Но тот, кто читал в журнале «Нева» ее «Записки блокадного человека» или «За письменным столом», имени этого никогда не забудет. Теперь в «Неве» ее «Вариант старой темы». Опять написано словечко к словечку. Как? А вот так, например: «Когда у человека погибает любовь, то он, по традиции, обманывает боль работой. Надо бы выработать методы самообмана на случай погибающей работы». И вот так: «Наряду с обыкновенной завистью существует особая зависть беспринципных и потерявших себя к высоким неудачам и страданиям».

Лидии Гинзбург восемьдесят пять лет. Конечно, поменьше, чем Анастасии Цветаевой, о прекрасных рассказах которой мы с вами толковали в прошлый раз. Видимо, поменьше и чем Анне Петровне, старушке из повести Геннадия Головина. И все же, как ни говори, это старость. Но какая же, заметьте, счастливая старость, если те, кто моложе, внимают тебе, поучаясь и восхищаясь...

Чуть не в одном предложении подряд я перечислила литературных героинь с живыми, не испытав при этом ни малейших неудобств. Думаю, что литература — хорошая литература — это ведь та же жизнь. И герои лучших книг — наши друзья, сограждане, соотечественники, наши земляки и родня.

Иначе ведь о них и душа бы не болела.

«УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ ЧИТАТЕЛЬ!»

Вот и появились у меня в «Огоньке» читатели-помощники, читатели-спорщики, читатели, задающие вопросы, читатели, пользующиеся обзором, как компасом, просто читатели — внимательные, добрые, заинтересованные. Евгений Иванович Райков из Николаева по рекомендации журнала прочитал повесть Ю. Полякова «Работа над ошибками» с удовольствием. Он рассказывает, как они с женой растили двух сыновей, как их дом во время сыновнего студенчества был студенческим клубом, как теперь сыновья стали инженерами, у них по-прежнему множество друзей — и все очень славная молодежь

А вот к повести В. Кунина «Привал» у Евгения Ивановича множество претензий, причем по части фактической. Товарищ Райков — сам участник Великой Отечественной войны. Не решусь с ним спорить. Правда, не решусь и поверить, что журнал опубликовал бы произведение, не будучи убежденным в подлинности фактов.

Зоя Павловна Миккиева из поселка Важины Ленинградской области от души благодарит за совет прочесть повесть Анатолия Курчаткина «Бабий дом» и спрашивает, почему это она прочитала рассказ И. Грековой «Без улыбок» в одиннадцатом номере «Октября» «и не поняла, что к чему». Может быть, товарищи читатели выскажут свою точку зрения на рассказ? И в письмах, в других письмах, содержится тот же призыв: хотим, чтобы критик в свои обзоры включал мнения читателей.

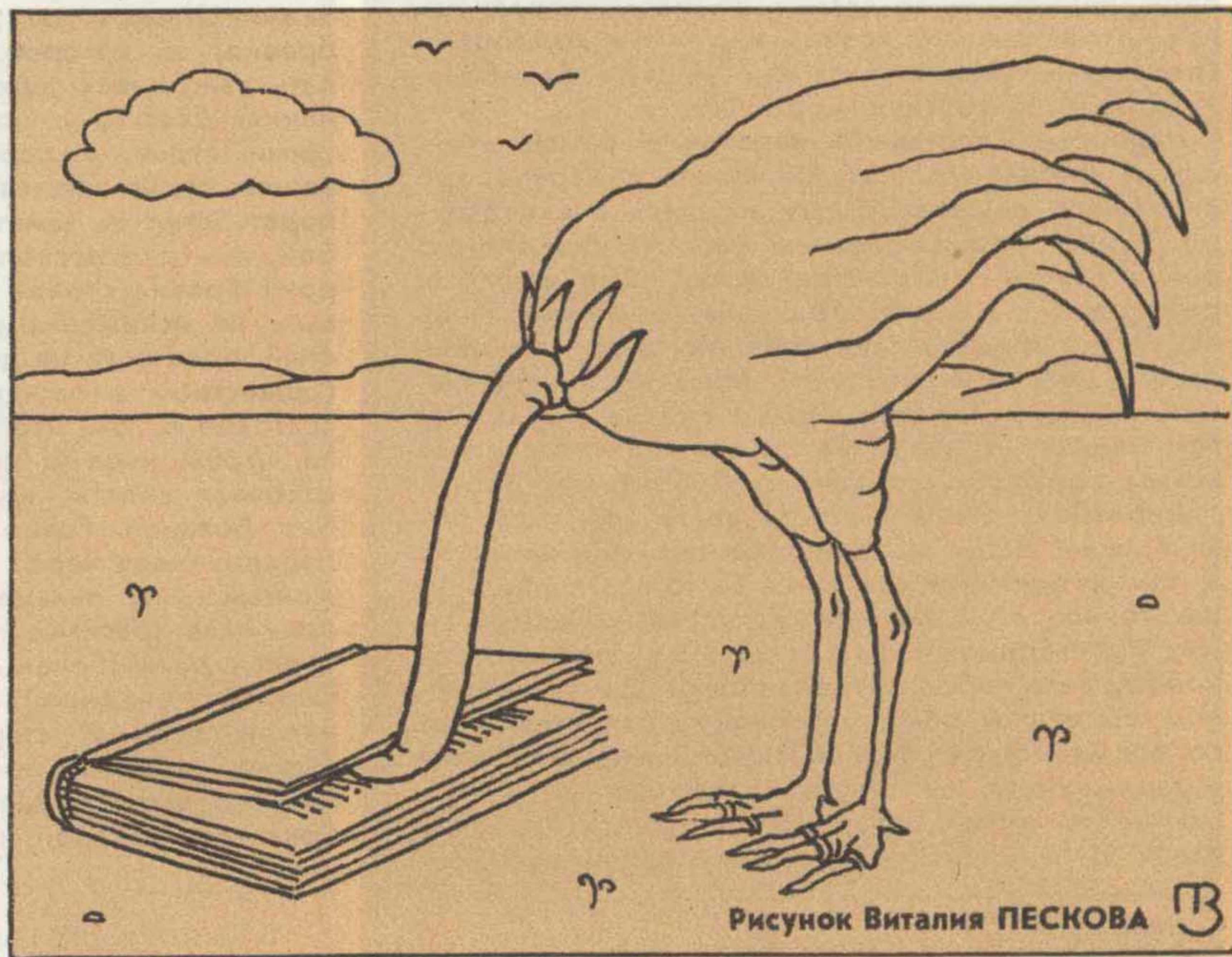
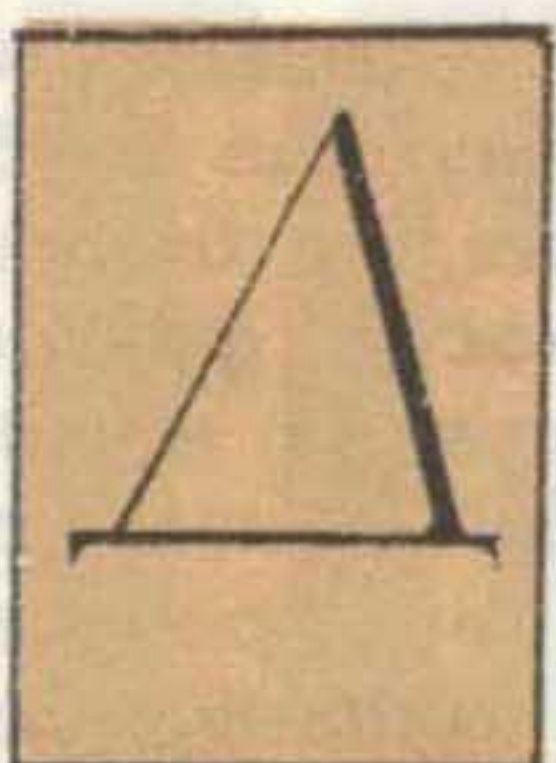
Замечательно интересное письмо прислала Тамара Ивановна Рогушина из Бухары. Несколько строк из письма с удовольствием приведу: «...Люди берутся за книгу, надеясь с ее помощью понять, что происходит с ними самими, люди хотят понять жизнь. Они бывают разочарованы, если книга им не открывает ничего, если она не возвышает их над суетой, над обыденностью, если она не вдохновляет. Понимаете, мы смотрим по сторонам и видим все обычное, людей вокруг обычных. Но когда писатель талантлив, он видит в современнике прекрасное, в современности—возвышенное. А людям нужно, чтобы у них был свет, надежда. Это по-разному называют: звезда впереди, идеал...»

В жизни у нас сейчас много надежд. Как это сказал один старик во время поездки Михаила Сергеевича Горбачева в Латвию: «Мы все теперь помолодели!»

Только от нас самих зависит, как, когда, в какой мере станут сбываться наши надежды. Не только оттого, как мы будем работать, но и оттого, как мы будем жить. И если мы будем верить друг другу, видеть в современниках возвышенное, если для нас законом станут товарищество, порядочность, добро, честь, если человеческое достоинство будет для нас свято — словом, если мы будем жить друг с другом по-человечески, то и надежды наши сбудутся. Книги — часть нашей жизни. С них спрос—как и с нас — такой же, как с нас самих, ничуть не меньше. Каждая из них должна работать во имя общего дела.

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

Николай ГУМИЛЕВ

АФРИКАНСКИЙ ДН

Дорога, действительно, была трудна. Над промоинами рельсы дрожали и гнулись, и кое-где приходилось идти пешком. Солнце палило так, что наши руки и шеи через полчаса покрылись волдырями. По временам сильные порывы ветра обдавали нас пылью. Окрестности были очень богаты дичью. Мы опять видели шакалов, газелей и даже на берегу одного болота нескольких марабу, но они были слишком далеко. Одному из наших ашкеров удалось убить стрепета величиной почти с маленького страуса. Он был очень горд своей удачей.

Через несколько часов мы встретили паровоз и две платформы, подвозившие материалы для починки пути. Нас пригласили перейти на них, и еще час мы ехали таким примитивным способом. Наконец, мы встретили вагон, который на следующее утро должен был отвезти нас в Дире-Дауа. Мы пообедали ананасным вареньем и печеньем, которые у нас случайно оказались, и переночевали на станции. Было холодно, слышался рев гиены. А в восемь часов утра перед нами в роще мимоз замелькали белые домики Дире-Дауа.

Как быть путешественнику, добросовестно заносящему в дневник свои впечатления? Как признаться ему при въезде в новый город, что первое привлекает его вниманье? Это чистые постели с белыми простынями, завтрак за столом, покрытым скатертью, книги и возможность сладкого отдыха?

Я далек от того, чтобы отрицать отчасти пресловутую прелесть «пригорков и ручейков». Закат солнца в пустыне, переправа через разлившиеся реки, сны ночью, проведенною под пальмами, навсегда останутся одними из самых волнующих и прекрасных мгновений моей жизни. Но когда культурная повседневность, уже успевшая для путника стать сказкой, мгновенно превращается в реальность — пусть смеются надо мной городские любители природы — это тоже прекрасно. И я с благодарностью вспоминаю ту гекко, маленькую, совершенно прозрачную ящерицу, бегающую по стенам комнат, которая, пока мы завтракали, ловила над нами комаров и временами поворачивала к нам свою безобразную, но уморительную мордочку.

Надо было составлять караван. Я решил взять слуг в Дире-Дауа, а мулов купить в Хараре, где они много дешевле. Слуги нашлись очень быстро: Хайле, негр из племени мангаля, скверно, но бойко говорящий по-французски, был взят как переводчик, харарит Абдулайе, знающий лишь несколько французских слов, но зато имеющий своего мула, как начальник каравана, и пара быстроногих черномазых бродяг, как ашкеры. Потом наняли на завтра верховых мулов и со спокойным сердцем отправились бродить по городу.

Дире-Дауа очень выросла за те три года, пока я ее не видел, особенно ее европейская часть. Я помню время, когда в ней было всего две улицы, теперь их с десяток. Есть сады с цветниками, просторные кафе. Есть даже французский консул. Весь город разделяется на две части руслом высохшей реки, которая наполняется лишь во время дождя: европейскую ближе к вокзалу и туземную, т. е. просто беспорядочное нагромождение хижин, загородок для скота и редких лавок. В европейской части живут французы и греки. Французы — господа положения: они или служат на железной дороге, где получают хорошее жалование, или содержат лучшие отели и ведут крупную торговлю; начальник почты — француз, доктор — тоже. Их уважают, но не любят за постоянно проявляемое ими высокомерие к цветным расам. В руках греков и изредка армян вся мелкая торговля Абиссинии. Абиссинцы называют их «грик» и отделяют от прочих европейцев, «френджей». В европейское, т. е. во французское, общество они за немногими исключеньями не приняты, хотя многие из них зажиточны. В одном маленьком греческом кафе, которое по вечерам превращается в настоящий игорный дом, я видел ставки по нескольку сот талеров, принадлежащие весьма подозрительным оборванцам.

В европейской части города нет ни экипажей, ни фонарей. Улицы освещаются луной и окнами кафе.

В туземной части города можно бродить целый день, не соскучась. В двух больших лавках, принадлежащих богатым индусам Джиоваджи и Мохамет-Али, шелковые шитые золотом одежды, кривые сабли в красных сафьяновых ножнах, кинжалы с серебряной чеканкой и всевозможные восточные украшения, так ласкающие глаза. Их продают важные толстые индусы в ослепительно белых рубашках под халатами и в шелковых шапочках блином. Пробегают йеменские арабы, тоже торговцы, но главным образом комиссионеры. Сомалийцы, искусные в различного рода рукодельях, тут же на земле плетут циновки, приготовляют по мерке сандалии. Проходя перед хижинами галласов, слышишь запах ладана, их любимого куренья. Перед домом данакильского нагадраса[1] (собственно говоря, начальника купцов, но в действительности — просто важного начальника) висят хвосты слонов, убитых его ашкерами. Прежде висели и клыки, но с тех пор как абиссинцы завоевали страну, бедным данакилям приходится довольствоваться одними хвостами. Абиссинцы с ружьями за плечами ходят без дела с независимым видом. Они завоеватели, им работать неприлично. И сейчас же за городом начинаются горы, где стада павианов обгрызают молочаи и летают птицы с громадными красными носами.

Чтобы быть уверенным в своих ашкерах, необходимо записать их и их поручителей у городского судьи. Я отправился к нему и имел случай видеть абиссинский суд. На террасе дома, выходящей на довольно обширный двор, сидел, поджав под себя ноги, статный абиссинец, главный судья, окруженный помощниками и просто друзьями. Шагах в пяти перед ним на земле лежало бревно, за которое не должны были переступать тяжущиеся даже в пылу защиты или обвинения. Двор был полон ашкерами, принадлежащими судье, и просто любопытными. Когда я вошел, судья вежливо приветствовал меня, велел подать стул и, заметив, что я интересуюсь тяжбой, сам дал несколько разъяснений. По ту сторону бревна стояли высокий абиссинец с красивым, но искаженным злобою лицом, и приземистый, одна нога на деревяшке, араб, весь полный торжеством в ожиданьи близкой победы. Дело состояло в том, что абиссинец взял у араба мула, чтобы куда-то проехать, и мул издох. Араб требовал уплаты, абиссинец доказывал, что мул был больной. Говорили по очереди. Абиссинец перепрыгивал через бревно и в такт своим аргументам тыкал пальцем прямо в лицо судье. Араб принимал красивые позы, распахивал и запахивал свою шамму (белая мантия, общая для всех обитателей Абиссинии), и, говоря, выбирал выраженья и, видимо, старался для галерки. Действительно, дружный сочувственный смех сопутствовал его выступленьям. Даже судья с улыбкой покачивал головой и бормотал: «Ойю гут» («это удивительно»). Наконец, когда оба тяжущиеся поклялись смертью Менелика (в Абиссинии всегда клянутся смертью императора или кого-нибудь из высших сановников), утверждая противное, восторг сделался общим. Я не дождался конца и, записав ашкеров, ушел, но видно было, что победит араб. Судиться в Абиссинии — очень трудная вещь. Обыкновенно выигрывает тот, кто заранее сделает лучший подарок судье, а как узнать, сколько дал противник? Дать же слишком много тоже невыгодно. Тем не менее абиссинцы очень любят судиться, и почти каждая ссора кончается традиционным приглашением во имя Менелика (ба Менелик) явиться в суд.

Днем прошел ливень, настолько сильный, что ветром снесло крышу с одного греческого отеля, правда, не особенно прочной постройки. Под вечер мы вышли пройтись и, конечно, посмотреть, что сталось с рекой. Ее нельзя было узнать, она клокотала, как мельничный омут. Особенно перед нами один рукав, огибавший маленький островок, неистовствовал необычайно. Громадные валы совершенно черной воды и даже не воды, а земли и песка, поднятого со дна, летели, перекатываясь друг через друга, и, ударяясь о выступ берега, шли назад, поднимались столбом и ревели. В тот тихий матовый вечер это было зрелище страшное, но прекрасное. На островке прямо перед нами стояло большое дерево. Волны с каждым ударом обнажали его корни, обдавая его брызгами пены. Дерево вздрагивало всеми ветвями, но держалось крепко. Под ним уже почти не оставалось земли, и лишь два-три корня удерживали его на месте. Между зрителями даже составлялись пари: устоит оно или не устоит. Но вот другое дерево, вырванное где-то в горах потоком, налетело и, как тараном, ударило его. Образовалась мгновенная запруда, которой было достаточно, чтобы волны всей своей тяжестью обрушились на погибающего. Посреди рева воды слышно было, как лопнул главный корень, и, слегка качнувшись, дерево как-то сразу нырнуло в водоворот всей зеленой метелкой ветвей. Волны бешено подхватили его, и через мгновенье оно было уже далеко. А в то время, как мы следили за гибелью дерева, ниже нас по течению утонул ребенок, и весь вечер мы слышали, как голосила мать.

Наутро мы отправились в Харар.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дорога в Харар пролегает первые километров двадцать по руслу той самой реки, о которой я говорил в предыдущей главе. Ее края довольно отвесны, и не дай бог путнику оказаться на ней во время дождя. Мы, к счастью, были гарантированы от этой опасности, потому что промежуток между двумя дождями длится около сорока часов. И не мы одни воспользовались удобным случаем. По дороге ехали десятки абиссинцев, проходили данакили, галласские женщины с отвислой голой грудью несли в город вязанки дров и травы. Длинные цепи верблюдов, связанных между собой за морды и хвосты, словно нанизанные на нитку забавные четки, проходя, пугали наших мулов. Ожидали приезда в Дире-Дауа харарского губернатора дедьязмага[2] Тафари, и мы часто встречали группы выехавших встретить его европейцев на хорошеньких резвых лошадках.

Дорога напоминала рай на хороших русских лубках: неестественно зеленая трава, слишком раскидистые ветви деревьев, большие разноцветные птицы и стада коз по откосам гор. Воздух мягкий, прозрачный и словно пронизанный крупинками золота. Сильный и сладкий запах цветов. И только странно дисгармонируют со всем окружающим черные люди, словно грешники, гуляю-

Окончание. См. № 14.

[1] Нэгадрас — сборщик торговых пошлин.

[2] В такой транскрипции пишет Гумилев слово «дэджазмач», сокращенное «дэджач» — командующий войском у дверей императорского шатра, одно из высших воинских званий.

щие в раю, по какой-нибудь еще не созданной легенде.

Мы ехали рысью, и наши ашкеры бежали впереди, еще находя время подурачиться и посмеяться с проходящими женщинами. Абиссинцы славятся своей быстроногостью, и здесь общее правило, что на большом расстоянии пешеход всегда обгонит конного. Через два часа пути начался подъем: узкая тропинка, иногда переходящая прямо в канавку, вилась почти отвесно на гору. Большие камни заваливали дорогу, и нам пришлось, слезши с мулов, идти пешком. Это было трудно, но хорошо. Надо взбегать, почти не останавливаясь, и балансировать на острых камнях: так меньше устаешь. Бьется сердце и захватывает дух: словно идешь на любовное свидание. И зато бываешь вознагражден неожиданным, как поцелуй, свежим запахом горного цветка, внезапно открывшимся видом на нежно затуманенную долину. И когда, наконец, полузадохшиеся и изнеможденные, мы взошли на последний кряж, нам сверкнула в глаза так давно невиданная спокойная вода, словно серебряный щит; горное озеро Адели. Я посмотрел на часы: подъем длился полтора часа. Мы были на Харарском плоскогории. Местность резко изменилась. Вместо мимоз зеленели банановые пальмы и изгороди молочаев; вместо дикой травы — старательно возделанные поля дурро. В галласской деревушке мы купили нжиры (род толстых блинов из черного теста, заменяющие в Абиссинии хлеб) и съели ее, окруженные любопытными ребятишками, при малейшем нашем движении бросающимися удирать. Отсюда в Харар шла прямая дорога, и кое-где на ней были даже мосты, переброшенные через глубокие трещины в земле. Мы проехали второе озеро Оромоло, вдвое больше первого, застрелили болотную птицу с двумя белыми наростами на голове, пощадили красивого ибиса и через пять часов очутились перед Хараром.

Уже с горы Харар представлял величественный вид со своими домами из красного песчаника, высокими европейскими домами и острыми минаретами мечетей. Он окружен стеной, и через ворота не пропускают после заката солнца. Внутри же это совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида. Узкие улицы, которые то подымаются, то спускаются ступенями, тяжелые деревянные двери, площади, полные галдящим людом в белых одеждах, суд, тут же на площади — все это полно прелести старых сказок. Мелкие мошенничества, проделываемые в городе, тоже совсем в древнем духе. Навстречу нам по многолюдной улице шел с ружьем на плече мальчишка — негр лет десяти, по всем признакам раб, и за ним из-за угла следил абиссинец. Он не дал нам дороги, но так как мы ехали шагом, нам не трудно было объехать его. Вот показался красивый харарит, очевидно, торопившийся, так как он скакал галопом. Он крикнул мальчишке посторониться, тот не послушался и, задетый мулом, упал на спину, как деревянный солдатик, сохраняя на лице все ту же спокойную серьезность. Следивший из-за угла абиссинец бросился за хараритом и, как кошка, вскочил позади седла. «Ба Менелик, ты убил человека». Харарит уже приуныл, но в это время негритенок, которому, очевидно, надоело лежать, встал и стал отряхивать с себя пыль. Абиссинцу все-таки удалось сорвать талер за увечье, чуть-чуть не нанесенное его рабу.

Мы остановились в греческом отеле, единственном в городе, где за скверную комнату и еще более скверный стол с нас брали цену, достойную парижского Grand Hôtel'a. Но все-таки приятно было выпить освежительного пинцермента и сыграть партию в засаленные и обгрызенные шахматы.

В Хараре я встретил знакомых. Подозрительный мальтиец Каравана, бывший банковский чиновник, с которым я смертельно рассорился в Аддис-Абебе, первый пришел приветствовать меня. Он навязывал мне чьего-то чужого скверного мула, намереваясь получить комиссионные. Предложил сыграть в покер, но я уже знал его манеру игры. Наконец, с обезьянними ужимками посоветовал послать дедьязмагу ящик с шампанским, чтобы потом забежать перед ним и похвастаться своей распорядительностью. Когда же ни одно из его стараний не увенчалось успехом, он потерял ко мне всякий интерес. Но я сам послал искать другого моего аддис-абебского знакомого — маленького чистенького пожилого копта, директора местной школы. Склонный к философствованию, как большинство его соотечественников, он высказывал подчас интересные мысли, рассказывал забавные истории, и все его миросозерцание производило впечатление хорошего и устойчивого равновесья. С ним мы играли в покер и посетили его школу, где маленькие абиссинцы лучших в городе фамилий упражнялись в арифметике на французском языке. В Хараре у нас оказался даже соотечественник, русский подданный армянин Артем Иоханжан, живший в Париже, в Америке, в Египте и около двадцати лет живущий в Абиссинии. На визитных карточках он значится как доктор медицины, доктор наук, негоциант, комиссионер и бывший член Суда, но когда его спрашивают, как получил он столько званий, ответ — неопределенная улыбка и жалобы на дурные времена.

Кто думает, что в Абиссинии легко купить мулов, тот очень ошибается. Специальных купцов нет, мулиных ярмарок тоже. Ашкеры ходят по домам, справляясь, нет ли продажных мулов. У абиссинцев разгораются глаза: может быть, белый не знает цены и его можно надуть. К отелю тянется цепь мулов, иногда очень хороших, но зато безумно дорогих. Когда эта волна спадет, начинается другая: ведут мулов больных, израненных, разбитых на ноги в надежде, что белый не понимает толк в мулах, и только потом поодиночке начинают приводить хороших мулов и за настоящую цену. Таким образом, в три дня нам посчастливилось купить четырех. Много помог нам наш Абдулайе, который хотя и брал взятки с продавцов, но все же очень старался в нашу пользу. Зато низость переводчика Хайле выяснилась за эти дни вполне. Он не только не искал мулов, но даже, кажется, перемигнулся с хозяином отеля, чтобы как можно дольше задержать нас там. Я его отпустил тут же в Хараре.

Другого переводчика мне посоветовали искать в католической миссии. Я отправился туда с Иоханжаном. Мы вошли в полуотворенную дверь и очутились на большом безукоризненно чистом дворе. На фоне высоких белых стен с нами раскланивались тихие капуцины в коричневых рясах. Ничто не напоминало Абиссинии, казалось, что мы в Тулузе или в Арле. В просто убранной комнате к нам выбежал, именно выбежал, сам монсеньер, епископ галласский, француз лет пятидесяти с широко раскрытыми, как будто удивленными глазами. Он был отменно любезен и приятен в обращении, но года, проведенные среди дикарей в связи с общей монашеской наивностью, давали себя чувствовать. Он как-то слишком легко, точно семнадцатилетняя институтка,

Рисунок, выполненный Н. Гумилевым в Африке.

«Картины абиссинских мастеров», привезенные Н. Гумилевым из путешествия, и автограф «Вступления» к сборнику африканских стихотворений Гумилева «Шатер». (Собрание В. Лукницкой.)

Вступленіе.

Оглушенная ревомъ и топотомъ,
Облеченная въ пламень и дымы,
О тебѣ, моя Африка, шопотомъ
Говорятъ въ небесахъ серафимы.

И твое раскрывая Евангелье,
Повѣсть жизни ужасной и чудной,
О неопытномъ думаютъ ангелѣ,
Что приставленъ къ тебѣ, безразсудной.

Про деянья свои и фантазіи,
Про звѣриную душу послушай,
Ты, на деревѣ древнемъ Евразіи
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебѣ, я повѣдаю
О вождяхъ въ леопардовыхъ шкурахъ,
За бѣглой и сладкой побѣдою
Увлекающихъ воиновъ хмурыхъ.

О деревняхъ съ кумирами древними,
Что пугаютъ улыбкой недоброй,
И о львахъ, что проходятъ деревнями
И хвостомъ ударяютъ о ребра.

О змѣиномъ чарующемъ шелестѣ
Въ лихорадочныхъ пальмовыхъ чащахъ
И о всей твоей дѣвственной прелести,
Звуками-запахами сладко пьянящей.

Дай за это дорогу мнѣ торную
Тамъ, гдѣ нѣту пути человѣку,
Дай назвать моимъ именемъ черную,
До сихъ поръ неоткрытую рѣку;

И послѣднюю милость, съ которою
Отойду я въ селенья святыя,
Дай скончаться подъ той сикоморою,
Гдѣ съ Христомъ отдыхала Марія.

удивлялся, радовался и печалился всему, что мы говорили. Он знал одного переводчика, это галлас Поль, бывший воспитанник миссии, очень хороший мальчик, он его ко мне пришлет. Мы попрощались и вернулись в отель, куда через два часа пришел и Поль. Рослый парень с грубоватым крестьянским лицом, он охотно курил, еще охотнее пил и в то же время смотрел сонно, двигался вяло, словно зимняя муха. С ним мы не сошлись в цене. После, в Дире-Дауа, я взял другого воспитанника миссии Феликса. По общему утверждению всех видевших его европейцев, он имел такой вид, точно его начинает тошнить, когда он поднимался по лестнице, хотелось почти поддержать его, и однако он был совершенно здоров, и тоже un tres brave garçon [3], как находили миссионеры. Мне сказали, что все воспитанники католических миссий таковы. Они отдают свою природную живость и понятливость взамен сомнительных моральных достоинств.

Вечером мы отправились в театр. Дедьязмаг Тафари увидел однажды в Дире-Дауа спектакли заезжей индийской труппы и так восхитился, что решил во что бы то ни стало доставить то же зрелище и своей жене. Индийцы на его счет отправились в Харар, получили бесплатно помещение и прекрасно обжились. Это был первый театр в Абиссинии, и он имел огромный успех. Мы с трудом нашли два места в первом ряду; для этого пришлось отсадить на приставные стулья двух почтенных арабов. Театр оказался простонапросто балаганом: низкая железная крыша, некрашеные стены, земляной пол — все это было, быть может, даже слишком бедно. Пьеса была сложная, какой-то индийский царь в лубочнопышном костюме увлекается красивой наложницей и пренебрегает не только своей законной супругой и молодым прекрасным принцем сыном, но и делами правления. Наложница, индийская Федра, пытается обольстить принца и в отчаянии от неудачи клевещет на него царю. Принц изгнан, царь проводит все свое время в пьянстве и чувственных наслаждениях. Нападают враги, он не защищается, несмотря на уговоры верных воинов, и ищет спасения в бегстве. В город вступает новый царь. Случайно на охоте он спас от руки разбойников законную жену прежнего царя, последовавшую в изгнание за своим сыном. Он хочет жениться на ней, но когда та отказывается, говорит, что согласен относиться к ней, как к своей матери. У нового царя есть дочь, ей надо выбрать жениха, и для этого собираются во дворец все окружные принцы. Кто сможет выстрелить из заколдованного лука, тот будет избранником. Изгнанный принц в одежде нищего тоже приходит на состязание. Конечно, только он может натянуть лук, и все в восторге, узнав, что он королевской крови. Царь вместе с рукой своей дочери отдает ему и престол, прежний царь, раскаявшись в своих заблуждениях, возвращается и тоже отказывается от своих прав на царствование.

Единственный режиссерский трюк состоял в том, что, когда опускался занавес, изображавший улицу большого восточного города, перед ним актеры, переодетые горожанами, разыгрывали маленькие забавные сценки, лишь отдаленно относившиеся к общему действию пьесы.

Декорации, увы, были в очень дурном европейском стиле, с претензиями на красивость и реализм. Самое интересное было то, что все роли исполнялись мужчинами. Как ни странно, но это не только не вредило впечатлению, но даже усиливало его. Получалось приятное единообразие голосов и движений, которое так редко встречается в наших театрах. Особенно хорош был актер, игравший наложницу; набеленный, нарумяненный, с красивым цыганским профилем, он выказал столько страсти и кошачьей грации в сцене обольщения короля, что зрители были искренно взволнованы. Особенно разгорались глаза у переполнявших театр арабов.

Мы вернулись в Дире-Дауа, взяли весь наш багаж и новых ашкеров и через три дня были уже на обратной дороге. Ночевали на половине подъема, и это была наша первая ночь в палатке. Там уместились только две наши кровати и между них, как ночной столик, два поставленные один на другой чемоданы типа выработанного Грумм-Гржимайло. Еще не обгоревший фонарь распространял зловонье. Мы поужинали китой (мука, размешанная в воде и поджаренная на сковородке, обычная здесь еда в пути) и вареным рисом, который мы ели сперва с солью, потом с сахаром. Утром встали в шесть часов и двинулись дальше.

Нам сказали, что наш друг турецкий консул находится в отеле в двух часах езды от Харара и ожидает, чтобы харарские власти были официально извещены о его прибытьи в Аддис-Абебу. Об этом хлопотал германский посланник в Аддис-Абебе. Мы решили заехать в этот отель, отправив караван вперед.

Несмотря на то, что консул еще не вступил в исполнение своих обязанностей, он уже принимал многочисленных мусульман, видевших в нем наместника самого султана и желавших его приветствовать. По восточному обычаю все приходили с подарками. Турки-садоводы приносили овощи и плоды, арабы — баранов и кур. Вожди полунезависимых сомалийских племен присылали спрашивать, что он хочет, льва, слона, табун лошадей или десяток страусовых кож, снятых вместе со всеми перьями. И только сирийцы, одетые в пиджаки и корчащие европейцев, приходили с развязным видом и пустыми руками.

Мы пробыли у консула около часа и, приехав в Харар, узнали грустную новость, что наши ружья и патроны задержаны в городской таможне. На следующее утро наш знакомый армянин, коммерсант из окрестностей Харара, заехал за нами, чтобы вместе ехать навстречу консулу, который, наконец, получил нужные бумаги и мог совершить торжественный въезд в Харар. Мой спутник слишком устал накануне, и я поехал один. Дорога имела праздничный вид. Арабы в белых и цветных одеждах в почтительных позах сидели на скалах. Там и сям сновали абиссинские ашкеры, посланные губернатором для почетного конвоя и водворения порядка. Белые, т. е. греки, армяне, сирийцы и турки — все знакомые между собой, скакали группами, болтая и одалживаясь папироской. Попадавшиеся навстречу крестьяне-галласы испуганно сторонились, видя такое торжество.

Консул, я, кажется, забыл написать, что это был генеральный консул, был достаточно величествен в своем богато расшитом золотом мундире, ярко-зеленой ленте через плечо и ярко-красной феске. Он сел на большую белую лошадь, выбранную из самых смирных (он не был хорошим наездником), два ашкера взяли ее под уздцы, и мы тронулись обратно в Харар. Мне досталось место по правую руку консула, по левую ехал Калиль Галеб, здешний представитель торгового дома Галебов. Впереди бежали губернаторские ашкеры, позади ехали европейцы, и сзади них бежали преданные мусульмане и разный праздношатающийся люд. В общем, было человек до шестисот. Греки и армяне, ехавшие сзади, напирали на нас нещадно, каждый стараясь показать свою близость к консулу. Один раз даже его лошадь вздумала бить задом, но и это не останавливало честолюбцев. Большое замешательство произвела какая-то собака, которая вздумала бегать и лаять в этой толпе. Ее гнали, били, но она все принималась за свое. Я отделился от шествия, потому что у моего седла оборвался подхвостник и со своими двумя ашкерами вернулся в отель. На следующий день, согласно прежде полученному и теперь подтвержденному приглашению, мы перебрались из отеля в турецкое консульство.

Чтобы путешествовать по Абиссинии, необходимо иметь пропуск от правительства. Я телеграфировал об этом русскому поверенному в делах в Аддис-Абебу и получил ответ, что приказ выдать мне пропуск отправлен начальнику харарской таможни нагадрасу Бистрати. Но нагадрас объявил, что он ничего не может сделать без разрешения своего начальника дедьязмага Тафари. К дедьязмагу следовало идти с подарком. Два дюжих негра, когда мы сидели у дедьязмага, принесли, поставили к его ногам купленный мной ящик с вермутом. Сделано это было по совету Калиль Галеба, который нас и представлял. Дворец дедьязмага, большой двухэтажный деревянный дом с крашеной верандой, выходящий во внутренний, довольно грязный двор, напоминал не очень хорошую дачу, где-нибудь в Парголове или Териоках. На дворе толклось десятка два ашкеров, державшихся очень развязно. Мы поднялись по лестнице и после минутного ожиданья на веранде вошли в большую устланную коврами комнату, где вся мебель состояла из нескольких стульев и бархатного кресла для дедьязмага. Дедьязмаг поднялся нам навстречу и пожал нам руки. Он был одет в шамму, как все абиссинцы, но по его точеному лицу, окаймленному черной вьющейся бородкой, по большим полным достоинства газельим глазам и по всей манере держаться в нем сразу можно было угадать принца. И неудивительно: он был сын раса [4] Маконнена, двоюродного брата и друга императора Менелика, и вел свой род прямо от царя Соломона и царицы Савской. Мы просили его о пропуске, но он, несмотря на подарок, ответил, что без приказания из Аддис-Абебы он ничего сделать не может. К несчастью, мы не могли даже достать удостоверения от нагадраса, что приказ получен, потому что нагадрас отправился искать мула, пропавшего с почтой из Европы по дороге из Дире-Дауа в Харар. Тогда мы просили дедьязмага о разрешении сфотографировать его, и на это он тотчас же согласился. Через несколько дней мы пришли с фотографическим аппаратом. Ашкеры расстелили ковры прямо на дворе, и мы сняли дедьязмага в его парадной синей одежде. Затем была очередь за принцессой, его женой. Она сестра Лидж Иясу, наследника престола, и следовательно, внучка Менелика. Ей двадцать два года, на три года больше, чем ее мужу, и черты ее лица очень приятны, несмотря на некоторую полноту, которая уже испортила ее фигуру. Впрочем, кажется, она находилась в интересном положении. Дедьязмаг проявлял к ней самое трогательное вниманье. Сам усадил в нужную позу, оправил платье и просил нас снять ее несколько раз, чтобы наверняка иметь успех. При этом выяснилось, что он говорит по-французски, но только стесняется, не без основанья находя, что принцу неприлично делать ошибки. Принцессу мы сняли с ее двумя девочками-служанками.

Мы послали в Аддис-Абебу новую телеграмму и принялись за работу в Хараре. Мой спутник стал собирать насекомых в окрестностях города. Я его сопровождал раза два. Это удивительно умиротворяющее душу занятие: бродить по белым тропинкам между кофейных полей, взбираться на скалы, спускаться к речке и везде находить крошечных красавцев — красных, синих, зеленых и золотых. Мой спутник собирал их в день до полусотни, причем избегал брать одинаковых. Моя работа была совсем иного рода: я собирал этнографические коллекции, без стеснения останавливал прохожих, чтобы посмотреть надетые на них вещи, без спроса входил в дома и пересматривал утварь, терял голову, стараясь добиться сведений о назначении какого-нибудь предмета у непонимавших, к чему все это, хараритов. Надо мной насмехались, когда я покупал старую одежду, одна торговка прокляла, когда я вздумал ее сфотографировать, и некоторые отказывались продать мне то, что я просил, думая, что это нужно мне для колдовства. Для того, чтобы достать священный здесь предмет — чалму, которую носят харариты, бывавшие в Мекке, мне пришлось целый день кормить листьями ката (наркотического средства, употребляемого мусульманами) обладателя его, одного старого полоумного шейха. И в доме матери кавоса при турецком консульстве я сам копался в зловонной корзине для старья и нашел там много интересного. Эта охота за вещами увлекательна чрезвычайно: перед глазами мало-помалу встает картина жизни целого народа и все растет нетерпенье увидеть ее больше и больше. Купив прядильную машину, я увидел себя вынужденным узнать и ткацкий станок. После того, как была приобретена утварь, понадобились и образчики пищи. В общем, я приобрел штук семьдесят чисто хараритских вещей, избегая покупать арабские или абиссинские. Однако всему должен наступить конец. Мы решили, что Харар изучен, насколько нам позволяли наши силы, и, так как пропуск мог быть получен только дней через восемь, налегке, т. е. только с одним грузовым мулом и тремя ашкерами, отправились в Джиджига к сомалийскому племени Габаризаль. Но об этом я позволю себе рассказать в одной из следующих глав.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Харар основан лет девятьсот тому назад мусульманскими выходцами из Тигре, бежавшими от религиозных преследований и смешавшимися с ними арабами. Он расположен на небольшом, но чрезвычайно плодородном плоскогорье, которое с севера и с запада граничит с данакильской пустыней, с востока — с землей Сомали, а с юга — с высокой и лесистой областью Мета; в общем, занимаемое им пространство равняется восьмидесяти квадратным километрам. Собственно харариты живут только в городе и выходят работать в сады, где растет кофе и чад (дерево с опьяняющими листьями), остальное пространство с пастбищами и полями дурро и маиса еще в XVI веке занято галласами, коту, т. е. земледельцами. Харар был независимым государством до... [5]. В этом году негус Менелик в битве при Челонко в Гергере наголову разбил харарского негуса Абдуллаха и взял его самого в плен, где тот вскоре и умер. Его сын живет под надзором

[3] Очень смелый мальчик (фр.).

[4] Один из высших титулов при императорском дворе и в провинциях.

[5] Дата пропущена Н. Гумилевым.

правительства в Абиссинии, номинально называется харарским негусом и получает солидную пенсию. Я его видел в Аддис-Абебе: это красивый полный араб с приятной важностью лица и движений, но с какой-то запуганностью во взгляде. Впрочем, он не высказывает никаких поползновений вернуть себе престол. После победы Менелик поручил управление Хараром своему двоюродному брату расу Маконнену, одному из величайших государственных людей Абиссинии. Тот удачными войнами распространил пределы своей провинции на всю землю данакилей и на большую часть сомалийского полуострова. После его смерти Хараром управлял его сын дедзаг Ильма, но через год он умер. Потом дедзаг Бальча. Это был человек сильный и суровый. О нем до сих пор говорят в городе, кто с негодованием, кто с неподдельным уважением. Когда он прибыл в Харар, там был целый квартал веселых женщин, и его солдаты принялись ссориться из-за них, и дело доходило даже до убийства. Бальча приказал вывести их всех на площадь и продал с публичного торга (как рабынь), поставив их покупателям условие, что они должны смотреть за поведением своих новых рабынь. Если хоть одна из них будет замечена, что она занимается прежним ремеслом, то она подвергается смертной казни, а соучастник ее преступления платит штраф в десять талеров. Теперь Харар едва ли не самый целомудренный город в мире, так как харариты, не поняв, как следует, принципа, распространили его даже на простой адюльтер. Когда пропала европейская почта, Бальча приказал повесить всех обитателей того дома, где нашлась пустая сумка, и четырнадцать трупов долго качались на деревьях по дороге между Дире-Дауа и Хараром. Он отказывался платить подати негусу, утверждая, что по эту сторону Гаваша негус — он, и предлагал отрешить его от губернаторства; он знал, что им дорожили как единственным в Абиссинии искусным стратегом. Теперь он губернатор в отдаленной области Сидамо и ведет себя там так же, как в Хараре.

Дедьязмаг Тафари, наоборот, мягок, нерешителен и непредприимчив. Порядок держится только вице-губернатором Фитаурари Габре, старым сановником школы Бальчи. Этот охотно раздает по двадцать, тридцать жирафов, т. е. ударов бичом из жирафьей кожи, и даже вешает подчас, но очень редко.

И европейцы, и абиссинцы, и галласы, точно сговорившись, ненавидят хараритов. Европейцы за вероломство и продажность, абиссинцы за лень и слабость, ненависть галласов, результат многовековой борьбы, имеет даже мистический оттенок. «Сыну ангелов, не носящему рубашки, не следует входить в дома черных хараритов»— поется в их песенке, и обыкновенно они исполняют этот завет. Все это мне кажется не совсем справедливым. Харариты действительно унаследовали наиболее отталкивающие качества семитической расы, но не больше, чем арабы Каира или Александрии, и это их несчастье, что им приходится жить среди рыцарей-абиссинцев, трудолюбивых галласов и благородных арабов Йемена. Они очень начитаны, отлично знают Коран и арабскую литературу, но особенной религиозностью не отличаются. Их главный святой, шейх Абукир, пришедший лет двести тому назад из Аравии и похороненный в Хараре. Ему посвящены многочисленные платаны в городе и окрестностях, так называемые аулиа. Аулиа здешние мусульмане называют все обладающее силой творить чудеса во славу Аллаха. Есть аулиа покойники и живые, деревья и предметы. Так, на базаре в Гинире мне долго отказывались продать зонтик туземной работы, говоря, что это аулиа. Впрочем, более образованные знают, что неодушевленный предмет не может быть священен сам по себе и что чудеса творит дух того или иного святого, поселившегося в этом предмете.

Публикация О. Н. ВЫСОТСКОГО

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Так заканчивается дневник путешествий Н. С. Гумилева в «колдовскую страну» Абиссинию. К сожалению, он сохранился не полностью.

Некоторые слова в рукописи пропущены, неразборчивы, в терминах, именах собственных и географических названиях встречаются архаичные написания, которые при публикации не оговариваются. Мы надеемся, что будут обнаружены и другие страницы дневника, и он будет издан полностью, научно.

Существует и поэтический эквивалент «африканского дневника» Гумилева. Это стихи, вошедшие в сборник «Шатер». Два из них — «Абиссиния» и «Галла» — наиболее близки опубликованным выше путевым записям прекрасного русского поэта, мужественного человека, исследователя африканского континента.

В. ЕНИШЕРЛОВ

МИТЬКИНЫ РОДИТЕЛИ

Валерий ИСАЕВ РАССКАЗ **Рисунок Петра ПИНКИСЕВИЧА.**

— Ты зачем пришла к реке босая...— читал в деревенском клубе, бывшей церкви, поэт Александр Санин:

Мне на плечи руки положила...

Стихи эти читались им не раз, шли как-то сами по себе, и во время чтения он вглядывался в публику, которая собралась на вечер встречи с ними — молодыми литераторами. Он оглядывал всех присутствующих в зале, сидевших под парусами низких сводов, одного за другим по рядам в надежде, как всегда, найти молодое женское лицо...

А глаза, глаза твои откуда?
Может, ночь тебе их подарила?..

Ряд за рядом, ряд за рядом, вот уже последний и... вот она. Все, что он читал дальше, как будто читал только для нее. Стало сразу интересно, появилось что-то вроде вдохновения — он работал с воодушевлением, испытывая, как говорится, живую связь с аудиторией. Он ощущал это даже тогда, когда сел на свое место в президиуме, хотя первое время боялся взглянуть туда, в тот угол, где под репродукцией с картины известного фламандского художника Питера Рубенса «Союз Земли и Воды» сидела она и, вытянув шею, внимательно слушала.

Когда он, ощутив, что волнение от выступления оставило его, снова посмотрел на нее, она по-прежнему, как будто он все еще продолжал читать свои стихи, не отрываясь, смотрела на него.

«Странно,— думал он,— до сих пор такие красивые девушки не обращали на меня внимания... Смотрит еще или нет? Смотрит... Странно».

Санин избегал встреч с девушками, потому что работал над собой во имя поэзии, отдавал ей всего себя без остатка и считал, что только так и должно быть у настоящих писателей. «Смотрит еще или нет... Вот это да — все еще смотрит... Что же делать? Может, сделать исключение — познакомиться?».

Но тут же пришли в голову слова его бывалого друга: «С женщиной легко познакомиться, гораздо труднее расстаться с ней...»

«Нет, не надо все-таки знакомиться...» — и он смело поглядел в ее сторону, и тут же решение его разрушилось: таких женщин он еще не встречал, и, как подсказывало ему его разволновавшееся сердце, такую возможность упустить было просто нельзя.

«Разрешите на этом поблагодарить всех присутствующих...» — донеслось до его слуха, и в зале стало шумно, люди встали со своих мест и пошли к выходу, оглядываясь на сцену, на живых писателей.

Он не побежал за ней следом, а когда потерял ее из виду, расстроился как о какой-то слишком

ощутимой потере, и ему стало не по себе за свою оплошность.

Он вышел на улицу, было темно. Где-то над головой шумели невидимые деревья. Небо было усыпано крупными помигивающими звездами. Лишь кое-где в хатах светились притушенные керосиновые лампы. На другом краю деревни забрехали собаки. Только из распахнутых дверей клуба, где только что проходило выступление, врезался в темноту яркий клин света и впархивали в него из клейкой темноты светляки да переполошенные летучие мыши.

Санину показался воздух необычайно свежим и чистым, и он стал глядеть на звезды, вдыхая ароматы этой удивительной ночи. Вдруг он почувствовал, как кто-то взял его за руку. Санин вздрогнул:

— Кто это? — испуганно спросил он.— Кто это?

— Это я,— ответила она, и он, не слыша ни разу прежде ее голоса, сразу же понял, что это она.

— А-а-а,— протянул он, еще не отделавшись от накатившего волнения.

— Да, вот решила проводить вас, а то заплутаетесь в наших краях...

— Нет, почему же... Вот все сейчас выйдут, и пойдем к какой-то Кочегурке на ночлег в хату... Так что...

— Так что, не провожать, что ли?..

— Я должен предупредить руководителя, а то волноваться будет. Места незнакомые... Я мигом...

— А может, не надо? Неловко мне как-то. А потом места-то у нас как раз тихие, безобидные. Сроду у нас ничего такого не было. Так что пошли — не беспокойтесь. Да и придем, может, раньше, чем все.

— Ну, пошли,— сказал, оглядываясь на пучок выбивавшегося из клуба света, Санин,— что ж с вами сделаешь...

Шли они молча. Санин не видел ее лица, да и вообще порой ему казалось, что идет он один — так было темно. Слышались только шаги, да иногда она подсказывала:

— Ой, ой, тут надо вам свернуть, осторожно, посреди дороги будет врыт железный столб. Зачем, спрашивается, зарыли? — И она засмеялась.— Это у нас так к новой дороге приучают — вот построили за садом новую дорогу, а чтоб по старой не ездили — давай столбы вкапывать. А они все равно тут ездят — аж на самый край иной раз взлезают.— И она прыснула каким-то куцым смешком.— Правда, смешно? А?

Санин улыбнулся в темноте:

— Конечно, конечно.

И они снова замолчали, и только слышались их шаги, шарканье ног по глубокой, придавленной к дороге темнотой мягкой пыли.

— Хорошо у вас тут,— прервал тягостное молчание Санин,— сильно мне понравилось...

— Хорошо-то оно хорошо,— завздыхала она рядом,— да только все это всегда было хорошим. Ну, завтра рассветет, может, чего и другое разглядите, кроме этих самых берез да речек...

— О чем это вы?

— Да так, ни о чем...— пресекла было она разговор, а потом, испугавшись, что он может и вовсе оборваться, продолжила:— А вообще-то, если по правде, то чего ж у нас хорошего, как вы говорите, когда в деревне-то одни старики поставались да я вот вместе с ними?

— Ну, а что,— пошутил Санин,— для такой молодой и красивой, как вы, это просто необходимо — безопаснее как-то...

— Чего? — Она переспросила громко и как-то неожиданно для Санина, уже привыкшего к ней в этой ночной непроглядной тишине.— Да вы что ж это, издеваетесь, что ли? Я ведь не пошутила — я тут одна... Совсем одна... И вот они. Мы ж все как один тут были сегодня, да еще со Стропиц да с Кольчичеево приходили... Так что тут не до смеха.

— Простите, если что не так,— спохватился Санин,— я человек сугубо городской, поэтому далек от ваших, как говорится, сельских проблем...

— А это напрасно,— перебила она его,— напрасно... Вы такой умный, а мне кажется, что только такие, как вы, и могут понять нас. Только такие, как вы... Я давно вычитала, что поэты сильнее императоров.

— Если бы вы это все говорили днем, я бы смутился,— пококетничал Санин.

— Нет.— Он услышал, как она остановилась на дороге.— Я нисколечко не шучу. Дело гораздо серьезнее, чем вы думаете. Вот возьмем, например, такую вещь: в этом году все лето ремонтировали школу, чего только не понавезли туда — и шиферу достали, и парты новенькие экспериментальные раздобыли... Так старались, так старались... А первого сентября — вы просто не поверите — никто в школу не пришел. Вот тебе и раз. А школа не на одну только нашу деревню, а на все четыре. Вот как мы живем. А вы говорите — безопасно. Какая тут к черту безопасность — опасности захочешь, как поживешь тут. Еще какой опасности...

— Да,— согласился с ней Санин, вникая постепенно в суть их странного разговора.

— А вы любите детей? — неожиданно спросила она его и тут же, не дожидаясь ответа, начала с нежностью: — А я вот всю жизнь мечтала о мальчике. О Митьке... Осторожно, осторожно — тут сейчас лужа будет, обходите ее справа, прижмитесь к плетню и обходите, держитесь прямо за него... Это б я так в честь отца своего назвала,— она горько вздохнула,— мы вот теперь одни с мамой живем...— И сразу оживилась.— Как бы я его любила, Митьку-то своего, мальчонку-то. Да только несбыточная это мечта, несбыточная...

— Да что ж вы такая пессимистка? — пожурил ее Санин.

— Да какая ж я пессимистка — парней-то у нас и вовсе нету. Так только, на уборочную заскочут, отработают, как лошади, день и ночь. Вот и вся компания. Да и те грубые да тупые, как коняги, только выпить, да пожрать, да еще поспать — потому что работают и по ночам — время такое: уборка...— Она помолчала, а потом добавила:— Хотелось бы умненького, чтоб вот как вы и стихи бы писал...

У Санина пересохли от волнения губы. Он пожал плечами — хорошо в темноте не было видно его смущения.

— А что, поэт Санин,— вдруг как-то резко начала она,— не выручили бы вы деревенскую девушку, не помогли бы, так сказать, в порядке шефской помощи города деревне с Митькой...

И Санин, всегда писавший исключительно о любви, не струсил, не побежал от нее, не оттолкнул, а со страху пошел грудью на свою погибель:

— Извольте,— сказал он решительно.

Больше они ни о чем не говорили. Она взяла его за руку. Взяла осторожно, с бережливостью, с какой берут какой-нибудь китайский редкий фарфор или венецианское стекло, и повела за собой в эту непроглядную темноту мимо притихших хат, рядом с просеченной лунным лучом речкой, по берегу, куда-то в другой какой-то мир, где без него, без Санина, обойтись было нельзя, и он, чувствуя это, с каждым шагом прибавлял в себе решительности, готовясь как к подвигу.

— Вот и пришли,— сказала вдруг она и остановилась.

Санин, шедший сзади, чуть было не налетел на нее.

— Извините.

— Ничего, ничего,— сказала она, тоже волнуясь. Санин это почувствовал.— Я вам так благодарна...

— Не стоит,— успел вставить Санин.

Он нутром чувствовал, что в их ситуации нужны были какие-то совсем другие слова, каких он в себе просто не находил — так стремительно развивались события.

Она ввела его за руку во двор, грохнула за спиной щеколда. Под ногами почувствовалась твердая, натоптанная почва — Санину стало спокойнее. Потом лязгнула дверь, они прошли в теплые уютные сени, потом снова дверь, и они оказались в доме. Санин лицом почувствовал обжитое помещение и совсем успокоился. Но, вспомнив о цели своего прихода сюда, разволновался опять.

— Счас я зажгу св-е-е-т,— говорила она, чиркая в потемках спичками,— во-о-т...

В комнате стало светло. На столе горела, подрагивая огнем, керосиновая лампа.

— Да вы садитесь... отдыхайте. А я мигом.

И она скрылась на кухне. Пошуршала там чем-то и вышла, убирая с лица выбившуюся из-под платка прядь своих золотистых волос, поставила на стол бутылку «Шампанского».

— Специально для такого случая берегла,— улыбнулась она ему. Санин взялся было открывать.

— Я это хорошо делаю,— начал было он, но она взяла из его рук бутылку и поучительно и доверительно так сказала:

— Это после, а то родится какой-нибудь урод — я по телевизору видела... Не надо, а?

— Не надо, ладно...— согласился Санин.— А что мне пока делать? — спросил он у нее.

— А ничего,— ответила она,— ничего, сидите, пожалуйста, здесь и все, а я сама все приготовлю. Да вот еще покушайте... Может, захотите...

— Да нет, я вообще-то сыт...

Она бегала по комнате, по стенам притихшего дома металась ее бойкая тень. На столе появились студень, крынка с молоком, кусок сала, головка початого чесноку...

— Ну, вот и все,— вдруг сказала она,— все готово...— И она отколола заколку в волосах — они полились по ее плечам золотыми волнами.

— Давайте,— согласился Санин и потянулся рукой к горлу, где уже давно сдавливала его въевшаяся в самую кожу пуговица.

— Ой, что это я.— И она, подставив ладонь к верхнему краю лампы, дунула на нее, свет погас, стало темно, только, помолчав немного, будто спохватившись, завел свою вечную песню сверчок.

Он слышал, как в темноте рушились ее одежды, он видел ее, когда она проходила совсем рядом с ним у окна, в которое украдкой просочился лунный свет.

— Вы где? — спросила она его. Санин испугался, заторопился с оставшейся еще на нем рубахой, сдернул через голову завязанный мамой галстук.

— Я здесь,— отозвался он и решил про себя дальше молчать, потому что собственный голос показался ему чужим, неестественным.

— О, да вы и целоваться-то не умеете.

А сами-то.

...Она расчесывала спутавшиеся волосы гребенкой, глядя на него в упор с такой нежностью, о какой он и не слыхивал до сих пор, не видел в самых что ни на есть заграничных фильмах. Он сидел перед ней за уставленным немудреными деревенскими яствами столом, наливал в чайную чашку с петухом на боку шампанского, изредка поглядывал на нее и, улыбаясь, аппетитно ел.

— Как хоть тебя звать-то,— допивая шампанское, спросил он ее, улыбаясь,— а?

— Да какая вам разница,— не сводя с него умиленных глаз, ответила она,— женщина я, и все.

— Ну, ладно, сегодня ты командуешь...

— А что, разве будет завтра?

— А если не получится?

Должно получиться, я везучая...

— Ну смотри...

А она будто и не слышала его:

— Вот так, как вы, есть будет — вилочкой, ножичком... Мне нравится, как вы едите... Ну, поешьте еще, поешьте, чтоб я запомнила — чтоб знала, чему учить Митьку-то моего.

— Нашего,— поправил ее Санин.

— А,— она махнула рукой,— завтра же забудете...

— Не забуду,— набычился Санин,— зачем ты так...

— Ну, ладно, ладно, просто я вас запомнить всего хочу, вот и пытаю, то так, то так.

— А,— оттаял Санин,— ну, ну, запоминай.— И он подлил в чашку шампанского.

— Слушай,— вдруг спохватился он,— давай тащи бумагу и чем писать... Я оставлю тебе свой адрес, напишешь мне, когда Митька,— он снова заулыбался во весь рот,— наш родится. Давай тащи.

Она встала, принесла кусок пожелтевшей бумаги. Химический карандаш взяла с окна.

— Посылку недавно сестре отправляла — цел, гляди. Нате...

Санин подлил себе шампанского, выпил. Взял кусок бумаги и стал медленно выводить. Москва... улица Миклухо-Маклая...

— Слюнить так надо?

— Да не так же, дурачок ты мой...— И она засмеялась, потому что Санин перемазал себе рот, как первоклассник, и хмельной, с перепачканным ртом, выглядел действительно потешно. Она все смеялась, а он выводил на бумаге: дом 25...

И тут на ум его пришли слова «бывалого»: «С женщиной легко познакомиться...»

Рука его остановилась, он как-то враз протрезвел, поглядел на хохочущую беззаботно девушку.

...Все, что он писал дальше, облизывая испачканную губу и не глядя ей в глаза, было уже неправдой.

— ...дом 25, корпус 3, квартира 51... На вот, держи...

— Ага, спасибо вам, спасибо, какой вы все-таки смешной у меня, хоть и умный, хоть и красивый...

А когда шли обратно и она держала свою руку в его руке и наверняка не сводила с него глаз — он был в том уверен, он мучительно искал повод вернуться в дом, где только что все свершилось, где она, несмотря ни на что, была святой, а он, он — и он не находил слов. Ему хотелось теперь только одного — сравняться с ней, исправить то, что было сделано, нет, не им — другим кем-то, он не способен на такое, не способен...

— Вот мы и пришли,— сказала она, разжимая пальцы, выпуская его руку.

Он еще пошарил в темноте в надежде уцепиться за ее нежные пальцы — за них еще можно было удержаться, но не нашел их.

«Куда я без вас. Ведь я ни за что не отыщу Кочегурку в этой кромешной темноте»,— успел подумать он. А она исчезла, как будто ее и не было никогда.

Т. Ф. НАРИМАНБЕКОВ. ДИРИЖЕР КАМЕРНОГО ОРКЕСТРА НАЗИМ РЗАЕВ. 1982.

Начало на стр. 8.

ца, старается уловить неповторимое в них, пытается проникнуть в душу человека и выносит на свой холст, быть может, даже не самые лучшие его качества. Нариманбеков очень остро схватывает характер, его интересует психологическое состояние портретируемого.

Даже рисуя многоликую толпу, художник может мельчайшей деталью, еле видным мазком показать, выхватить сущность каждого человека в этой вроде бы сливающейся в одно пятно толпе. «Мама», «Курящий Саттар», «Портрет Петра Матвеевича», «Портрет художника», «Молодой поэт Искандер Ахундов», «Ашуг Панах», «Портрет писателя Виктора Голявкина» — эти и другие работы убедительно демонстрируют нам проницательность художника, преподносящего как бы квинтэссенцию душевных качеств личности. Он никогда не будет писать портрет человека, чей душевный мир неясен ему, не рождает в воображении животрепещущего образа. Мастер любит автопортреты — его тройной «Бакинский автопортрет» (1979) самоироничен и глубок.

В последние годы Нариманбеков много путешествует. Италия, Франция, Польша, ГДР, Куба — из всех стран он привозит свои, полные буйной фантазии, работы. Особенно значителен «Индийский цикл» — «Прогулка по Дели», «Океан близ Мадраса», «Ярмарка в Шантиникетоне», «Махатма Ганди»,— выполненный художником после творческой поездки в Индию.

Несмотря на непоседливость и страсть к путешествиям, художник всегда с радостью возвращается в свой город.

Баку. Город с почти тысячелетней историей, полный древнейших памятников, оазис национальной азербайджанской культуры. Вонзающиеся в густую синеву неба башенки минаретов, купола древних мечетей и дворца ширваншахов, суровость Девичьей башни и храма огнепоклонников, колоритность старых городских кварталов — все это уместилось на полотнах Тогрула Нариманбекова. Уже много лет рисует он родной Баку, и опять-таки по-своему воспринимается художником бурлящая и динамичная жизнь солнечного города. «Старый Баку», «Весна в Баку», диптих «Мой город» — по многу раз изображает живописец и великолепный бакинский акрополь, и плоские, освещенные солнцем крыши домов старого города, и белые кубики новостроек. И каждый раз, глядя на эти картины, мы не перестаем удивляться красоте азербайджанской столицы.

Натюрморты Тогрула Нариманбекова поражают своей «громкостью» —

они взрывают кажущуюся неподвижность предметов сочностью красок и почти физическим ощущением теплоты. Красочные постановки из плодов, цветов, тканей с национальным орнаментом как нельзя лучше передают богатство и щедрость земли.

Тенденция сближения живописи и фрески прослеживается в творчестве Нариманбекова довольно давно, желание заниматься стенописью у него не случайно. Вынести свое искусство за границы музеев, перенести его на стены домов, заставить его жить среди повседневного человеческого бытия — вот к чему стремится художник, блестяще сочетающий в себе черты живописца и мастера монументальной росписи.

За последние годы мастер создал ряд фресок в своем городе. Интерьер Азербайджанского государственного театра кукол имени Шаига он украшает росписями «В мире сказок», «Народные сказки», «Бродячие актеры». Он расписывает зал гостиницы «Москва» — «Песня ашуга». И завершается «монументальный период» созданием многофигурной композиции «Цвети, край родной!» в зале Верховного Совета Азербайджанской ССР.

В пестрый ковер своих фресок Нариманбеков искусно вплетает человеческие фигурки, пейзажи, символы, что явилось новым словом в творческом осмыслении народного искусства Востока.

С недавних пор Тогрул Нариманбеков много и плодотворно работает в театре, преимущественно в музыкальном, в балете. Художник не очень увлекается пространственным решением сцены, может, именно поэтому и выбран им жанр балета. Созданные Нариманбековым эскизы декораций близки его манере в живописи и монументальном искусстве. Динамизм, неуемная экспрессия, но в то же время—индивидуальный подход к каждому спектаклю. Прекрасно чувствующий музыку, художник создает декорации, созвучные музыкальному строю всего спектакля.

Нариманбеков оформляет балеты композитора Фикрета Амирова — «Насими», «Тысяча и одна ночь», оперу «Севиль». В 1980 году художнику была присуждена Государственная премия СССР за оформление балета «Тысяча и одна ночь» в Азербайджанском государственном академическом театре оперы и балета имени Ахундова.

Следует сказать, что Тогрул Нариманбеков работает и в книжной иллюстрации, хотя это не его жанр. Из ранних работ в книге интересен цикл иллюстраций к творению великого азербайджанского поэта XII века Низами Гянджеви «Сокровищница тайн», который художник выполнил в 1957 году. Не забывает художник о книге и в последние годы. Нельзя сказать, что иллюстрации Нариманбекова неразрывно связаны с текстом, и в книжной графике художник остается верен себе, он фантазирует, не слишком заботясь о буквальном соответствии своих графических листов содержанию книги.

Работая во всех видах и жанрах искусства, Нариманбеков прежде всего остается художником национальным. Художником, создающим не только видимую картину мира, но и его эмоциональный образ...

Он давно обрел своего зрителя как в нашей стране, так и за рубежом. Персональные выставки в Москве, других городах Советского Союза, в Польше, на Кубе, в ФРГ пользуются неизменным успехом. Произведения Нариманбекова неоднократно экспонировались в ГДР, Италии, Канаде, Норвегии, Румынии, США, Турции, Франции. Творчество Тогрула Нариманбекова всегда неожиданно, по-восточному таинственно и мудро...

НА ЭЙЛАГЕ.
1967.

НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ.
1967.
Государственная
Третьяковская галерея

«НЕ ПРОИГРАТЬ БЫ ЧЕЛОВЕКА» («ОГОНЕК» № 9) — «СПЛЕТНИ ВЗАХЛЕБ» («СОВЕТСКИЙ СПОРТ» ОТ 20.III.87).

СОР ИЗ ИЗБЫ—ВОН!

В «Советском спорте» от 20.03.1987 года опубликована статья «Сплетни взахлеб». «Советский спорт» — массовая газета, поэтому, хоть авторы статьи — спортивные журналисты А. Коршунов и Л. Трахтенберг — и жалуются в ней, что «устали от непрофессионального обсуждения», неизбежны отклики читателей-непрофессионалов. Если бы авторы действительно хотели их избежать, надо было посылать статью в специальное издание для профессионалов, которые «в курсе всех сторон нашего большого спорта».

Статью «Сплетни взахлеб» я начал читать с интересом, тем более что содержание статьи в «Огоньке» хорошо помнил. Впрочем, цель статьи Коршунова и Трахтенберга мне стала понятной сразу. Она вполне отражена ее заголовком. Этим заголовком авторы предъявляют С. Токареву, а также и «Огоньку» серьезное обвинение. Ведь «сплетня», по Ожегову,— это «слух, основанный на неточных, заведомо неверных или нарочито измышленных данных».

Но если перейти от рассмотрения заголовка их статьи к содержанию, то оказывается, что в ней нет ни одного опровержения приведенных Токаревым сведений. То есть Коршунов и Трахтенберг ни в одном случае не опровергли то, что эти сведения — факты. Все описанные конкретно случаи с гимнасткой В., с Онищенко, с Писаренко и Курловичем, порядками на некоторых базах Госкомспорта, кемеровской детской футбольной командой, все они не опровергаются статьей «Сплетни взахлеб». И выходит, что ее авторы, по крайней мере в одном, согласны с Токаревым: да, описанные случаи не выдуманы. То есть не сплетни. Этот вывод в общем-то самый важный при сопоставлении статей Токарева со статьей Коршунова и Трахтенберга и прямо говорит о желании авторов «Советского спорта» любой ценой опорочить выступление Токарева.

А почему?

«Советский спорт» на своей первой полосе анонсировал статью Коршунова и Трахтенберга так: «Сор из избы, или Сплетни взахлеб». Воистину язык мой — враг мой! По Ожегову, «выносить сор из избы» — это разглашать то, что касается узкого круга лиц. Авторы «Советского спорта» и хотят, чтобы факты, приведенные в «Огоньке», оставались известными лишь узкому кругу лиц. Объективно они за то, чтобы по-прежнему в «профессиональной спортивной избе» оставался «сор».

Так что же: выносить сор из избы или нет, когда речь идет о фактах, подобных тем, что приведены в статье Токарева? Если спросить тех, кто прямо или косвенно замешан в такого рода историях, то, наверное, большинство будет против. Их можно понять. Но должны ли остальные быть согласными с ними? Как видим, Токарев и «Огонек» за публичную огласку таких фактов. Коршунов, Трахтенберг и редакция газеты «Советский спорт» — против. Доводы, приведенные в статье газеты, следующие: «надоело», «зачем ворошить прошлое, виновники и так наказаны», «нечестные люди работают не только в спорте», «неудобно считать чужие деньги, заработанные тяжелым и абсолютно честным трудом», «снабжение товарами высокого качества выдающихся спортсменов способствует росту спортивных достижений, однако об этом говорить не стоит, чтобы не возбуждать зависть остальных»...

Первый довод несостоятелен, так как большинство читателей о приведенных фактах слышат в первый раз и надоесть им они пока никак не могут. Ко второму доводу я еще вернусь, а что касается третьего, то ведь в газетах мы то и дело читаем о нечестных людях. Это что, неправильно? Зачем писать о нечестных хлопкозаготовителях? Ведь нечестные есть не только среди них. А давайте вообще не писать о нечестных, а только о честных, а? Далее. Из статей Токарева мне так и не удалось выяснить, сколько получает тот или иной спортсмен. Я понял только, что за свой труд спортсмены получают деньги. Но ведь факт этот, Коршуновым и Трахтенбергом не отрицаемый и оцениваемый ими как справедливая плата за труд, только-только начал освещаться в печати и нуждается в обсуждении, не в последнюю очередь ради самих же спортсменов. Наконец, не секрет, что в нашем обществе нет уравниловки, мы догадываемся, что, например, генеральный конструктор имеет более высокую зарплату, чем рядовой инженер. Теперь будем знать, что выдающиеся спортсмены обеспечиваются лучше, чем рядовые. Ну, и почему об этом нельзя писать?

А какие доводы за разглашение обсуждаемых фактов? Конечно, не гласность сама по себе. Здесь гласность — это один из способов социального наказания мошенничества и других нарушений. Это как бы дополнительный барьер, формируемый гласностью в сознании нарушителей. Напоминая прошлое, статья Токарева предупреждает настоящих и будущих спортсменов и спортивных деятелей. То есть публикации такого рода — одно из профилактических средств различного рода нарушений в спортивной жизни. Но не только в этом дело. Возьмем такой вопрос, как подготовка юных спортсменов, не достигших еще совершеннолетия. Среди них и пловцы, и фигуристы, и гимнасты... Коршунов и Трахтенберг пишут, что сборы для них, их тренировки — большой интенсивный труд, как-то вознаграждаемый (в данном случае особо калорийным питанием). Публичное освещение этого труда — уже профилактика. Она необходима, чтобы защитить здоровье (и прежде всего нравственное) детей, хотя это и не единственная, разумеется, мера. Ведь недаром отношение к детскому труду особое. Допустим ли он? Какова его безопасная интенсивность? Без гласности здесь никак не обойтись.

Таким образом, доводы в пользу обсуждения, притом публичного, фактов спортивной жизни весьма серьезны. Статья же Коршунова и Трахтенберга на основании изложенного представляется и неверной по существу, и легковесной.

С. Я. ЧЕРНАВСКИЙ,
кандидат технических наук
Москва.

ЛОЖЬ В «ВЫСШИХ» ИНТЕРЕСАХ

Журнал «Огонек» опубликовал в № 9 за этот год статью писателя С. Токарева «Не проиграть бы человека», а газета «Советский спорт» 20 марта с. г. в ответ — статью А. Коршунова и Л. Трахтенберга «Сплетни взахлеб».

Чтобы читателю была ясна суть дела, сформулируем кратко позиции двух сторон. Мысль статьи С. Токарева заключена в ее заголовке. Автор приводит конкретные случаи, называет имена. Читателю без подсказки понятно: причины уродливых явлений в спортивной среде надо искать в самой системе воспитания и подготовки, а система эта в руках Госкомспорта.

В статье «Не проиграть бы человека» сплетен нет (авторы статьи «Сплетни взахлеб», а тем более Госкомспорт знают это не хуже нас). В ней только факты. А. Коршунов и Л. Трахтенберг не могут опровергнуть ни одного из них, а чтобы как-то их принизить, называют факты «фактиками». Так что в заголовке статьи «Сплетни взахлеб» уже содержится ложь.

Авторы статьи призваны решить трудную задачу — оградить Госкомспорт СССР от критики «со стороны». Как это сделать? Очень просто. Вот что они придумали, наивно полагая себя первооткрывателями в этом малопочтенном деле. Они предлагают: «Давайте действительно обсудим» (обыгрывая рубрику «Огонька», под которой опубликована статья С. Токарева). «Только профессионально». И дальше: «Устали от непрофессионального обсуждения», И еще дальше: «Надоели бессмысленные непрофессиональные разговоры».

В этом слышен крик души. Чувствуется тоска по несбыточному, тлеет застенчивая, но жгучая мечта: как бы славно было жить на свете, если бы каждый печатный орган занимался своими, строго определенными ему делами! Ведь всякая газета и всякий журнал так или иначе, но непременно чей-то орган, не правда ли? Газета «Гудок» — это железнодорожники. «Труд»? Освещайте будни профсоюзов—обширнейшее же поле для критики, непочатый край работы... «Известия» и «Неделя»? Тут все предельно ясно — жизнь местных Советов... «Литературная газета»? А что, разве у литераторов своих забот не хватает? О спорте же имеет право судить только «Советский спорт». Ну, и так далее.

А как нужно писать о спорте? А. Коршунов и Л. Трахтенберг своей статьей дают нам великолепные образцы.

«Да, нет возможности сегодня у государства каждому желающему предложить костюм фирмы «Адидас». Стало быть, нужно приобретать отечественные, которые, увы, хуже качеством, в чем виноват не Госкомспорт СССР, а Министерство легкой промышленности. Что же касается юных спортсменов, то для них удобный легкий костюм — то же самое орудие труда, что для рабочего хороший станок».

Интересно, между прочим, как расценивает сам Госкомспорт в свете критики и самокритики столь беззаветную защиту его интересов?

Ради защиты ведомственных интересов профессионал должен быть готов на все. Вот как надо писать о спортсмене, который специально для Олимпийских игр переделал свою шпагу, оборудовав ее устройством для зажигания лампочки без укола. «Укол» фиксировался по желанию владельца, но... владелец был пойман за руку и опозорен всемирно:

«За историей Онищенко стоит вовсе не атмосфера, царящая, по представлению Токарева, в нашем спорте (победа любой ценой, даже ценой подлога), а чисто человеческая трагедия. Это трагедия необычайно сильного характера, сильной натуры, преступившей ради утоления честолюбия нормы спортивной этики».

Да, сюжет для Достоевского...

А. Коршунов и Л. Трахтенберг, стремясь дискредитировать автора статьи «Не проиграть бы человека», к сожалению, не удержались от оскорблений, самым мягким из которых надо считать брошенный ему упрек в том, что он все время подглядывает в замочную скважину. Они считают, что о спорте должны рассуждать исключительно профессионалы, находящиеся «по ту сторону двери». А сейчас дадим слово читателям.

Москвичи И. и Н. Поповы пишут:

«Приведя устное заявление В. Третьяка, возмущенного статьей Токарева, авторы высокопарно восклицают: «Попробуйте возразить Третьяку».

Попробуем. Прежде всего хотим его заверить, что наше настроение — вопреки его убежденности — зависит не только от успехов наших спортсменов. В нашей стране много сложных проблем, которые волнуют нас (вероятно, и не только нас) гораздо больше, чем спортивные медали. Да и подлинную славу любому народу приносят не одни спортсмены. И Третьяку не хуже, чем нам, «непосвященным», должно быть известно, что четыре буквы «СССР», пришитые к заграничной униформе, не являются гарантом высокой порядочности.

И вместо того, чтобы предаваться риторическим вопросам типа: «А какую цель преследовала Елена Мухина, когда... выполняла тот злополучный сверхрискованный элемент?!» — Третьяку стоило бы прочитать ее недавнее интервью газете «Московские новости» № 10 за 1987 год, в котором Е. Мухина с горечью (ей не до громких фраз) говорит о «не совсем правильном подходе к подготовке спортсменов», о том, что по вине тренеров в команде возникает иногда обстановка «нервозности, нездорового соперничества». По мнению Е. Мухиной, «взаимоотношения людей в спорте должны меняться и совершенствоваться. Будь эти взаимоотношения другими, несчастья можно было бы избежать».

Что касается устарелости фактов, на которые сетуют авторы статьи «Сплетни взахлеб», то это — дело поправимое. Не им одним известны и новые факты.

Поскольку Коршунову и Трахтенбергу «надоели бессмысленные непрофессиональные разговоры», воспользуемся также еще одним свежим свидетельством — двукратного олимпийского чемпиона, доктора медицинских наук, профессора, ректора Московского областного института физической культуры, прославленного в прошлом штангиста Аркадия Никитича Воробьева. Вот что ответил он на вопрос корреспондента в интервью, опубликованном газетой «Труд» 3 марта сего года:

«Я вижу подчас, как спортивные руководители всячески укрывают от осуждения, от широкой гласности самые серьезные проступки атлетов. Так было и в истории с тяжелоатлетами А. Писаренко и А. Курловичем, которые попались на контрабанде. Через некоторое время их даже «помиловали». А ведь для А. Писаренко, скажем, подобные проступки не новость. Я в 1982 году был на чемпионате мира по штанге в Любляне, летел вместе с нашей командой. Так вот, на таможне у А. Писаренко отобрали тогда полтора килограмма черной икры.

— Хочу привести и другие факты. В конце прошлого года улетала в США наша сборная по баскетболу. И вот на той же таможне были задержаны члены команды А. Белостенный и И. Миглиниекс — у них изъяли большое количество иностранной валюты.

— Я не знал об этом. Да и неудивительно — спортивные наставники тщательно скрывают такие вещи: тут же проявляется их плохая работа».

Не пора ли всерьез и честно поговорить о соотношении и взаимоотношениях спорта для медалей и физкультуры для всех? Не настало ли время спросить себя: как это так получается, что нормы ГТО в отчетах сдал едва ли не каждый второй гражданин страны, а подняться по лестнице на второй этаж без одышки не всякий из них сможет?

Отдел публицистики

*Президент Чарлз Уитмор оказался в трудном положении.
Перед Белым домом проходит демонстрация безработных,
и он опасается эксцессов, которые могут бросить тень на его популярность.
К тому же в Вашингтон приехала вызванная им Донна Хендрикс.
Жена Уитмора узнала о ее приезде и угрожает разводом в случае,
если Чарлз увидится с Донной.
Уитмор уговаривает Донну отложить их встречу на день-два.
Он любит эту женщину, но его пугает мысль, что в романе, который она пишет,
затрагиваются их личные отношения.
Однако Донна не желает ждать.
Президент говорит о возникшем затруднении своему помощнику Эду Мерфи
и требует что-нибудь предпринять.
В это время из Парижа в Вашингтон возвращается Бен Нортон и узнает от знакомого журналиста,
что тот недавно видел в проезжавшей машине бывшую подружку Нортона Донну
вместе с его старым приятелем Мерфи.
На следующий день в одном из домов фешенебельного квартала Вашингтона
был обнаружен труп молодой красивой женщины.*

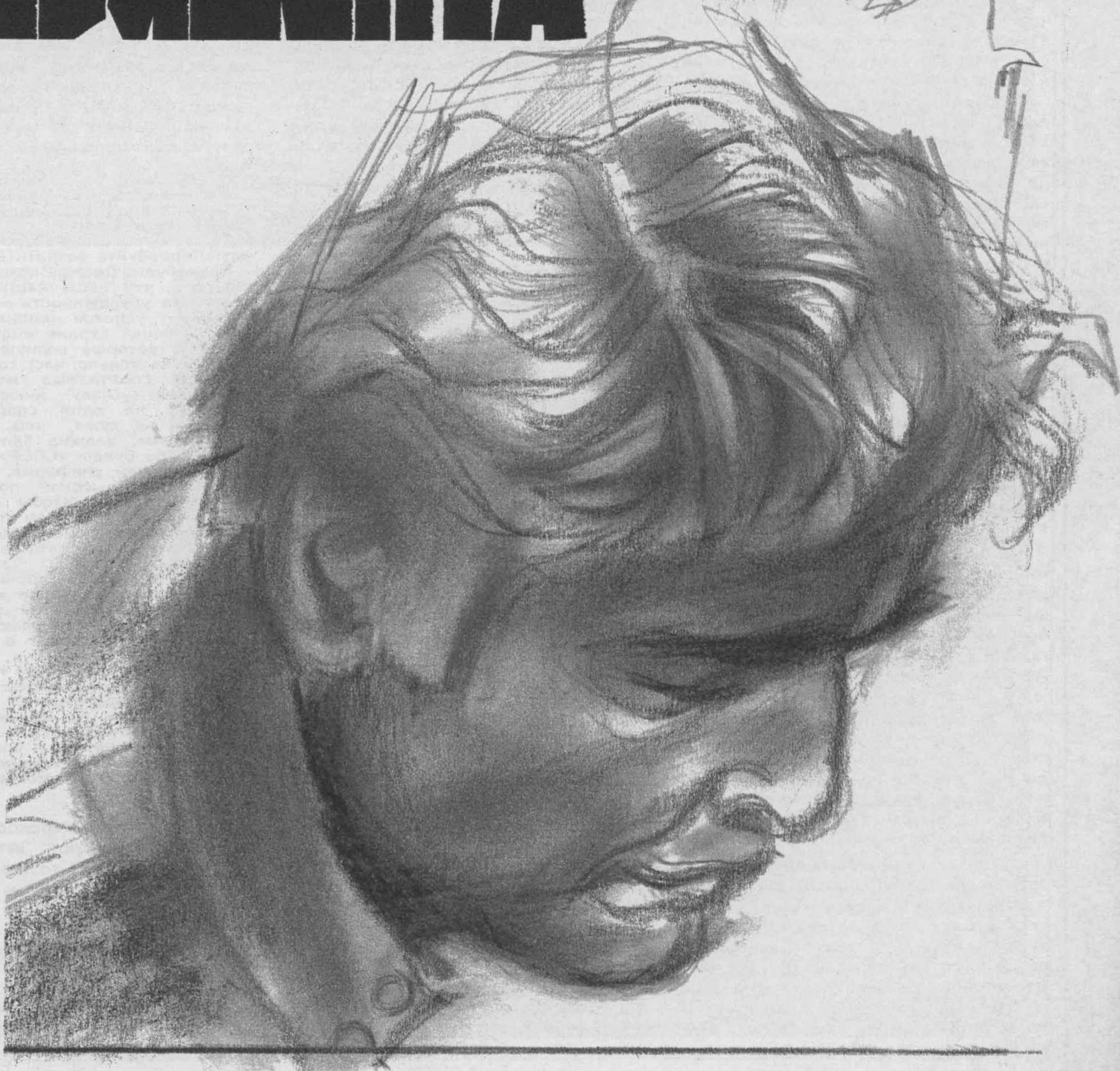
ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

На первый взгляд это был более или менее типичный джорджтаунский особняк, добротно выстроенный, с крохотной «дамской туалетной» у передней двери и крохотным садиком сзади, комнаты были набиты книгами, картинами, дорогой мебелью, однако Кравицу показалось, что здесь что-то не так, чего-то недостает, а потом понял, что дом выглядит нежилым. Мебель была полированной, безликой, картины современными и, во всяком случае для Кравица, загадочными. Переносный бар в углу выглядел новеньким, как на журнальной фотографии. В нем были обыденные бутылки «Джи энд Би», шотландского виски, джина «Бифитер» и не столь уж обыденная непочатая бутылка сливовицы.

Кравиц обратил внимание на книги, стоявшие вдоль стены гостиной. Главным образом то были популярные романы и книги о политике — серия «Как становятся президентами», «Лучший и ярчайший», «Как продают президентов», «Вся президентская рать». Большинство этих книг Кравиц прочел. Козни президентов и кандидатов в президенты захватили его. Президентом Кравиц быть не собирался, но очень хотел стать начальником сыскной полиции и уже думал о том, как это расследование отразится на политических интригах его назначения. Дело будет серьезным — в воображении он уже видел газетные заголовки. И они помогут ему получить желанную должность. В начале службы Кравиц презирал политиканов, но со временем понял, что политика — не просто пожимание рук и погоня за властью;

Продолжение. См. «Огонек» № 14.

политикой было все. Даже расследование убийства могло оказаться политикой.

На других полках были книги кинокритиков, фамилии их — Кейл, Саймон, Саррис, Эйджи — ничего не говорили Кравицу, и сценарии фильмов, которых Кравиц не видел, хотя и слышал о них,— «Полдень», «Африканская королева», «Голубой ангел», «Место под солнцем», «Гражданин Кейн», «Последний фильм».

Кравиц задумался. Возможно, покойная была актрисой. Красавица. Он снова поглядел на лежащую между софой и кофейным столиком женщину, подумал, куда же запропастился врач-эксперт, и поднялся по крутым ступеням на второй этаж.

Ночевала женщина в передней спальне. Большая кровать с пологом была аккуратно застелена, но туалетный столик оказался завален косметикой, на ночном столике размещались электрический будильник, поставленный на семь часов, желтый кнопочный телефон, чистый блокнот и книга «Дневник Анаис Нин» в бумажной обложке. Кравиц полистал книгу, ища подчеркнутые места, но там их не оказалось. Потом порылся в комоде, надеясь отыскать документы, письма или дневники, но нашел только мягкие дорогие свитеры, яркие блузки, аккуратные стопки белья и шкатулку с драгоценностями. На дне стенного шкафа Кравиц обнаружил то, что искал,— сумочку, в ней был обычный набор бумажных носовых платков, косметика, шариковая авторучка и тому подобное, но ни бумажника, ни документов. Кравиц выругался и осмотрел платья в шкафу. Они были шестого размера, подходившие лежащей внизу женщине, покупали их в Нью-Йорке, Вашингтоне и Беверли-Хиллз. Записав названия магазинов, он вышел из спальни и по узкому коридору направился к задней двери второго этажа. Комната напоминала кабинет. У окна, выходящего на дворик, стоял антикварный стол с электрической пишущей машинкой. Кравиц выглянул в окно и увидел полицейского с мальчишкой-газетчиком, греющихся под утренним солнцем. Кроме машинки, на столе находились белая кофейная кружка со свежеочиненными карандашами, стопка белой писчей бумаги и словарь. Но ни одной исписанной или отпечатанной страницы, подтверждающей, что за столом работали, не было. Кравиц вспомнил о сценариях внизу и подумал, что покойная, наверно, была не актрисой, а сценаристкой.

На третьем этаже не удалось обнаружить ничего. Обе ванные оказались безупречно чистыми, обе спальни прибранными, но ими явно никто не пользовался.

Кравиц услышал, как у входа хлопнула дверца машины. Он спустился и поздоровался с Крейном, врачом-экспертом, полным, угрюмым стариком в очках, который свое участие в расследовании убийств именовал «вызовами на дом».

Крейн буркнул приветствие и присел возле покойной.

— Кто она?

— Пока не установлено.

— Странно,— сказал Крейн и стал ощупывать короткими пальцами голову покойной.

— Я буду на веранде,— сказал Кравиц. Они с Крейном недолюбливали друг друга вот уже десять лет, с тех пор, как громкий процесс об убийстве завершился оправданием, потому что, как считал Кравиц, врач-эксперт в самой ответственной части своих показаний нес что-то непонятное.

Кравиц вышел на веранду, где сидели мальчишка и полицейский-неряха. Симпатичному, с правильными чертами лица мальчишке было лет пятнадцать. Он сказал, что зовут его Джим Дентон и что отец его врач.

— Она мертвая?— спросил он, когда Кравиц сел напротив.

Кравиц кивнул, и мальчишка заплакал снова. Кравиц сидел молча, с наслаждением подставляя лицо солнцу, пока плач не прекратился.

— Джим, ты поможешь нам, если расскажешь все, что знаешь о ней.

Мальчишка замигал и кивнул.

— Постараюсь. Только знаю я очень мало.

— Фамилию знаешь?

— Нет, сэр.

— Разве ты не знаешь людей на своем участке?

— Знаю, сэр. Только в этом доме обычно никто не живет. Но иногда люди останавливаются здесь, и если я вижу машину или свет из окон, то стучу в дверь и спрашиваю, не нужна ли газета «Пост». Обычно они не отказываются, а уезжая, дают хорошие чаевые.

— Что это за люди?

— Трудно сказать. Один мужчина, кажется, снимается в кино. Как-то он дал мне десять долларов, чтобы я съездил в центр и купил ему журнал «Вэрайети». Несколько раз, когда я обходил участок, здесь еще продолжались вечеринки. И я видел машины с номерами конгресса. Но большую часть времени здесь никого не бывает. Кажется, раз в неделю приходит уборщица — я видел, как однажды днем отсюда выходила негритянка.

Кравиц задумался о машинах с номерами конгресса. Возможно, покойная была проституткой. Если да, то очень дорогой, раз позволяла себе снимать такой дом.

— Не помнишь, когда она приходила? Я говорю об уборщице.

— Нет, сэр.

— А что знаешь об этой женщине?

— Впервые я увидел ее примерно неделю назад. Я ходил по домам, увидел свет, постучал, и вышла она.

— Опиши ее.

— Невысокая, пониже меня. Каштановые волосы, большие карие глаза. Такая... добрая, любезно держится, разговаривает. Я спросил, нужна ли газета, она ответила, что да. Пригласила войти, угостила кока-колой. Сказала, что давно, еще в школе, встречалась с парнем, который разносил газеты, вылезала еще затемно из окна и ходила с ним по участку, а потом опять влезала в окно и ни разу не попалась родителям.

— Не говорила, где? В каком городе?

— Нет, сэр, кажется, нет. В общем, я с неделю приносил ей газету, а вчера днем, когда собирал деньги, она сказала, что хочет расплатиться со мной, потому что утром уезжает. То есть хотела уехать сегодня. Только наличных у нее не оказалось, и она попросила зайти сегодня утром — сказала, что сходит в город и получит деньги по чеку.

— Ну и ты зашел?

— Да, сэр, по пути в школу. Она сказала, что можно, потому что встает рано. Я постучал, она не ответила, я решил, что, может, она во дворе, подошел к забору и заглянул. Увидел сразу же, что дверь на веранду открыта. Крикнул, но никто не ответил. Вряд ли она могла уйти, бросив дверь открытой, в этом-то районе. Я перелез через забор и заглянул в дверь. Смотрю — кто-то лежит на полу. Я закричал, перелез обратно через забор и бежал по улице, пока не увидел вот этого полицейского в соседнем квартале, он выписывал штраф, и вернулся вместе с ним.

— Ты не входил в комнату?

— Нет, сэр.

— Эту дверь не трогал?

— Кажется, нет. Хотя, может, и дотронулся.

Кравиц услышал, как перед домом хлопнула дверца машины, и поднялся.

— Джим, нам будет нужно побеседовать еще.

— Я уже опоздал в школу.

— На сегодня о школе забудь. Этот полицейский отвезет тебя домой. Во второй половине дня я или другой сотрудник заглянем к тебе. Идет?

— Раз так нужно.

— Молодчина.

Он пожал руку рослому подростку и проводил его взглядом. Мальчишка производил хорошее впечатление. Но он был достаточно взрослым, чтобы увлечься приветливой красивой женщиной на своем участке, и вполне мог начать неуклюжие ухаживания, затем схватиться с ней, сбить с ног и убежать, а потом сделать попытку обелить себя, «обнаружив» ее наутро. Нужно будет его проверить. Есть ли приводы? Не подглядывает ли в окна? Из числа подозреваемых Кравиц не исключал никого.

Крейн закончил осмотр.

— Пока что,— сказал он сержанту Кравицу,— могу сделать вывод, что кто-то ударил ее кулаком справа, она упала навзничь и стукнулась головой об угол кофейного столика. Когда? Двенадцать часов назад плюс-минус час. Примерно между десятью и полуночью. Изнасилована? Сомнительно. Есть ли что-нибудь под ногтями? Кажется, нет, точно установим в лаборатории. Позвоните завтра, мы приготовим полный отчет.

— Благодарю,— сказал Кравиц, и старый врач поплелся к черному «меркьюри», поставленному напротив пожарного гидранта. Когда он отъехал, появились дактилоскопист и фотограф. Кравиц постоял с ними на крыльце, выкурил сигарету и объяснил, что от них требуется. В соседних домах пока все было тихо, спокойно, никто ни о чем не догадывался. Когда приедут репортеры с кинооператорами и санитарная машина, все преобразится. Соседи столпятся на другой стороне улицы, станут глазеть, сплетничать, обмениваться слухами. И при этом Кравиц будет наблюдать за ними из верхнего окна, потому что среди них вполне может оказаться убийца, и в любом случае он вскоре начнет допрашивать всех этих людей. Но пока что в чопорных, богатых домах все было тихо. Кравиц пожал плечами и снова вошел в дом.

После того как дактилоскопист осмотрел телефон, Кравиц позвонил в управление молодому сотруднику, который наводил для него справки.

— Кажется, этот дом принадлежит женщине по фамилии Колдуэлл, но мы не можем найти ее,— сказал молодой сотрудник, переведенный на кабинетную должность, потому что его вырвало, когда в багажнике машины обнаружили двух задушенных медсестер.

— Свяжись с жилищными агентами Джорджтауна,— сказал Кравиц.— Узнай, кто платит налоги. А что говорят в телефонной компании?

— Тут странное дело. Документы исчезли.

— Как это, черт возьми, и с ч е з л и?

— Этот тип проверил и сказал, что их нет на месте. Он ничего не может понять.

— Поезжай туда, заставь его объяснить,— повысил голос Кравиц.— Живо!

Он бросил трубку, вздохнул и услышал с улицы голоса. Выглянув, он увидел двух знакомых репортеров уголовной хроники, они спорили с полицейским, которого он поставил охранять вход.

Через минуту полицейский вошел.

— Сержант, репортеры говорят, что предельный срок уже кончился.

— Скажи, что сейчас выйду.

Кравиц хотел подождать, пока не подъедут остальные репортеры, чтобы не повторять одно и то же дважды или трижды. Кроме того, ему требовалось подумать, от того, что он скажет, зависело многое. Загадочное убийство в Джорджтауне — газеты набросятся на него, и, когда Кравиц найдет убийцу, болваны из муниципалитета должны будут сделать его очередным начальником сыскной полиции.

Им это было б совсем нетрудно, мешало только, что в начальниках сыскной полиции никогда не было негра, а черные в муниципалитете отчаянно требовали своего, у них даже был кандидат, лодырь по фамилии Колмен, будь он белым, его давно турнули бы из полиции за некомпетентность. Но Кравиц все же считал, что если поведет дело как надо, то может получить эту должность. Молодой репортер уголовной хроники из газеты «Пост» обещал поместить в воскресном приложении материал о Кравице, если только найдет для этого повод. Ну так вот, это дело будет поводом для его статьи и еще многих статей. А подобная реклама производит впечатление в Вашингтоне, подобная реклама делает конгрессменов сенаторами, сенаторов — президентами и может сделать Джо Кравица начальником сыскной полиции.

Перед домом хлопнули дверцы еще нескольких автомобилей, и наконец Джо Кравиц, специалист по расследованию убийств и политике, погасил сигарету, смахнул нитку с рукава, поправил галстук и уверенно вышел на встречу с прессой.

3

Бен Нортон проснулся в девять с тяжелой головой. Накануне вечером он вернулся домой рано, но засиделся до глубокой ночи, потягивая бурбонское виски и ломая голову над рассказом Фила Росса о Донне с Эдом Мерфи. Скорее всего Донна решила вернуться в Вашингтон и работать в администрации. Если так, он скоро об этом узнает. Однако у него были более неотложные заботы, например, доложить в фирму «Коггинс, Копленд и Стоун» о своем возвращении. Он поднялся, сварил кофе и позвонил секретарше Уита Стоуна, женщине такой же грозной, как ее босс, взявшей себе за правило каждые несколько лет сживать со свету какого-нибудь молодого юриста, чтобы уцелевшие лебезили перед ней. Что они и делали.

— Эвелин? Это Бен Нортон, вернулся с фронта.

— Твоего звонка мы ждали вчера,— ответила Эвелин, совершенно равнодушная к мальчишескому обаянию Нортона.

— Я валился с ног из-за смены часовых поясов,— солгал он.— И проспал весь день. Теперь готов приступить к работе.

— Уит ждет тебя к ленчу в половине первого,— сказала Эвелин.— Не опаздывай.

Нортон не опоздал, но Уитни Стоун задерживался, молодой юрист сидел в приемной своего босса, лениво перелистывал старый номер журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», и его беспокойство все усиливалось. Он недолюбливал Уита Стоуна, не доверял ему и не совсем понимал, почему работает у него в фирме. Разумеется, он уважал его как очень удачливого вашингтонского адвоката, дающего своим клиентам то, что им нужно, но в Уите Стоуне и его фирме была какая-то холодность, с которой он так и не

свыкся. Иногда он думал, что ему было бы лучше в какой-нибудь старой, меньше связанной с политикой фирме, например, «Ковингтон и Берлинг», но год назад, когда он решил бросить работу в штате сенатора Уитмора, времени на поиски у него не было, а Уит Стоун сделал ему самое лучшее и самое быстрое предложение, включая командировку в Париж. Нортону же в то время больше всего хотелось уехать из Вашингтона как можно дальше. И, разумеется, это была хорошая фирма; у нее были важные клиенты, в ней Нортону платили хорошее жалованье. Неприятен был только сам Уит Стоун.

Об Уите Стоуне среди младших сотрудников в течение многих лет из уст в уста шепотком передавалась легенда. В ней рассказывалось, как Стоун в сравнительно молодом возрасте стал совладельцем фирмы. Основал фирму в 1942 году Джон Коггинс, адвокат времен «нового курса», он (как гласило предание) подкупил врача, чтобы тот признал его непригодным к военной службе, потом бросил работу в министерстве юстиции, приносившую в год шесть тысяч долларов, и основал частную юридическую практику, давшую ему в конце войны четверть миллиона в год. В конце сороковых годов Коггинс понял, что ему нужен партнер, и выбрал Мейсона Копленда, рослого проницательного уроженца Среднего Запада, имевшего связь с администрацией Трумэна. Копленд был не только хорошим адвокатом, но и авантюристом, обожавшим интриги и риск, и потому несколько лет спустя, когда незамужняя дочь президента забеременела, когда член Верховного суда был задержан в дешевом отеле с несовершеннолетней, когда пьяная супруга президента разбила вазу о голову пожилого врача, потому что тот пытался утихомирить ее... и в других подобных ситуациях обращались к Мейсону Копленду, а он пускал в ход уговоры, лесть, деньги или угрозы, необходимые для спасения.

В середине пятидесятых годов с Коггинсом случился сердечный приступ, и Копленд, возглавивший фирму, нанял нескольких молодых юристов, имевших связь с администрацией Эйзенхауэра; того, кто окажется лучшим, он собирался взять в партнеры. Одним из них был аристократ Уитни Стоун, он окончил Гарвард и успел поработать в министерстве юстиции. У Стоуна была жена, богатая и красивая, двое малышей и тот род честолюбия, который именуется неуемным.

Мейсон Копленд уважал Стоуна, поглядывал на его жену и весной 1960 года отправил его в Техас вести важные переговоры об аренде нефтеносного участка. Однако переговоры сорвались, Уит Стоун вернулся на два дня раньше, чем ожидалось, и застал Копленда в постели со своей женой. Жена, убоясь побоев, нагишом убежала в ванную и заперлась, но ей был неведом юридический склад ума, и пока она дрожала на краю ванны, ее муж и любовник — последний обернул простыней, словно тогой, свои потные плечи — быстро завершили переговоры, приведшие к тому, что фирма стала называться «Коггинс, Копленд и Стоун».

Предание гласило, что, когда переговоры были окончены, старый юрист поглядел на будущего молодого партнера и сказал: «Один вопрос, Уит. Ты подстроил это?»

И, если преданию можно верить, Уит Стоун ехидно улыбнулся и ответил: «Ты не узнаешь этого, Мейсон. Никогда не узнаешь...»

— Бен, очень рад тебя видеть,— сказал, открыв дверь, Уитни Стоун.— Входи. Я бы не заставил тебя ждать, но, едва ты приехал, позвонил министр юстиции.

Нортон отбросил журнал, поднялся с кресла и поздоровался за руку со своим боссом. Рука Уитни Стоуна была маленькой, хрупкой, холодной, касаясь ее, Нортон всегда содрогался, даже в тех случаях, когда, как и теперь, Стоун был само обаяние.

— Входи, Бен,— сказал он.— Немного шерри? Отлично. Садись.

Они сели на противоположные края софы в дальнем углу большого кабинета. Стоун сам налил два стакана и поднял свой в тосте.

— За тебя, Бен. Ты прекрасно поработал для нас в Париже.

Нортон улыбнулся, пригубил шерри и тоже ответил любезностью:

— Видимо, здесь есть и твоя заслуга, Уит. Когда соглашение готово было расстроиться, арабы вдруг полностью изменили свою позицию. Я решил, что ты здесь нажал кой-какие кнопки.

— Вот как?— В полуприкрытых глазах Стоуна промелькнуло любопытство. Видимо, подумал он, Нортон более проницателен, чем казалось. Нужно будет иметь это в виду.

— В общем, едва арабы изменили курс, люди из ЦРУ или те, кого мы принимали за них, скрылись с глаз. Со своей стороны, мы не предпринимали ничего, поэтому я решил, что, видимо, тут постарался deus ex machina[1]. Ты казался вероятной кандидатурой.

Стоун неторопливо усмехнулся; он добился в Вашингтоне такого влияния, что к нему, как и к определенным выборным лидерам, обращались, беря в расчет не только его интересы, но и его представление о самом себе, а роль «deus ex machina» ему очень нравилась.

— Я поговорил кое с кем,— довольно сказал он.— В конце концов эта сделка важна не только в экономическом, но и в политическом смысле. Она явится фактором стабильности на Ближнем Востоке. А здесь есть люди с далеко идущими в этом направлении планами.

Стоун выразился неопределенно, создав впечатление, что его тайные связи с ЦРУ обеспечили успех делу, над которым Нортон и еще десять юристов бились около года.

— Ладно, Бен, хватит о Париже. Я хотел бы получить от тебя полный письменный отчет, но сейчас давай подумаем о будущем. Ты вернулся, твой приятель Уитмор стал президентом, и тебя ждут успехи. Пойдем поедим?

Они прошли футов десять по коридору к столовой фирмы, которая, будь она открыта для публики, котировалась бы на одном уровне с лучшими французскими ресторанами Вашингтона. Она экономила время сотрудников, производила впечатление на клиентов, а расходы на ее содержание, около двухсот тысяч долларов в год, разумеется, списывались в счет налога.

Негр в белой куртке подал им вино и черепаховый суп, и Стоун перевел разговор на Белый дом.

— Скажи, Бен, говорил ты после возвращения с президентом или с мистером Мерфи?

Нортон подавил улыбку.

— Нет еще, Уит.

— Это обходительность, пренебрегать ею не стоит. Им будет интересно узнать, что ты снова в Вашингтоне.

Тут Нортон позволил себе улыбнуться.

— Сомневаюсь, Уит, чтобы мое возвращение их очень интересовало.

— Не скромничай, мой мальчик. Они о тебе высокого мнения. И ясно дали мне это понять, когда ты поступил в фирму. Я не удивлюсь, если они попытаются переманить тебя к себе. В любом случае ты, несомненно, будешь иметь с ними дела по вопросам, интересующим наших клиентов.

В этом, разумеется, и была причина теплого приема. Нортон решил переменить тему.

— Уит, что ты скажешь об Уитморе? В Париже я слышал противоречивые мнения.

— Он проницательный человек,— ответил Стоун, и в голосе его звучало почтение.— Некоторые его... э... *популистские* наклонности настораживали кое-кого из наших клиентов, но он проделал прекрасную работу для укрепления своей общественной поддержки. Интересный человек.

Официант унес суповые тарелки и подал второе — креветки для Нортона, морского окуня для Стоуна.

— Ну вот что, Бен, раз ты вернулся, нужно будет поручить тебе работу.

— Чем больше, тем лучше.

— Молодчина. У нас появился новый клиент, фирма «Бакстер коммуникейшн», и проблема, в которой ты можешь помочь.

— Харви Бакстер,— сказал Нортон, радуясь, что наконец они перешли к делу.— Несколько газет в Техасе. Хочет баллотироваться в губернаторы.

— Точно. И еще собирается купить несколько радиостанций в маленьких городах, но, видимо, никто не имеет ни малейшего представления, как отнесется к этому глава антитрестовского отдела.

— Гай Тиммонс,— сказал Нортон.— Я прочел о его назначении.

— Твой знакомый?

— Мы встречались в Капитолии. Тиммонс готовил для Уитмора кой-какие справки. По-моему, это единственный профессор, сумевший произвести впечатление на Эда Мерфи.

— Сможешь ты поговорить с ним о предполагаемом приобретении Бакстера? Само собой, неофициально.

— Я думаю, это будет крайней мерой. В министерстве юстиции у меня есть более близкие знакомые, они могут помочь.

— Отлично,— сказал Стоун.— Постарайся сделать что-нибудь к будущей неделе. Бакстер приедет повидать меня.

— Какую позицию занимали его газеты во время выборов?

— Не поддерживали ни того кандидата, ни другого.

— Денежные взносы?

— Он и его семья выложили по десять тысяч каждому из кандидатов.

Нортон рассмеялся.

— Это не поможет.

— Возможно, теперь его газеты будут поддерживать президента.

— Это не повредит.

— Я поговорю с ним,— сказал Стоун. Он помешал ложечкой кофе, и тема была закрыта. Когда ленч окончился, Стоун как-то странно поглядел на Нортона.

— Еще одно, Бен, вопрос, может быть, щекотливый, но ходили кой-какие слухи... Ты слышал что-нибудь о связи Уитмора с одной молодой женщиной?

Нортон допил последний глоток кофе и постарался солгать как можно бойчее.

— Нет. А что?

Стоун недовольно поджал губы.

— Наверно, слухи были неточными,— сказал он.— Сам знаешь, сколько ходит сплетен. Я думал, что если бы мы обнаружили их причину, скажем, какое-то недоразумение, то оказали бы президенту услугу. Это так, случайная мысль.

Он поднялся, Нортон тоже.

— Бен, я очень рад, что ты снова с нами.

Нортон ответил, что тоже рад, они довольно церемонно пожали друг другу руки, и Нортон пошел к себе в кабинет. Он подумал, что ленч прошел неплохо, хотя, как и все встречи с Уитом Стоуном, оставил кисловатый привкус.

Зазвонил телефон, у Нортона временно не было секретарши, и он поднял трубку.

— Бен Нортон?— спросил кто-то незнакомый.

— Да.

— Видел последний выпуск «Стар»?

— Кто говорит?

— Загляни в газету, приятель,— сказал тот,— потому что одна твоя знакомая найдена убитой.

— Что?

Неизвестный повесил трубку. Нортон в раздражении медленно опустил свою. Неужели в Вашингтоне уже не стало покоя от хулиганских звонков? Он пожал плечами и стал читать рекомендованную Стоуном статью в юридическом журнале. Но сосредоточиться не мог: что-то терзало его подсознание. Минуту спустя он шел к столу секретарши приемной.

— «Стар» уже пришла, Джози?

— Только что,— ответила молодая женщина и подняла с пола один из двух ежедневно доставляемых посыльным экземпляров.

Нортон бегло просмотрел первую страницу и обнаружил внизу то самое сообщение, заголовок гласил: «МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА НАЙДЕНА УБИТОЙ В ДЖОРДЖТАУНЕ».

Он стал читать:

«Полиция округа в настоящее время расследует убийство молодой женщины, тело ее было обнаружено в частном доме на Вольта-плейс в Джорджтауне. Сержант Кравиц сообщил, что в полдень женщина была еще не опознана, и неизвестно, кому принадлежит дорогой особняк, где был обнаружен труп. По словам Кравица, женщину ударили в лицо, и, видимо, она скончалась от сотрясения мозга, упав и ударясь головой о кофейный столик. Кравиц сказал, что изнасилована женщина не была. По его описанию, ей около тридцати лет, рост пять футов два дюйма, вес сто десять фунтов, у нее длинные каштановые волосы и карие глаза».

Нортон с нарастающим беспокойством дважды перечитал сообщение. Потом вспомнил, что Фил Росс видел Донну в Джорджтауне. Описание внешности полностью подходило ей.

— О господи,— прошептал он.— Господи, не может быть.

Не помня себя, он выбежал на улицу и стал ловить такси, крича, чтобы ради бога кто-нибудь отвез его в Джорджтаун.

4

Соседи все утро наблюдали из дворов, как подъезжали и отъезжали полицейские машины. Первой к сержанту Кравицу подошла высокая женщина в светло-зеленом брючном костюме. Она перешла улицу и взглядом дала понять, что хочет поговорить с ним; Кравиц спустился с крыльца и вошел вслед за ней во дворик.

— Я миссис Картер Флеминг,— сказала женщина.— Живу там.— Кивком головы она указала на роскошный дом напротив.— Вы полицейский?

[1] Бог из машины (лат.).

— Я сержант Кравиц из отдела расследования убийств.

— Убийств? Значит, кто-то погиб?

— Вы знаете, чей это дом, миссис Флеминг?

— Сержант, может, сперва вы ответите на мой вопрос? Похоже, что мы, соседи, все узнаем последними.

Кравиц попытался вспомнить, кто ее муж. Адвокат? Журналист? Конгрессмен? Она бы охотно просветила его, но спрашивать не следовало. Кравиц знал, как держать себя с джорджтаунскими матронами.

— Сегодня утром здесь обнаружена мертвая женщина,— сказал он.— Около тридцати лет, рост пять футов два дюйма, каштановые волосы, симпатичная. Вы знаете, кто она?

— Нет, не думаю.

— Не хотите ли взглянуть на тело, может, опознаете?

Женщина внимательно уставилась на него. Она была лет сорока семи — сорока восьми, высокой, загорелой, холеной. Кравиц решил, что она хороша в постели. Но для него это значения не имело. С клиентками могут развлекаться телевизионные мастера, а полицейские нет.

— Пожалуй, взгляну,— сказала она.— Раз это может помочь.

Кравиц вошел с ней в дом и открыл тело покойной. Миссис Флеминг уставилась на него с любопытством, но без малейших эмоций. Кравицу показалось, что, если бы всех более привлекательных тридцатилетних женщин тихо убрали со сцены, она ничего не имела бы против.

— Кажется, я ни разу не видела ее,—сказала наконец миссис Флеминг.— Ее изнасиловали?

— Видимо, нет.

— Интересно,— сказала она.— По-моему, если привлекательную женщину изнасиловали и убили, это одно дело, а если просто убили, то совсем другое.

— Проницательное замечание,— сказал Кравиц. Хотя оно вовсе не было проницательным. Оно было вполне логичным, а преступления, совершаемые по страсти, редко бывают логичными. Например, нелогично мужу насиловать жену до или после убийства, но Кравиц с этим сталкивался добрый десяток раз.

— Вернемся к моему первому вопросу, миссис Флеминг. Вы знаете, кому принадлежит этот дом?

— Он п р и н а д л е ж а л Рут Колдуэлл. Может, выйдем отсюда?

— Конечно.

На крыльце он закурил сигарету и предложил собеседнице. Миссис Флеминг отказалась.

— Рут Колдуэлл,— сказала она,— вдова Гаррисона Колдуэлла. Он был банкиром. После его смерти Рут уехала к дочери в Финикс. Не знаю, продала она дом или сдает жильцам. Иногда в нем бывают люди, а иногда он кажется пустым.

— Что за люди?

— Два раза я видела здесь одного молодого актера. Фамилии не помню, но он хорошо известен.

— Видели вы здесь кого-нибудь за последние несколько дней?

— Свет бывал включен. И как-то вечером несколько дней назад я видела, что со двора выезжал лимузин. Дом не очень хорош. Но стоянка не на улице. Жаль, что у меня не так.

— Вы не обратили внимания, кто был в лимузине?

— Нет, даже в голову не пришло. Лимузин в этом районе не такая уж редкость, сержант. Прошу прощения, мне становится дурно.

— Я хотел бы поговорить с вами еще. Вы будете сегодня дома?

— Вряд ли я рискну высунуть нос, пока улицы кишат убийцами.

Долго же тебе придется не высовывать носа, подумал Кравиц, но вежливо попрощался с ней и стал следить, войдет ли она в тот дом, который назвала своим.

Едва женщина скрылась в своем доме, подъехало и резко остановилось такси, рослый белокурый пассажир бросил водителю деньги и грузно вылез. Кравиц решил, что ему под сорок, он держал в руке скрученную газету, был хорошо одет и бледен, как полотно. Сейчас последует признание в убийстве, подумал Кравиц.

— Меня зовут Бен Нортон,— сказал приехавший.— Убийство произошло здесь?

— Здесь. Я сержант Кравиц.

— Описание в газете... похоже, это моя знакомая. Ее... покойную... уже опознали?

— Можно мне взглянуть?— спросил Кравиц. Нортон недоуменно замигал, глянул на свою руку и протянул Кравицу газету. Сержант пробежал глазами сообщение, с удовлетворением отметив, что поместили его на первой странице. Пока что все шло хорошо. Он вернул газету Нортону.

— Нет, опознания не проводилось. Хотите взглянуть на тело?

Нортон безучастно кивнул и пошел за Кравицем в дом.

Когда Кравиц снял с тела покрывало, Нортон вскрикнул и опустился на колени. Коснулся лица женщины и онемел от холода ее кожи, от реальности смерти. Он стоял подле нее на коленях, бледный, со слезами на глазах и что-то шептал, возможно, ее имя.

Кравиц профессионально наблюдал. Подобные сцены он видел тысячу раз. Видел истерики, смех, потерю сознания, шок, гнев, сердечные приступы и кое-когда малозаметные признаки — слишком сильные или слабые эмоции, нервозность, плохо скрытую радость,— которыми убийцы выдавали себя. Горе этого человека, Нортона, казалось вполне искренним. Что совершенно ничего не означало.

Когда Нортон поднялся, сержант снова прикрыл тело и предложил выйти на веранду. Там Нортон опустился на стул и закрыл лицо руками.

— Минутку, пожалуйста,— попросил он.

— Не спешите, мистер Нортон,— ответил Кравиц, закурил и стал ждать.

— Это Донна Хендрикс,— сказал Нортон, когда к нему вернулся дар речи.— Она родом из Цинциннати, в Вашингтон приехала шесть или семь лет назад. До последнего времени работала в штате сенатора Уитмора. Полную ее биографию можете узнать в отделе кадров сената. Я тоже работал в штате Уитмора, одно время мы с ней были близки, потом расстались, и я уехал в Париж по делам. Насколько мне известно, она уезжала из Вашингтона и жила в Калифорнии.

— Вы не знали, что она вернулась в Вашингтон?

— Нет.

Ответив, Нортон спохватился, что это не совсем так. Он н е з н а л, что Донна в Вашингтоне, но слышал от Фила Росса, что тот недавно видел ее с Эдом Мерфи. Правда, это были сведения из вторых рук, и, кроме того, Росс мог обознаться. Но все же Нортон не поправился и не упомянул о рассказе журналиста. Не потому, что был близок к шоку, скорее оттого, что и в таком состоянии политическое чутье руководило им. Нельзя было так легко приплетать Эда Мерфи, а может, и самого президента к наверняка заурядному делу об убийстве. Нортон прекрасно знал о возможных последствиях — слухах, сплетнях, газетных заголовках, клеветнических кампаниях оппозиции, и все это могло оказаться совершенно неоправданным. Он решил поговорить с Мерфи. Узнать побольше о его встрече с Донной и о том, что она делала в Вашингтоне. Но отправлять к нему этого полицейского он не собирался.

— Вы не знаете, почему мисс Хендрикс уехала из Вашингтона?— спросил Кравиц.

Нортон снова заколебался. Эти вопросы раздражали его, как резкие прямые левой в боксе. Он не мог сказать сержанту и о причине отъезда Донны.

— По-моему, Вашингтон ей надоел,— ответил он. Это было правдой.— Донна решила, что это город для мужчин, и устала с ним сражаться. Она писала мне из Калифорнии, что хочет пожить в одиночестве, подумать о своем будущем, заняться литературной работой.

— Письмо у вас сохранилось?

— Наверно,— уклончиво ответил Нортон. Он прекрасно знал, что письмо цело.

— Я бы хотел ознакомиться с ним.

— Это необходимо?

— Мистер Нортон, поймите, мы расследуем убийство. Возможно, мисс Хендрикс убил грабитель, мы обнаружим его отпечатки пальцев и завтра же арестуем. Но дело может оказаться и гораздо сложнее. Нам нужно знать как можно больше о мисс Хендрикс, чтобы разобраться во всем.

— Таким образом вы ничего не добьетесь. Ни один человек в здравом уме не стал бы убивать Донну. Она была очень доброй, очень милой...

Нортон опустил голову, потом снова взял себя в руки.

Кравиц бесстрастно наблюдал за ним. Он решил, что Нортон что-то скрывает. Пока он не знал, что, но не сомневался, что в конце концов выяснит.

— Кто были ее друзья, мистер Нортон?

Нортон недовольно нахмурился.

— У нее было много друзей.

— Назовите несколько фамилий.

— Любой из сотрудников Уитмора, мы все были друзьями. И Гвен Бауэрс, она, пожалуй, была самой близкой подругой Донны.

— Гвен Бауэрс,— повторил Кравиц.— Она... выступает по телевидению, так ведь?

— Да, Гвен теперь знаменитость,— сказал Нортон.— Но с Донной они были подругами детства. Жили когда-то в одном доме.

— Были враги у мисс Хендрикс?

— Нет, ни единого.

— У красивых женщин бывают враги. Негодующие женщины, оскорбленные в своих чувствах мужчины.

— Я пытаюсь втолковать вам, что Донна была не такой,— сказал раздраженно Нортон.— Ее все любили.

— Вы не знаете, были у нее какие-нибудь романтические осложнения в прошлом году?

— Нет, откуда мне знать.

— Были у нее друзья в мире кино?

— В мире кино? Возможно.

— Не знаете, чей это дом?

— Нет.

— Бывали здесь раньше?

— Нет.

— Не знаете, почему она остановилась здесь?

— Нет,— ответил он, уже не скрывая раздражения.

Сперва Нортон не замечал ни внешности Кравица, ни его тона, но тут пригляделся, увидел маленькие, буравящие его синевато-серые глаза, уловил за вопросами враждебность и ощутил неприязнь к этому полному, лысеющему полицейскому, курящему сигарету за сигаретой.

— Что вы делали вчера вечером, мистер Нортон?

— Утром я прилетел из Парижа, весь день проспал, к вечеру поднялся и зашел в бар Натана выпить пива — у меня дом на Двадцать восьмой стрит. Там случайно встретил Фила Росса, журналиста, немного поболтал с ним. Но я был усталым и ушел домой рано, часов в восемь.

— Вы живете один?

— Да.

Кравиц закурил снова и задал давно назревший вопрос, настолько очевидный, что, казалось бы, Нортон, не дожидаясь его, сам предложит ответ.

— Давайте разберемся, мистер Нортон. Вы не видели мисс Хендрикс целый год, считали, что она живет в Калифорнии, но, прочтя в газете об убитой в Джорджтауне молодой женщине, бросаете все и мчитесь сюда на такси в полной уверенности, что это она. Я вас правильно понял?

Нортон нахмурился и неловко заерзал на стуле.

— Нет,— ответил он.— Я не сказал вам об одном странном событии.

— Каком?

— Сегодня сразу же после ленча мне позвонили. Какой-то человек удостоверился, что это я, и посоветовал заглянуть в газету, потому что убита одна моя знакомая. Тогда я прочел сообщение в газете, увидел, что описание соответствует внешности Донны, и приехал сюда.

— Тот человек не назвался?

— Нет.

— Не представляете, кто он?

— Нет.

— Заметили какую-нибудь особенность голоса? Негритянский акцент? Иностранный? Южный?

— Звонил, по-моему, белый. Голос неприятный. Без акцента.— Нортон задумался.— Единственное, что характерно, этот человек назвал меня «приятель». В этакой развязной манере. Сказал он примерно вот что: «Загляни-ка в газету, приятель, потому что твоя подружка убита».

— Может, ваша секретарша что-нибудь заметила?— настаивал Кравиц.

— Нет, трубку поднял я сам.

Кравиц изучал лицо своего собеседника, словно ученый, глядящий в микроскоп.

— Я сам ломал над этим голову,— продолжал Нортон.— Кто мог звонить и зачем? Кто знал, что она убита? Насколько я понимаю, знали ваши люди, полиция. И те, кто заглядывал в газету. Но мало кто знал, что я вернулся.

Он умолк и в недоумении потряс головой.

— Вы забываете кое-что, мистер Нортон,— спокойно сказал Кравиц.— Мы не знали, кто она. В газетном сообщении фамилии нет. Что убитая — Донна Хендрикс, знал только тот, кто ее убил. И тот, кому убийца мог рассказать о преступлении. Но все равно это не объясняет звонка вам.

— Может, хотели ее опознания?— сказал Нортон.

— Может,— согласился Кравиц.— Но позвонить в управление полиции или в редакции газет и назвать ее фамилию было бы проще, чем втягивать вас.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

«ШКОЛЫ ГЛУБИНКИ»

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

Так назывался материал собственного корреспондента журнала Владимира Кузнецова, опубликованный в № 49 прошлого года. Речь в нем шла о состоянии сельских школ, оказавшихся вне зоны внимания Хабаровского краевого отдела народного образования. О мерах, которые приняты после выступления «Огонька», сообщает заведующий крайоно тов. П. А. Акимов.

«Отдел народного образования Хабаровского крайисполкома сообщает, что статья обсуждена в коллективе крайоно, партийных и советских органах Хабаровского и Вяземского районов, педагогических коллективах школ. Факты, вскрытые корреспондентом, имели место, по ним приняты соответствующие меры.

В настоящее время нормализован тепловой режим в средней школе и учительском доме поселка Дормидонтовка Вяземского района. В связи с тем, что здесь в ближайшие годы не представляется возможным иметь канализацию и систему водоснабжения, в школе решен вопрос по местной канализации. На первые два этажа пущена вода от котельной через расширительный бак на чердаке.

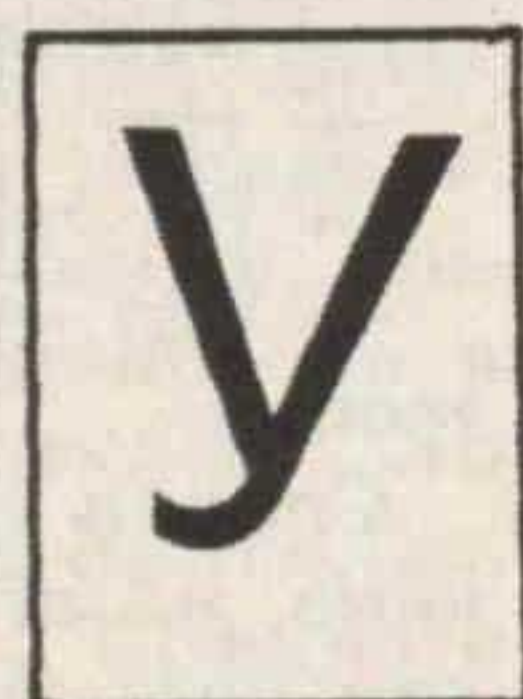
Строительство новой школы в селе Капитоновка планируется в 13-й пятилетке. В настоящее время площадь школы расширена за счет жилого дома, где разместились учебные мастерские и буфет на 20 посадочных мест.

В декабре 1986 года сдана в эксплуатацию пристройка к Тополевской средней школе Хабаровского района. Исполком Хабаровского районного Совета народных депутатов своим решением закрепил за школой три базовых предприятия, определил количество производственных мест для профессионального обучения старшеклассников. С девушками 9—10-х классов возобновлены занятия по растениеводству, с юношами — по автоделу. В с. Тополево частично решен вопрос с жильем для учителей. В январе 1987 года квартиры получили директор школы Высоцкая З. А., заместитель директора по учебно-воспитательной работе Когут Г. И., учительница русского языка и литературы Солуянова Н. В., учительница начальных классов Федоркова Т. А., мастер производственного обучения Стебеньков С. Н.

Отдел народного образования крайисполкома принимает меры к повышению организаторской деятельности аппарата в целом и личной ответственности каждого за результаты учебно-воспитательного процесса в учреждениях просвещения».

Честно говоря, получив это письмо, редакция все же особого оптимизма не испытала. Неужели требовалось вмешательство «Огонька», чтобы обогреть учащихся и их наставников, провести воду в жилье учителей и организовать нормальную производственную практику!

Следовало ли доводить названные школы, весьма далекие сегодня от понятия «храм знания», до критического состояния! Одним словом, редакция оставляет проблему школ дальневосточных «глубинок» под своим контролем.

А ДОМОЙ ПРИХОДИЛИ НА ЦЫПОЧКАХ...

У метро «Юго-Западная» Антонина Титова, привычно оглянувшись, пересела из своих «Жигулей» в машину с иностранным номером. Она не волновалась: так было уже не раз. И после каждой такой встречи возвращалась домой с сотнями новеньких, еще не потертых на сгибах долларовых банкнотов. Уступал их «фирмач», как правило, дешево.

От предыдущих операций нынешняя отличалась только необычно большой суммой сделки. Титова быстро, не пересчитывая, поменяла рубли на доллары, успела пошутить:

— Что так срочно и так много, Рэм? Задолжал кому?

— Так, за услугу одну должен расплатиться,— нехотя буркнул иностранец.— С другом фирмы.

Дальше все произошло в считанные секунды: дорогу перегородили две «Волги», выскочившие из них молодые люди мигом оказались в машине Рэма.

Так пришел конец и незаконным валютным операциям А. Титовой. Оборотный капитал для махинаций Титова скопила, продавая свое тело иностранцам. В Москве таких, увы, отнюдь не единицы.

...Зимний сад центра одного из столичных ресторанов как оазис среди стужи. В березовой рощице — справные, нарядно одетые девчата. Того и гляди поведут хоровод вокруг березки, и зашелестит она в ответ листьями. Но едва приклонишь ветку, чтобы вдохнуть терпкий аромат нежданной зелени,— словно обмылок в руки взял. Деревца-то пластмассовые! Хоть и искусная, да подделка, не жизнь, а лишь отражение ее.

— Как мы сами, как все у нас,— признает теперь в следственном изоляторе двадцатичетырехлетняя Вика Островская, проститутка с пятилетним стажем. Самопродажа, последовавшие за ней валютные махинации принесли ей двести тысяч дохода.

До ареста Вика была довольна своей жизнью:

— У меня все было. Я ни в чем не нуждалась. Материальная сторона не волновала.

— А моральная?

— В нашей среде об этом не думали. Я воспринимала эту процедуру как работу. Как-то не задумывалась ни о чем. Мне как женщине было все равно, просто уже до автоматизма доходило...

Инна Головецкая на десяток лет постарше своей товарки. Она то привычно пытается «строить глазки», то, вспомнив, где находится, пускается в слезы. Считает, что до тюрьмы ее «довела любовь». Инна из «старшего поколения». Из тех, о ком Вика говорит, что они «уже не молодые, не блещут там особой какой-то внешностью, поэтому новеньких выгоняют, бьют, сдают оперативникам». Правда, Вика и сама считает, что «новенькие» пошли слишком наглые, рвутся насильно в номера к иностранцам.

Резюме Головецкой было кратким: «Мы были скромнее».

Но хватит этих подробностей, от которых, честно говоря, с души воротит. Бить в колокола нужно по другому поводу: как проникло в наше общество это явление, почему, не будем скрывать правду, быстро распространяется?

Возникшие в последние годы элементы социальной коррозии, говорилось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, негативно сказались на духовном настрое общества, незаметно подтачивали высокие нравственные ценности, которые были всегда присущи нашему народу. Неизбежное следствие этого — проявления бездуховности и скептицизма. Пагубное влияние на нравственную атмосферу в обществе оказывали факты пренебрежительного отношения к законам, очковтирательство и взяточничество.

Были преступления, не было наказаний. Любители нетрудовых доходов, не стесняясь, демонстрировали бриллианты и норковые шубы, кичились «умением жить». Все это — на глазах у молодежи, прямо или косвенно заставляя ее переосмысливать духовные ценности. Честь, совесть, достоинство, которые, как сказала

РАЗБУДИТЬ ДОСТОИНСТВО

Судьба нашей страны в силу исторических условий долго складывалась так, что нам приходилось терпеть лишения и неудобства. Теперь мы все сыты, обуты, одеты, грамотны, имеем крышу над головой, работаем или учимся, где хотим. И все же, оглядываясь на большой и сложный путь, пройденный нашим народом, нельзя не признать: не все на этом пути было правильно и гладко.

Разумеется, среди нас живет и трудится множество истинно культурных, интеллигентных людей. Их деятельность — залог дальнейшего прогресса, который невозможен без интеллектуального, творческого, осмысленного подхода к любому делу.

Культура, конечно, определяется отнюдь не только институтским дипломом, модной одеждой и более или менее складной речью, хотя в подобном заблуждении пребывает сейчас немало наших сограждан.

Скажем, квалифицированный рабочий, хороший семьянин, человек грамотный, во всех отношениях современный — может ли он относить себя к категории культурных людей, если, например, всегда выполняет производственный план, но знает при этом, что вся продукция его предприятия — брак? Знает — и безропотно продолжает участвовать в его производстве. То же самое можно сказать и о районном руководителе, если он ради возведения безликого современного строения обрекает на снос бесценные историко-культурные памятники.

Некомпетентность, профессиональное дилетантство, отсталая организация дела отрицательно сказываются на состоянии всей экономики государства. На мой взгляд, без заметного повышения культуры бытия тоже трудно рассчитывать на успех задуманных нами грандиозных перемен. Я назвала бы этот участок перестройки фронтом борьбы за человеческое достоинство и хочу привлечь внимание читателя к самым обыденным, привычным сторонам нашей жизни, чтобы вместе поразмышлять над ними.

У кого из нас, горожан или сельских жителей, не возникала досада по поводу чистоты наших улиц? Увы, воспетая Гоголем лужа здравствует и поныне. Чтобы разговор был предметнее, давайте посмотрим на густонасе-

Инна, «руками не пощупаешь», вытеснялись машинами, дубленками, коктейлями под пластмассовыми березками, мечтами о сладкой жизни.

Лена Грачева из Краматорска после школы собиралась в Сибирь: «Пожить настоящей жизнью, заработать». В Москве зашла к своей двоюродной сестре, уже упомянутой Титовой.

— Зачем горбатиться на краю света, когда здесь в сто раз больше, если с умом, иметь можно?— образумила ее родственница.

Вика Островская окончила в Херсоне с золотой медалью школу, была в девятом классе комсоргом. Приехала поступать в МГУ, но не прошла по конкурсу. Родная тетя, некая Трофимова, скрывающаяся сегодня от правосудия, буквально за руку привела племянницу под пластмассовые березки, поучая:

— Молодость нужно продавать подороже...

Стареющие жрицы любви подсовывают иностранцам своих дочерей как наживку. Те выбирают клиентов, оговаривают с ними цену, ведут домой. И для себя, и для мамы.

Все затмевает нажива! Как, каким путем достаются деньги — это не важно, лишь бы они были. Такая вот, распятая в постелях и валютных «Березках», мораль.

— Оглянитесь вокруг!— увещевала нас Вика.— Вон сколько людей шикарно живут! Что — на зарплату, на трудовые доходы?! Почему кому-то можно, а мне нельзя? Я хоть не воровала...

Они в самом деле не воровали. Они продавали себя. И судили их не за проституцию — за махинацию с валютой.

Приведем еще несколько выдержек из стенограммы наших бесед с Островской, Головецкой, Титовой. Чтобы получше могли себе представить те, кто завидовал их нарядам и машинам, тот мир, в котором пребывают жрицы «шикарной жизни».

«Платить приходилось всем: швейцару за вход, официанту за место у стола клиентов и многим другим, чтобы не мешали работать, горничным, которые закрывались газетой, когда идешь в номер, врачу — я проверялась почти каждую неделю, массажистке, парикмахеру...»

«Квартиру большинство девочек снимали — огромные деньги, зато удобно, никто тебя не знает... Постоянно боишься, чтобы не обокрали. Практически всех девочек грабили, обчищали начисто. Кто? Да свои, конечно, из своего круга. Знают, что в милицию не заявишь...»

И тем не менее полнятся хороводы крашеных девчат под пластмассовыми березками. Влечет их, как ночных бабочек на огонь, жажда быстрой наживы. В итоге они кончают, как и те, кому старались подражать в жизни «на широкую ногу»,— всякого рода дельцы, взяточники. Все они перед дальней и неизбежной дорогой проходят через следственный изолятор. Здесь есть время остановиться, оглянуться. И лишенные всего, они однажды понимают: вся их суета сует, адская самопродажа — только погоня за миражем, за пластмассовым счастьем.

— Ну почему я тут сижу, я с ума схожу тут,— не нас, себя спрашивала Инна Головецкая.— Я же могла работать. Эти сумасшедшие наряды мне не нужны. Что дочке сказать, что с ней будет? Выйти бы мне замуж за хорошего человека, жить по-человечески...

Нет, оказывается, совсем не легкая эта «шикарная жизнь». Вот и Вика Островская твердит:

— Много проблем было, одиночество в том числе, хотя много меня окружало людей. Но все они из нашего, а не настоящего мира. Очень тяжело, я устала. Я уже решила — все покончу. Так устала.

Несомненно, жить раздвоенной жизнью, в двух диаметрально противоположных мирах, очень трудно, невозможно для человека с нормальной психикой. Их вечный спутник — страх. Боялись, что попадутся на валютной сделке. Боялись, что окружающие заинтересуются, на какие доходы живут. Боялись, что дети когда-нибудь узнают, чем они зарабатывают на машины, наряды. Боялись, что услышат в спину презрительное «проститутка»!

От страха спасались по-разному. Те, кто начинал пить, употреблять наркотики, быстро сходили с круга, кончали под забором. Большинство ударялись в мистику. Верили в бога, гороскоп, платили большие деньги экстрасенсам, сами пытались гадать.

Они гнались за комфортом, а в конечном итоге пришли к внутреннему разладу. Люди в этом состоянии страшны. Они ненавидят тех, у кого все хорошо, для кого честь, достоинство, совесть дороже любых больших денег. Растлеваясь сами, эти человеконенавистники стремятся непременно растлить и окружающих. Чаще всего их влиянию поддаются те, кто не успел созреть духовно,— подростки.

...Долгие годы мы стыдливо отворачивались от проституции. Дескать, нет ее у нас, потому что и быть не может. И пришли к тому, что сегодня говорим о ней уже как о явлении. Пусть не таком масштабном, как на Западе, но не замечать жриц любви мы больше не имеем права.

Конечно, не из любви к древнейшей профессии рвутся вики и инны в постель к иностранцам — за долларами. Чтобы потом перепродать их, не по официальному курсу, разумеется. Отсюда разумное предложение ряда экономистов, работников правоохранительных органов: необходимо расширить систему безналичных расчетов иностранных граждан в нашей стране. Для этого, видимо, стоит ввести в обращение новые именные платежные средства — типа еврочеков и кредитных карточек.

Когда в ряде молодежных газет появились публикации о проституции, тут же исчезли хороводы под пластмассовыми березками. Представительницы древнейшей профессии выжидают, чем это для них закончится. Если только словесными угрозами, они вновь займут свои постоянные места охоты за «наживой».

А вот если появится правовая основа для постановки их на учет, для сообщения о подобном времяпрепровождении в школы, на работу, по месту жительства, если их на законной основе каждый сможет назвать так, как именует за глаза, тогда, уверены, многие перестанут торговать своим телом.

А главное — проститутки, как и все ущербное, боятся гласности, боятся быть не только наказанными, но даже узнанными.

— Домой мы приходили на цыпочках,— признается Вика Островская.

Но пока шаги отечественных жриц слышатся довольно отчетливо. Быть может, многих остановит страх перед СПИДом, но вряд ли всех. А нужно сделать так, чтобы их вообще не было. Не будем забывать, что речь идет о нравственном здоровье общества. И не только.

...Те тысячи рублей, за которые Титова скупала у Рэма доллары, предназначались Е. Ивановскому, ныне осужденному по статье 76[1] УК РСФСР. За передачу или собирание с целью передачи иностранцам или их представителям экономических, научно-технических или иных сведений, составляющих служебную тайну...

Николай КРИВОМАЗОВ, Георгий ОВЧАРЕНКО

ленные современные кварталы крупных городов. Только в Москве в новых районах проживают миллионы людей. Народ метко окрестил такие зоны «спальными районами». Есть, конечно, красивые, удобные, чистые массивы, но они исключение из правил. А если говорить о правиле... Дома — коробки, магазины — коробки, аптеки — коробки, библиотеки—коробки... Даже застройки недавнего времени выглядят так, будто пережили землетрясение: плитки на панелях домов облуплены, по стенам — ржавые подтеки, ступени выщерблены. К остановке автобуса или в продмаг люди пробираются «кабаньими тропами», меся глину или снег, потому что у кого-то не доходят руки проложить вовремя асфальтовые дорожки.

В то же время в каждом районе города есть показательный участок, где все так, как и должно быть: и мощеные чистые дорожки, и газоны, где надо, и здание — пусть современное, стандартное, но вид имеет приличный. Я думаю, вы догадались: это райисполком. Значит, все-таки знают товарищи, которым вверена судьба новостроек, как и что нужно делать, только вот что-то не дает им распространить хороший опыт на весь городской район.

...Наблюдая работу универсамов в Чехословакии, где я жила несколько лет, приметила такую характерную особенность: в торговом зале регулярно появляется только тот сотрудник, который пополняет запасы товаров. Касс работает столько, сколько требует наличие покупателей в определенное время. Запастись продуктами можно за пять — десять минут. У нас же картина противоположная. Продукты поступают к покупателям спорадически, с большими перерывами, получить достоверную информацию о наличии товаров невозможно. Нередко люди ждут «на всякий случай», может, что-то «выбросят». В торговом зале толкутся сотрудники, неизвестно чем занятые, а кассиров-контролеров в то же время недостаточно.

Для наглядности приведу конкретный пример. На севере столицы, в конце Алтуфьевского шоссе, разделяющего два густонаселенных района, есть магазин «Диета», который работает по принципу самообслуживания. Субботний день, остается двадцать минут до перерыва на обед. Из восьми касс действуют только четыре, и в каждую выстраивается очередь примерно из тридцати человек. Непонятно зачем, но покупатели проходят двойной контроль: после кассиров-контролеров (которые за совмещение функций должны получать повышенные оклады) корзинки с продуктами проверяют еще две сотрудницы. Еще одна стоит на «выходе без покупок». Еще одна блокирует входную дверь, отбивая попытки опаздывающих людей попасть внутрь...

Мы привыкли к словам «национальная гордость», потому что для этого есть много поводов. А про словосочетание «национальный позор» мы дружно говорим: это не про нас. Тем не менее именно так хочется выразиться о таком явлении крайнего бескультурья, как наши общественные и учрежденческие туалеты.

Буквально миллионы людей ежедневно испытывают на этой почве унижающие человеческое достоинство эмоции. А ведь если подходить к житейскому вопросу комплексно, как это мы сейчас берем за правило,— культура в отхожих заведениях нужна не меньше, чем, положим, на предприятиях питания. Правда, на сей день примерное равенство существует: их одинаково трудно найти в нужный момент. Тем, кому приходится работать с иностранными туристами, знают, какое удручающее впечатление производит на гостей эта сторона нашей действительности. И немудрено: такого безобразия нет, наверное, больше нигде в цивилизованном мире.

Вспоминаю в этой связи юмористическую ситуацию во время турпоездки во Францию. В людном центре Парижа группа попросила гида проводить нас в «не предусмотренное программой место», и мы пошли. На подступах чувствовался нежный запах духов, а из дверей выходили люди с аккуратными прическами и явно освеженными лицами. Мы сказали гиду, что произошло, возможно, недоразумение — нужен не салон красоты, а более прозаичное заведение. Но ошибки не было. Не буду останавливаться на подробностях сервиса за франк, скажу только, что из обыкновенного подземного перехода, где размещается туалет, мои коллеги выходили похорошевшими и изумленными.

Если найдется наконец энтузиаст, который решит организовать у нас столь необходимую услугу населению за входной пятак или гривенник, его, право, не грех послать на стажировку на Елисейские поля. Но не на киевский Крещатик; там половину системы освоили, то есть деньги берут, а со второй частью — сервисом — пока не получилось.

* * *

Этот разговор я завела вовсе не для того, чтобы вызвать пессимистический вздох: «Куда нам до Франции!» В том же Париже нам встречались клошары — бродяги, у которых дом на любой скамейке. Им не приходится и мечтать о бесплатной благоустроенной квартире. Мне прежде всего хотелось сказать о том, что, думая о завтрашнем дне, надо активнее будить человеческое достоинство в себе уже сегодня. Тогда и завтра быстрее наступит!

Софья ТИМОФЕЕВА

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

ВНОВЬ О РАКЕТКАХ, МЯЧАХ, КОРТАХ...

Накануне летнего спортивного сезона «Огонек» выступает с материалом о проблемах тенниса. Многочисленные письма любителей этой увлекательной игры свидетельствуют о крайнем неблагополучии с организацией в стране занятий замечательным видом спорта, доступным людям всех возрастов...

Статью «Кому он нужен, этот теннис?» читайте в «Огоньке» № 18.

ЖИЗНЬ ЗА «КИРПИЧОМ»

...И возникали за заборами коттеджи, охотничьи домики, двухэтажные терема и прочие хитрые особняки. И торили дороги к ним, нередко воздвигнутым незаконно, любители пользоваться земными благами за государственный счет.

Ныне, по решению правительства Казахской ССР много таких «престижных объектов» передаются под поликлиники, больницы, пионерские лагеря, гостиницы, общежития, квартиры. Об этом читатели скоро узнают из очерка «Жизнь за «кирпичом».

СИНИЦА ПАНА ТАДЕУША

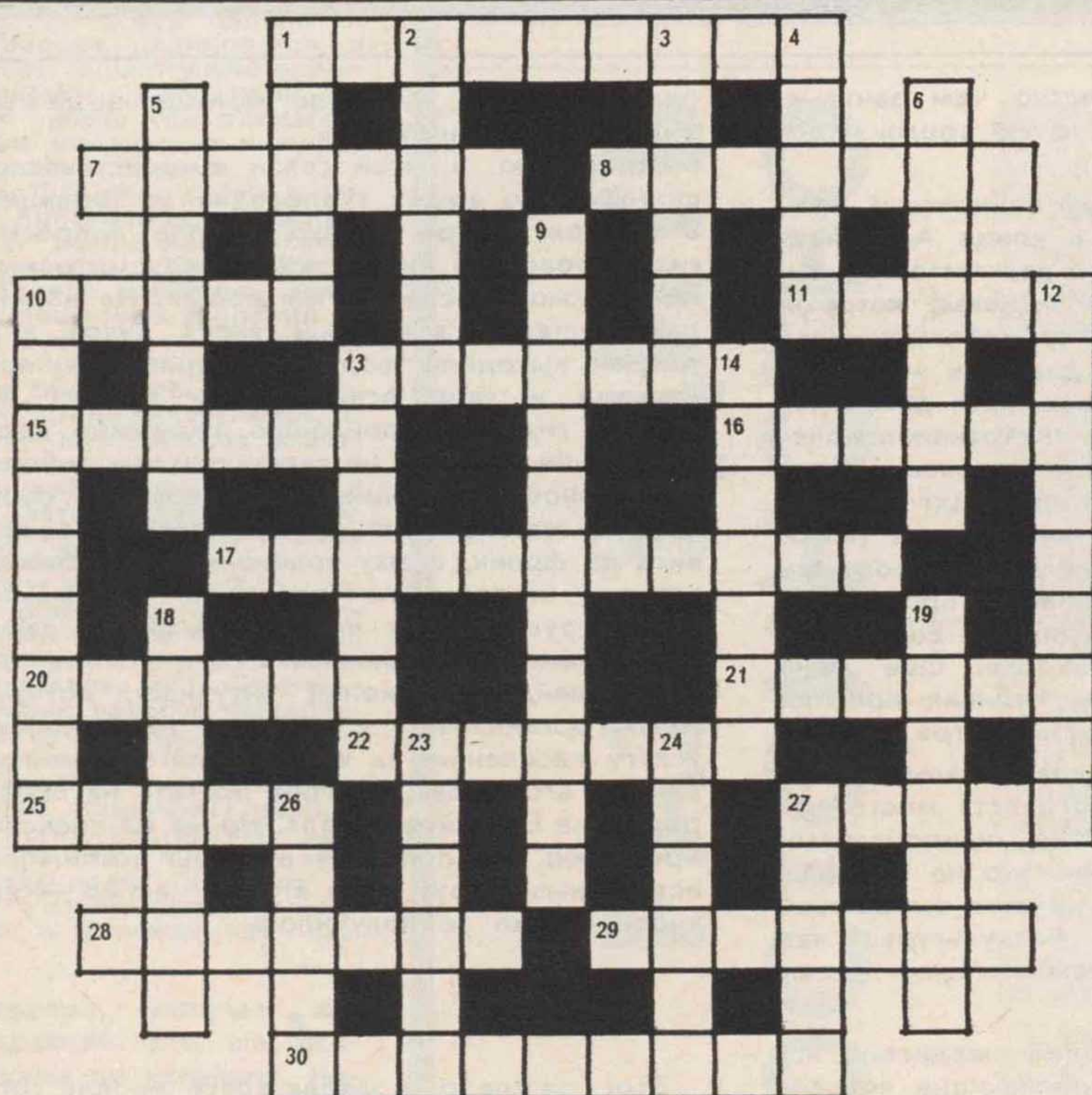
«Пан Тадеуш улыбнулся, вздохнул — сегодня Мария вернется, она сама сказала: «Жди двадцать пятого»,— значит сегодня, наверное, пересекла уже границу, и утренний ветерок сдувает сейчас стерлитамакскую пыль с крыши ее «малюха».

Новый рассказ московского прозаика Вячеслава Шугаева читайте в одном из ближайших номеров.

ПИСЬМА БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Более тридцати лет назад Борис Пастернак окончил роман «Доктор Живаго», текст которого вскоре увидит свет в нашей стране (его готовит к публикации журнал «Новый мир»). В нашем журнале будет напечатан отрывок из «Доктора Живаго».

В одном из ближайших номеров «Огонька» будут помещены письма Б. Пастернака, в которых раскрываются обстоятельства работы над романом.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Советский космонавт. 7. Направление, перпендикулярное курсу судна. 8. Отступление от главной темы изложения. 10. Военнослужащий подразделений инженерных войск. 11. Народный писатель Узбекистана. 13. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Гроза». 15. Стиль в европейском искусстве XVIII века. 16. Остров в Филиппинском архипелаге. 17. Ученый и изобретатель, основоположник современной космонавтики. 20. Столица государства на западе Африки. 21. Оптическая система, увеличивающая изображение. 22. Музыкальный ансамбль. 25. Легендарный русский крейсер. 27. Промысловая рыба, обитающая в Каспийском море. 28. Приток Урала. 29. Овсяная мука. 30. Областной центр в РСФСР.

По вертикали: 1. Художественное текстильное изделие. 2. Русская мера длины. 3. Сахаристый сок растений. 4. Лесная птица семейства врановых. 5. Стихотворение В. В. Маяковского. 6. Народный художник СССР, искусствовед, академик. 9. Состояние вне сил притяжения Земли. 10. Советский космонавт. 12. Комплекс сооружений для запуска летательных аппаратов во Вселенную. 13. Северное созвездие. 14. Рассказ М. Горького. 18. Человек, удостоенный особой премии за выдающиеся заслуги. 19. Химический элемент, металл. 23. Река в Турции, Сирии, Ираке. 24. Часть света. 26. Звукоряд в пределах одной октавы. 27. Способ спортивного плавания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 5. Венецианов. 8. Глиптика. 9. Лабрадор. 10. Тура. 11. Шплинт. 13. Ниобий. 15. Фрегат. 17. Естествознание. 20. Навага. 23. Атлант. 25. «Собака». 26. Дата. 27. «Всадница». 28. Державин. 29. Шостакович.

По вертикали: 1. Аметист. 2. Тромбон. 3. Секатор. 4. Паллада. 6. Хлопок. 7. Логика. 12. Ноктюрн. 14. Иваново. 15. Фасон. 16. Тонна. 18. Батист. 19. Кеклик. 21. Анданте. 22. Гладков. 24. Триполи. 25. Сардина.

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ВЗГЛЯД ИЗ «САНДИ ТАЙМС»

Доду Миллеру — двадцать шесть, работает фотокорреспондентом в одной из ведущих британских газет — «Санди таймс». Его оперативности может позавидовать любой лондонский газетчик. Говорят, Дод умеет оказаться на месте события за несколько минут до того, как оно произойдет.

Именно поэтому он загодя прибыл в Москву, чтобы подготовить для своей газеты фотоочерк о показе мод, организованном недавно журналом «Бурда», а засняв, принес свои работы в «Огонек» и предложил нам.

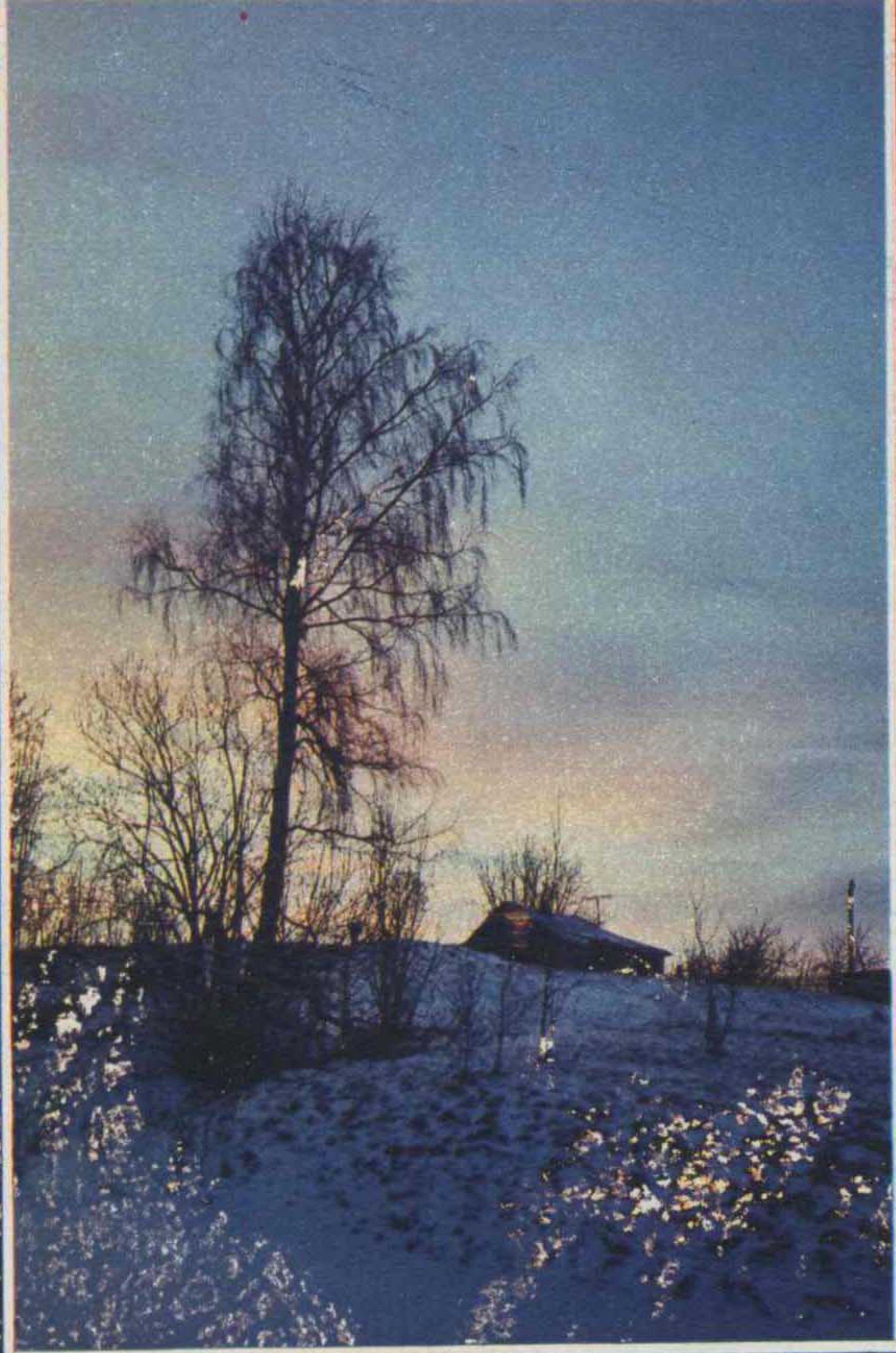
— Это совершенно новая для меня тема,— признается Дод.

Но к ее раскрытию он постарался найти свой подход, уделив основное внимание не столько одежде манекенщиц, сколько тому, какие человеческие характеры и судьбы она скрывает.

На одном из снимков Дода — Моника Шнаррэ. Ей всего пятнадцать. Однако она уже не первый год в этом взрослом бизнесе. Работает Моника в нью-йоркском бюро манекенщиц, среди которых она не только самая молодая, но и самая известная. В свои пятнадцать лет Моника уже причислена к категории «топ модэлс»—манекенщиц высшего международного класса.

— Жестокость этого бизнеса,— замечает Моника,— заключается еще и в том, что для него девушка в двадцать — уже древняя старуха.

Поэтому уже сегодня Моника вынуждена задумываться над тем, чем она займется лет через шесть-семь...

Итак, Дод Миллер представляет читателям «Огонька» восходящую звезду из Соединенных Штатов Америки Монику Шнаррэ и ее подруг. Гостьи-манекенщицы, увиденные объективом нашего гостя...

Филимоновская игрушка. Самая, пожалуй, загадочная и необычная из всей глиняной разнопестрой семьи — ее не спутаешь ни с праздничной дымковской, ни со сдержанной, скуповатой на эмоции северной каргопольской. Забавные длинноногие солдаты во френчах и полосатых штанах, а в руках вместо ружей — курица либо утка; грациозные длинношеие коровы и бараны, змееподобные медведи, любующиеся в зеркальце, — все с выдумкой, с улыбкой, с любовью...

(См. в номере материал «Сказ про филимоновскую свистульку».)

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663